

СМЕЮЩИЙСЯ СОКОЛ

и Длань Эмихола

роман

Книгоноша®
КИЕВ 2015

СМЕЮЩИЙСЯ СОКОЛ И ДЛАНЬ ЭМИХОЛА (Нурлинская Летопись)

приключенческое фэнтези
роман

Алексей Декань

ISBN 978-617-7248-03-2

© Алексей Декань, 2014
© ООО «Книгоноша», 2015

Все права защищены международным законодательством об авторских правах. Настоящая книга в целом или частично не может быть воспроизведена никакими средствами, включая электронные, механические, фотографические, звукозаписывающие, компьютерные или любыми другими, без соответствующего разрешения издателя

Книгоноша®
издательство
www.knigonosha.com

а/я 73, 02002, г. Киев, Украина
+380 67 441-6345
info@knigonosha.com

все книги издательства
вы можете приобрести в магазине
«КНИЖНАЯ ПОЛКА»®
www.knigionline.com

Посвящаю книгу своему отцу, Читателю с большой буквы. Если любовь к книгам передается по наследству, то я унаследовал одно из самых ценных качеств — умение с головой углубляться в книгу и слушать историю.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1. ГИБНУЩЕЕ СОЛНЦЕ

ГЛАВА 1 , в которой Наемник отправляется на спасение Антонио и Марии, а находит искушение	11
ИНТЕРЛЮДИЯ 1 . О трудностях свободного выбора	21
ГЛАВА 2 , в которой брат Тоуф находит кристалл, теряет реликвию и проваливается в сундук	22
ГЛАВА 3 , в которой брат Нервин катается верхом на псе, машет молотом Тора и строит из себя детектива	31
ГЛАВА 4 , в которой брат Гайл спешит на Ярмарку, Хранитель умирает, а Наемник купается в озере	47
ГЛАВА 5 , в которой Тоуф, Фарлок и Нервин дважды узнают, что они болваны	60
ИНТЕРЛЮДИЯ 2 . О неудобовразумительном и прочая	70
ГЛАВА 6 , в которой Хранитель объединяется с Гайлом, а Наемник примеряет жилетку	72
ИНТЕРЛЮДИЯ 3 . О планете Аррет и ее подводных садах	92

ЧАСТЬ 2. АЛЬЯНС

ГЛАВА 7 , в которой Наемник ссорится с Гайлом, дышит пыльцой лапедос-ориахос и попадает в курень	97
ГЛАВА 8 , в которой старейшины затевают уборку, Хранитель приносит гостинец, а отшельник Мирри заваривает чай	114

ГЛАВА 9 , в которой Гайл не готов умереть, а Наемник говорит свое имя	129
ГЛАВА 10 , в которой Нервин читает книги, разбойники требуют доспехи, а Фарлок достает хрустальный шар	146
ГЛАВА 11 , в которой путники встречают караван, прогуливаются по Залардану и знакомятся с алхимиком	160
ГЛАВА 12 , в которой Наемник устраивается на работу в харчевню, а Гайл изучает свое отражение в зеркале	176
ГЛАВА 13 , в которой Наемник готовит паззлю и встречается с Хадлеаром	193
ГЛАВА 14 , в которой Хранитель наведывается к пекарю, Фарлок собирается в дорогу, а Наемник встречает родственную душу	112
ИНТЕРЛЮДИЯ 4 . О милосердии	231
ГЛАВА 15 , в которой Наемник проявляет человечность	232
ГЛАВА 16 , в которой Наемник считает до восьми, а Гайл промышляет на городской свалке	245

ЧАСТЬ 3. ВЫБОР

ГЛАВА 17 , в которой Наемник находит новых союзников и новых врагов	259
ГЛАВА 18 , в которой Марфа меняет историю, а Наемник учится ценить жизнь	276
ИНТЕРЛЮДИЯ 5 . О мятёжном арретанце	296
ЭПИЛОГ	299

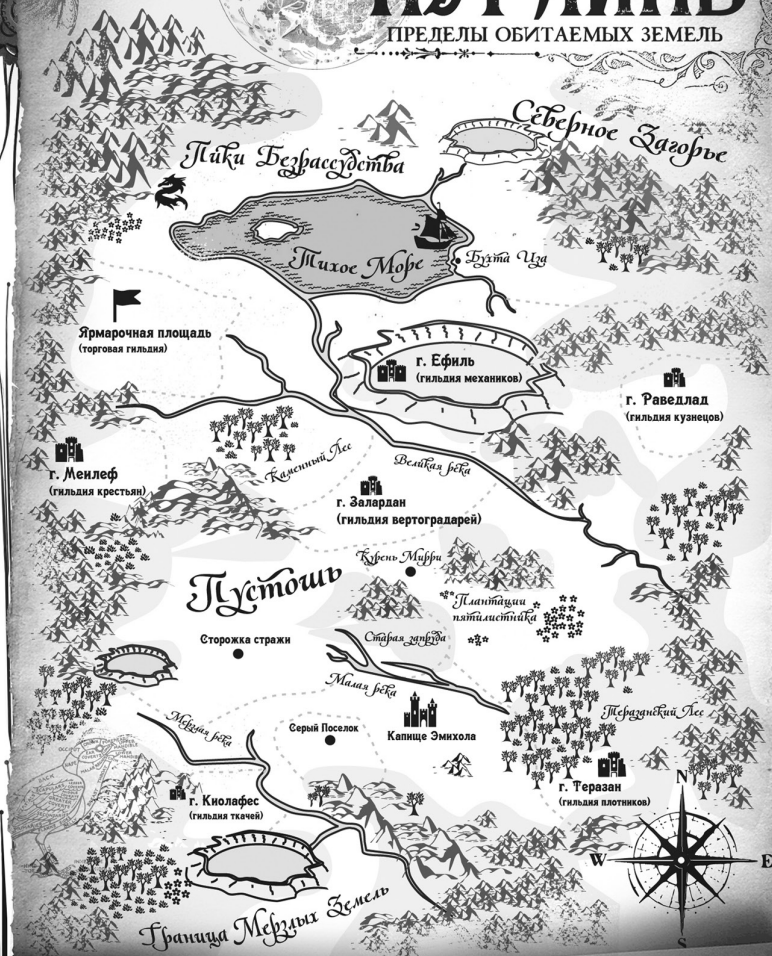

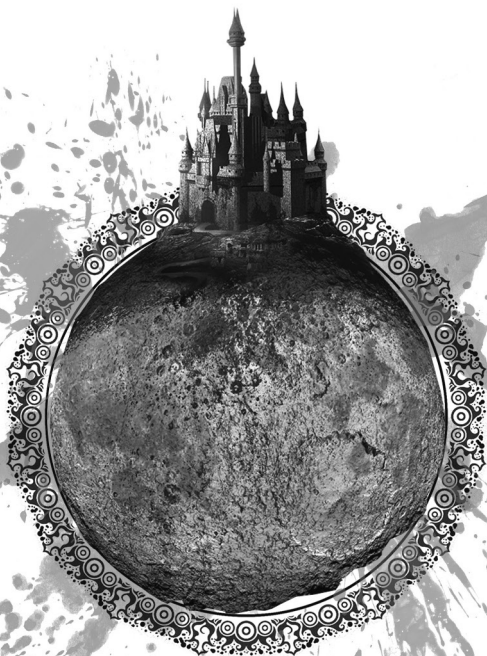
Как и в любой другой истории о великом искуплении, вступлением к этому рассказу должно послужить описание великого падения. Чтобы не разрушать устоявшейся традиции и при этом сохранить интригу, мы с вами поступим таким образом: лишь слегка приподнимем занавес, дабы ощутить леденящий душу холод от осознания неминуемой трагедии, и затем позволим повествованию увлечь нас в путешествие по извилистым закоулкам человеческой души. При этом во время странствий нас будут сопровождать весьма сомнительные и порой довольно опасные спутники, которые в меру своей нелепости будут всячески отвлекать от сути данного рассказа. Посему, чтобы во время ухабистого путешествия не растерять данную информацию, подобно просыпавшемуся из дырявого мешка гороху, давайте вновь прибегнем к магии слов и повторим себе, о чем же эта история: о великом искуплении.

НУРЛИНЬ

ПРЕДЕЛЫ ОБИТАЕМЫХ ЗЕМЕЛЬ

ЧАСТЬ 1

ГИБНУЩЕЕ
СОЛНЦЕ

ГЛАВА 1

*в которой Наемник отправляется на спасение
Антонио и Марии, а находит искушение*

Непроходимые джунгли нависали над Наемником густым сплетением ветвей. Но и это не спасало от нестерпимой жары. В просветах между кронами деревьев мерно пульсировал раскаленный докрасна огромный глаз. Солнце поджаривалось, словно глазуня в оливковом масле. Облаченный в кожаные доспехи Наемник ощущал себя запеченным крабом, лежащим на листьях салата. Хотя, скорее, все это напоминало гигантскую паэлью, которую вот-вот собирался отведать ненасытный языческий бог...

Все эти гастрономические аналогии заставили и без того пустой желудок сжаться в тугий узел. Тратить драгоценное время на охоту за дичью и разведение костра не хотелось, поэтому Наемник довольствовался ягодами и кореньями.

Невзирая на раздражение и нестерпимую жажду, он упрямо пробирался сквозь зеленую гущу, виртуозно орудуя коротким мечом и в глубине души желая оказаться в мире, где никогда не

светит солнце. У него был строгий приказ, который надлежало выполнить. Ведь он наемник, один из лучших в отряде альмогаваров¹. А главное — он каталонец, чей дух и упорство не имел права посрамить.

Едва слышное журчание вывело Наемника к небольшому ручью. Он с жадностью припал к источнику. Утолив жажду, вылил остатки горячей воды из фляги на траву и наполнил сосуд свежей и прохладной.

Семь дней назад экспедиция сеньора Хоэроса высадилась на берег. Они даже не успели разбить лагерь, как начался сильный ливень. Казалось, небо всей своей тяжестью обрушилось на беззащитную группу людей. Остров явно продемонстрировал им полное отсутствие гостеприимства. Когда стихия поутихла, оказалось, что двое рабов исчезли. Пока оставшиеся рабы сооружали временные шатры, а отряд альмогаваров осматривал территорию, сеньор Хоэрос подозвал Наемника и велел отправиться на поиски исчезнувшей пары. Наемник воспринял поручение без особого энтузиазма:

— Наверняка они уже далеко, или их убили местные аборигены. Оставшихся рабов должно хватить для работы, если же нет, я могу поручить нескольким своим ребятам черпать воду и носить дрова. Стоит ли ставить под угрозу всю миссию из-за каких-то двух беглых рабов?

— Они не убегали, — уверенно возразил сеньор Хоэрос. — Ты должен кое-что знать. Мария и Антонио были не просто рабами. Я усыновил их, сделав сонаследниками со своими кровными детьми, а год назад сам обвенчал. Но они по-прежнему служат мне, добровольно. Как видишь, у них не было причин убегать. Тем более Мария беременна. Антонио никогда бы не стал рисковать здоровьем жены и их будущего ребенка. Лагерь будет стоять здесь еще десять дней. Если до этого времени не найдешь

---

¹Альмогавары (исп. «разведчик») — легкая пехота. Альмогавары сражались в качестве наемников в Италии, Латинской империи и Леванте в XIII–XIV вв.

их, можешь возвращаться, я буду знать, что ты сделал все, что в твоих силах.

С этими словами сеньор Хоэрос протянул альмогавару продолговатый чехол. Наемник подумал, что внутри меч, но то, что там было, оказалось намного тяжелее. Хоэрос развязал шнурок, и на солнце блеснул металл. Солдат не смог удержать удивленного возгласа. Это была мушкарда², но подобных видеть ему еще не доводилось. Она явно была изготовлена на заказ. В отличие от обычных мушкард, у этого оружия было два ствола, отделение для хранения ядер, а самое главное — над стволами располагалось приспособление из нескольких круглых стеклышек, как в монокле. Наемник взялся за деревянный приклад и, прищулив левый глаз, посмотрел через стеклышки. Находившееся вдалеке дерево приблизилось вплотную. Контуры его были размыты, и Наемник интуитивно подвигал стеклышки, настраивая фокус.

— Но зачем такой сложный оптический механизм? — удивленно спросил он у сеньора Хоэроса. — Ведь мушкарда стреляет не дальше 200 метров.

— Только не эта, — в голосе сеньора Хоэроса звучала неподдельная гордость. — Благодаря строению стволов и качеству пороха, в умелых руках эта красавица бьет без промаха на 700 метров.

Наемник, явно озадаченный, разглядывал ружье, колеблясь: принять слова сеньора на веру или же списать на помутнение старческого ума. По правде сказать, большинство альмогаваров с опаской относилось к огнестрельному оружию, которое превращало их безупречные маневренные отряды в кучку незащитных юнцов, вышедших на слона с палкой. Наемник не разделял подобных взглядов своих товарищей. Хоть он и понимал, что массовое распространение огнестрельного оружия послужило

---

² Мушкарда — в Европе огнестрельное оружие появилось лишь в XIV в., было весьма примитивным и, разумеется, не было оборудовано оптическими приборами. В истории такого оружия как мушкарда не существовало.

началом заката эпохи бесстрашных воинов удачи — альмогава-ров, но себя не собиравался списывать раньше срока. Если мушкарды и пистолы неотвратимо вытесняют мечи и доспехи, то он должен овладеть новым видом оружия в совершенстве, поэтому не упускал возможности потренироваться в огнестрельном мастерстве. И занятие это доставляло ему немалое удовольствие. Очевидно, сеньор Хоэрос был хорошо осведомлен о причудах Наемника. Старик продолжил инструктаж:

— В чехле дополнительные ядра и порох во влагоустойчивом контейнере, также помпа и наточенный штык для ближнего боя. Я понимаю, что в джунглях на каждом шагу тебя будет подстерегать опасность, поэтому хочу, чтобы ты был во всеоружии.

Наемник жестом указал на висящий на поясе короткий меч.

— Я вполне могу обойтись своим оружием. При необходимости могу изготовить дротики или копье. Лишний вес только замедлит мое передвижение.

Сеньор Хоэрос заговорщицки подмигнул:

— Не буду тебя обманывать, мои побуждения искренни и ничего я не желаю так сильно, как того, чтобы ты отыскал моих Антонио и Марию. Но я слушаю, если скажу, что вручаю тебе эту мушкарду лишь для того, чтобы повысить твои шансы на выживание. Я уже испытал эту малышку в поле, стреляя по птицам и зверям, но этого недостаточно. Хочу убедиться, что она действительно стоит той баснословной суммы, которая за нее уплачена. И кто как не ты сможешь испытать ее в настоящих боевых условиях, если такая необходимость возникнет, разумеется. Тем более, ты же не станешь отрицать, что и сам страстно желаешь ее испытать. Азарт в твоих загоревшихся глазах многословней любых фраз.

— Но это же очень дорогая вещь, — возразил Наемник. — Я не могу...

— Считаю, что это залог. Я доверяю тебе. И когда ты вернешься, с рабами или без, я выкуплю у тебя эту мушкарду. Это и будет твоим вознаграждением.

Затем набожный сеньор Хоэрос ненадолго скрылся в своей палатке в поисках увесистого образа Спасителя. И Наемнику ничего не оставалось, как, со смирением положив руку на образ, поклясться именем Спасителя, что он выполнит просьбу и сделает все для спасения Антонио и Марии.

И вот теперь, стоя у ручья, Наемник в очередной раз напоминал себе, зачем он здесь. Семь дней бесплодных поисков. Возможно, стоило отсидеться оставшиеся пару дней здесь, возле ручья, и затем вернуться в лагерь. Он двигался по спирали, медленно отдаляясь от лагеря, и теперь, чтобы вернуться обратно, ему понадобится менее дня пути в одном направлении. И пусть только кто-то посмеет обвинить его в слабости или трусости. Он сделал все, что было в его силах.

Его мысли прервал ритмичный звук, отдаленно похожий на смех. Наемник поднял голову и увидел сидящую на ветке птицу. Прежде чем он сумел ее разглядеть, она, издав очередную порцию кричащего смеха, упорхнула. Наемник выругался и, потянувшись за тяжелым чехлом с мушкардой, собрался было уже встать, но вдруг прямо у ручья заметил следы босых ног. Возможно, это были туземцы, но почему-то Наемник был твердо уверен: Мария и Антонио были здесь, и не так давно. Альмогавар нащупал висящий на груди серебряный медальон с изображением святого Факундия и поднес его к потрескавшимся губам, воздавая хвалу небесам за такое везение.

Тонкий ручей змеей убегал вглубь джунглей. Наемник внимательно огляделся, выискивая другие признаки пребывания пропавших рабов. Следы то исчезали, то вновь появлялись. Особенно отчетливы они были там, где путники подходили к ручью, чтобы утолить жажду. Затем цепочка следов превратилась в хаотичный узор, повсюду виднелись комки мокрой грязи

вперемешку с травой, которые отлетали от ног беглецов. Наемник ускорил шаг, нервно всматриваясь в почву, как пес, взявший след. Возможно, рабы заметили его и решили увеличить разделявшее их расстояние, перейдя на бег.

Но то, что он увидел в следующий момент, заставило его отвергнуть это предположение. Капли крови. Кровь, перемешанная с грязью, и ее становилось больше с каждым шагом. Затем все смешалось и к следам беглецов добавились еще несколько посторонних. Аборигены. Очевидно, была борьба. И у Наемника не возникло никаких сомнений в том, что Антонио из последних сил пытался защитить свою беременную жену. Следы рассказали Наемнику исход этого коварного нападения: бесчувственного, а, возможно, и мертвого, Антонио уволокли. А Марию, очевидно, подхватили на руки и понесли в том же направлении. Наемник, присев на одно колено, извлек из илистой земли продолговатый острый предмет. Это была небольшая метательная стрелка, выпущенная из духового орудия. Он поднес ее к расширившимся ноздрям, затем на мгновение к пересохшему от волнения языку.

Пукуна — пневматическое орудие туземцев, изготовленное из тростника «урах» и плотно обмотанное ротанговым волокном. К счастью, найденная стрелка не была отравленной, но все же улавливался легкий аромат дурманящего зелья. Из чего Наемник сделал вывод, что беглецов не собирались убивать, по крайней мере, сразу. Это давало ему призрачную надежду на их спасение и успешное завершение миссии.

Он достал из ножен короткий меч-тесак, провел пальцем по лезвию, проверяя готовность оружия к схватке, и ощутил привычную хладнокровность перед предстоящим боем. Уверенно и бесшумно он направился вглубь джунглей, влекомый следами босых ног.

Догадка Наемника была верной: рабов не собирались просто убить. Дела обстояли намного хуже — Антонио и беременную Марию собирались принести в жертву некоему обезумевшему от крови языческому божеству. Взобравшись на холм, Наемник увидел в низине нечто вроде кургана, на нем находился алтарь, к которому и были привязаны до смерти перепуганные Антонио и Мария. Темнокожая девушка явно была на последнем месяце беременности, и место ее было в прохладной комнате с повивальной бабкой наготове, но никак не здесь, в этом воплощенном аду.

Получив от увиденного дополнительный заряд злости, Наемник стал намечать цели. Их было четверо. Перемазанные белой краской аборигены походили на ожившие скелеты. В руках у них были копья, а на поясе висели духовые трубки. Самый важный из них, в причудливом головном уборе из неизвестного Наемнику выпотрошенного зверька, неистово кричал в небо свои богохульные молитвы. Стоя у алтаря, он угрожающе кромсал свое запястье огромным каменным ножом, на рукояти которого поблескивал драгоценный камень невиданных размеров.

Здесь одним мечом не обойтись. Пряча свой заточенный клинок обратно в ножны, Наемник снял с плеча чехол и, стараясь не производить шума, извлек мушкарду. Старик Хоэрос как в воду глядел, предлагая ему свою дорогую игрушку.

Целей было четыре, а выстрелить без паузы он мог всего лишь два раза. Расстояние до аборигенов было около двухсот метров. Слишком близко, чтобы успеть перезарядить оружие, прежде чем аборигены кинутся в ответную атаку. Вероятность, что они, напуганные выстрелами, разбегутся, конечно, была. Но у одного из аборигенов Наемник заметил поблескивающее на поясе зеркальце, из чего было понятно, что им уже доводилось сталкиваться с европейцами и, возможно, даже видеть «грохочущую

палку» в действии. Риск был велик, но промедление еще губительнее.

Наемник, не отводя глаз от целей, наспех засыпал в оба ствола порох, утрамбовал его шомполом. Туда же последовали свинцовые ядра. Расстояние до целей было небольшим, поэтому альмогавар занял позицию, стоя на одном колене. Уперев приклад в грудь, он отрегулировал оптические стекла. Первой целью выбрал вождя с ножом, так как тот представлял собой наибольшую опасность для Марии и Антонио. Задержав дыхание, Наемник сделал свой первый выстрел из доверенной ему мушкарды. Отдача от выстрела оказалась намного сильнее той, к которой он привык. В последний момент оружие повело в сторону и наменная пуля, вместо того чтобы полететь вождю в голову, лишь слегка задела его плечо. Оглушенный выстрелом он повалился на алтарь, где воспользовавшийся моментом Антонио начал неистовое сражение за владение ножом. Наемник, дорожа каждой бесценной секундой, не стал следить за их схваткой и переключился на другую цель, выбрав аборигена, стоящего ближе к алтарю. На этот раз, учитывая свою предыдущую неудачу, Наемник распластался на земле и, тщательно прицелившись, выстрелил из второго ствола. Пуля угодила в грудь аборигену. Именно туда, куда и целился Наемник.

Вопреки ожиданиям, двое остальных аборигенов не упали наземь и не умчались в страхе. Напротив, осознали опасность и безошибочно определили местоположение стрелка. Полные решимости дать отпор нападавшему, они кинулись в противоположные стороны. Наемнику пришлось отбросить затею следить за двумя мишенями сразу. Опасаясь потерять из вида обоих, он решил сосредоточиться на более проворном. Наемник спешно зарядил лишь один ствол мушкарды. О том, чтобы полностью перезарядить оружие, не могло быть и речи — слишком маленькое расстояние между противниками и, как следствие, недостаточно времени для такой непростой манипуляции.

Абориген приближался, передвигаясь короткими перебежками, прячась за стволами деревьев. Наемник, предугадав его траекторию, терпеливо ждал, пока он не приблизится практически вплотную, и, не целясь, нажал на курок. Тело аборигена отбросило на несколько метров от холма. Наемник, откинув бесполезную мушкарду, обнажил свой меч и приготовился встретить последнего врага.

Тот оказался менее проворным, но рассудительнее своего товарища. Он не стал опрометчиво бросаться с копьем на Наемника, а засел в зарослях в ожидании подходящего момента для атаки. Вдруг раздался едва уловимый короткий свист, и острая стрелка воткнулся в кожаный панцирь на груди Наемника. Наконечник не вошел глубоко, и Наемник мысленно похвалил себя за то, что не поддался искушению снять жаркие доспехи. Но расслабляться было рано. Стрелки продолжали лететь в Наемника, и тот едва успевал уворачиваться. Несколько все же нашли свою цель. Словно скорпион, они впились в голень, и Наемник почувствовал, как его левая нога начала мгновенно неметь. Действие зелья, будь оно не ладно. Он повалился на землю, ощущая, как сковывающий холод пробирается выше, парализуя все тело. Упоенный победой абориген все же осмелился покинуть свое укрытие. Он приближался к своей жертве, угрожающе держа копье наготове. Конец был неизбежен, и Наемник с полным хладнокровием приготовился встретиться со своей смертью.

Спасение пришло, как это обычно бывает, неожиданно. Судьба выбрала на роль спасителя весьма любопытное создание. Это была птица. Наемник вновь не сумел ее разглядеть как следует, но пронзительный звук, отдаленно напоминающий человеческий смех, подсказал ему, что это его старая знакомая. Без сомнений, это была та же птица, которая указала Наемнику на следы у ручья. Теперь она снова пришла ему на выручку. Птица кружила над головой аборигена, и тот, забыв о своей жертве, остервенело размахивал копьем, извергая проклятия.

Наемник в подобные совпадения не верил. Он понимал, что судьба дарит ему последний шанс. А, возможно, что и сам святой Факундий таки услышал его немногословные молитвы. Как бы там ни было, он собрал остаток тепла, уходящего из тела, и сконцентрировал его на правой руке. Последний отчаянный рывок. Он вслепую метнул меч в направлении врага. Какое-то мгновение ничего не происходило, и Наемник уже было решил, что промахнулся. Но затем о землю стукнулось древко копья. Это разжались пальцы аборигена. Враг безжизненно рухнул, уткнувшись лицом в выжженную на солнце траву.

Наемник был в сознании, но перед глазами все плыло, а обесиленное тело отказывалось даже шевелиться. Он краем глаза видел, как Антонио все же сумел завладеть ножом и одолел своего противника. Затем раб освободил от веревок свою жену. Разрыдавшись у него на груди, Мария все никак не могла прийти в себя. Когда первые эмоции улеглись, Антонио помог ей подняться, и они неспешно направились к лежащему на холме Наемнику.

«Вот он, истинный герой, — промелькнуло в голове у Наемника. — Есть истинные герои, такие как Антонио, готовые сражаться за свою любовь, семью, дом. И есть такие, как я, которых интересует лишь звон золотых монет».

Наемник видел, как над ним склонилось лицо Антонио, как открывается рот раба, произнося какие-то слова. Но все это было где-то в другом месте, в другой реальности. Прежде чем потерять сознание, Наемник увидел висящий на поясе Антонио нож. Рукоять отобранного у вождя ножа венчал камень неописуемой красоты. Ничего подобного Наемнику видеть не доводилось. Это был алмаз. Невероятно красивый и просто таки огромный алмаз.

Лучше бы он тогда ослеп. Лучше бы никогда в своей жизни не видел этот проклятый камень, из-за которого и началось его падение...

Интерлюдия 1

О трудностях свободного выбора

Человеческому роду присуще ошибаться. Но сам факт существования такого понятия как ошибка, говорит нам о том, что человечество наделено уникальной способностью — свободой выбора. На протяжении тысячелетий эта способность так и не была оценена людьми по достоинству. И очень незаслуженно, так как эта добродетель и отличает нас от всего сущего. У какого другого живого создания есть свобода выбора не кушать мясо, если ему так вздумается, или же, напротив, кушать его вдоволь не только для того, чтобы утолить голод? Кто еще, кроме человека, имеет право отказаться от своих убеждений, отречься от своей веры или, в конце концов, даже предать свою родину за благосклонность заморской принцессы?

Всем нам вверен этот бесценный дар — право выбирать. Но вот в чем загвоздка: когда дело доходит до серьезного выбора, человечество непрестанно ошибается, вновь и вновь наступая на те же грабли. Из сего можно сделать ошибочный вывод, что этот бесценный дар является и самым большим нашим проклятием. Но все же это не так. И нашему герою еще предстоит об этом узнать. Однако произойдет это совершенно в другом месте. Точнее, в абсолютно другом мире. В мире, в котором, как и в нашем, светит солнце. Но, в отличие от нашего небесного светила, сияние его неотвратимо угасает.

ГЛАВА 2

*в которой брат Тоуф находит кристалл, теряет
реликвию и проваливается в сундук*

Тьма подкралась внезапно, как это обычно бывало на обитаемой луне Нурлинь. Дело в том, что на этом усеянном кратерами небесном теле отсутствовало такое понятие как сумерки. По правде говоря, весь световой день и был одними длинными сумерками, переходящими в непроглядную ночь. Так уж вышло, что света карликового солнца едва хватало для освещения поверхности

луны и поддержания маломальского тепла, без которого многочисленные обитатели Нурлинь были бы обречены на гибель. Но с каждым годом и этого скудного тепла становилось все меньше и меньше. Дни укорачивались, а ночи становились ощутимо длиннее.

Солнце погибало, а вместе с ним и все растения, много веков назад привезенные переселенцами из других миров. Еще не перевелись на Нурлинь долгожители, которым довелось наслаждаться райским благоуханием цветов и прятаться в тени изумрудных

деревьев. Но таких чудачков остались единицы, а их рассказы вызвали хмурые издевки среди более молодого поколения, для кого вездесущая тень стала привычным спутником. Деревья все так же величественно возвышались на фоне обветренных скал и кратеров, но со временем они утратили свои краски, слившись с серой чернотой мрачного ландшафта.

С тех пор как Эмихол покинул этот мир, жизнь с каждым днем словно испарялась, подобно каплям росы на растрескавшейся от зноя почве. Каждый обитатель Нурлинь, затаив дыхание, ожидал начала вечного затмения, которое повергнет во тьму и хаос весь привычный мир.

Бесстрастные звезды на безоблачном небе не мерцали. Они были подобны горсти космического золотого песка, что в спешке рассыпал несущийся на Однокрылом Драконе Эмихол. Звезды величественно взирали на свою сестру Нурлинь, давно остывшую и превратившуюся в кусок безжизненного камня. Этот мертвый камень, который многие смертные по наивности нарекли своим домом, в итоге оказался для них капканом и могилой.

Порыв свирепого ветра сорвал сосновые иглы с окаменелого дерева и теперь неумоимо гнал их по воздуху через пустоши Умершего Леса, словно стаю разъяренных шершней. С приходом ночи стихия разыгралась не на шутку, заставив всю мелкую живность спрятаться по норам. И лишь в одном из окон восточной башни серого замка, именовавшимся некогда капищем Эмихола, беззаботно подрагивало пламя свечи. Картина навевала ощущение уюта и покоя, что само по себе было до неприличия неуместным в этой части пустоши. В замке кто-то не спал.

Горбун Тоуф украдкой пробирался по спиралевидной лестнице, держа перед собой в дрожащей старческой руке медный подсвечник. Пламя свечи отбрасывало на каменные стены

причудливые тени. Древние кедровые ступени жалобно поскрипывали под босыми ногами горбуна. Тоуф был представителем не самого уважаемого рода гоблинов. Но в ордене подобное не бралось в счет. Все прежние титулы, как и скверная репутация, были оставлены прошлому с того самого момента, как Тоуф облачился в мантию ордена. Путь навверх давался ему не без труда. Но так уж пал жребий: ему сегодня уготовано служить вечернюю мессу в капище, где хранилась Длань³ Эмихола. Дело было незамысловатым, и с веками Тоуф, как и другие братья ордена, потерял счет бесконечным коленопреклонениям перед великой святыней. Но долг есть долг. И вот Тоуф вновь беспрекословно совершает свое очередное восхождение на вершину восточной башни.

Вдруг пламя выхватило из темноты некий предмет. Что-то искрилось на одной из ступеней, преломляя свет свечи. Тоуф приблизился и с опаской ткнул босой ногой странный предмет. Загадочная вещь звякнула, как хрусталь, и подкатилась к озадаченному гоблину. Тот в недоумении потянулся к загадочному предмету, но старческая спина издала не сулящий ничего хорошего хруст. Коварный горб вновь его подвел, и гоблину пришлось со шлепком опустить свои чресла на холодную ступеньку. Малость пожурив себя за неосторожность и поплакавшись молчаливым звездам, видневшимся в узкое башенное окно, он взял странный предмет в руку и поднес к глазам.

Вещица был прозрачной и имела множество граней, как алмаз. Давно горбун не видел ничего подобного. Кристалл памяти. Ну надо же! Очевидно, кто-то из братьев уронил его, когда совершал здесь прошлую мессу. Не то чтобы кристаллы памяти возбранялись в капище, но и не поощрялись тоже, поскольку были напоминанием о былой жизни. А меланхолия в ордене еще ничего, кроме вреда, не приносила. Тоуф почесал обвисший

---

³ Длань (устар.) — тыльная сторона ладони.

подбородок, раздумывая, как же поступить с этим противоречивым предметом. Затем, хитро улыбнувшись и подмигнув звездам, принял решение, что сегодняшнюю мессу можно немного и разнообразить. Наверняка на этом кристалле хранилось что-то, ну уж как минимум захватывающее дух. Иначе стал бы кто-то из братьев так рисковать репутацией из-за какой-то бесполезной чепухи? Тоуф так не думал. Поэтому с хрустом в спине он встал и уже в более приподнятом настроении поспешил по спиральной лестнице вверх.

Капище, или святилище, представляло собой тесную круглую комнату с конусообразным потолком, где в полном беспорядке тут и там бесхозно валялись груды всякого старья, здесь, правда, находилось и немало весьма мощных и опасных артефактов. Все это антикварное добро, некогда конфискованное орденом у неведущего в чарах населения Нурлинь, теперь пылилось навсегда позабытое, словно груды дырявых башмаков, которые скупой хозяин пожалел выбросить на помойку и закинул с глаз долой на чердак.

С заговорщицкой улыбкой на лице Тоуф, кряхтя, протиснулся в узкие двери, ведущие в комнату. От своей свечи он зажег медную лампаду в форме пятилистника лапедос-орияхос, весьма красивого растения, но крайне ядовитого. Капище наполнилось светом. Ветер, проникавший в комнату сквозь узкие окна, пустил в пляску огоньки лампы, из-за чего неподвижные тени ожили и заскользили по стенам в зловещем хороводе. Гоблин небрежно стряхнул пыль с дубового сундука и на этот раз, помня о больной спине, очень осторожно присел. Несмотря на небольшой вес старого горбуна, не привыкшая к такому обращению ветхая крышка сундука с хрустом проломилась. Но эту небольшую неприятность скрасило то, что сундук был доверху набит

каким-то тряпьем, благодаря чему Тоуф не только не ушибся, но еще и оказался на весьма мягкой и удобной подстилке. Однако это вовсе не заботило гоблина. Все его мысли были сосредоточены на зажатом в костлявом кулаке таинственном предмете.

Тоуф поднес кулак поближе к глазам и, затаив дыхание, разжал пальцы. Неописуемая красота кристалла завораживала. Кристалл памяти изготавливался из очень редкого минерала, который некогда извлекали из подземных недр трудолюбивые гномы. На Нурлинь такого минерала не существовало, что делало находку просто бесценной. Но старого гоблина больше интересовало то, что таилось внутри, те секреты, которые кристалл мог поведать ему, уставшему от повседневной обыденности монотонного бытия. Тоуф поднес кристалл к бородавчатым губам и едва слышным голосом произнес слово, которое на гномьем наречии означало «отворись».

Кристалл словно ожил. Если до этого от света лампы он переливался всеми цветами радуги, то теперь сам превратился в источник света и настолько яркий, что гоблину стало больно на него смотреть и он поспешно, но очень бережно подбросил драгоценный предмет вверх над головой. На секунду комната озарилась белым светом, который во мгновение ока впитал в себя все предметы и тени. Затем белое свечение стало расплываться подобно облаку и постепенно проступили очертания комнаты. Но только это уже была не та комната, в которой горбун находился раньше.

Стены расступились, грубый каменный пол превратился в мраморный, по нему разостлались алые ленты бархатных ковров. Словно фанерные декорации комнату начали заполнять предметы интерьера: столы, ломившиеся от экзотической снеди, величественные статуи и ветвистые декоративные деревья, проросшие сквозь монолитный мрамор, цветение которых захватывало дух. Горбун улавливал дивное благоухание, исходившее от этих чудных растений. Затем помещение начали заполнять силуэты. Это были величественные эльфы. Они ели и пили, общались и

веселились. Некоторые парами кружились в вальсе, грациозно скользя по мраморному полу, смеясь и кокетливо перешептываясь. Тоуф понял, что оказался посреди бального зала.

Никогда в жизни он не видел ничего прекраснее. Ему так и хотелось подскочить на ноги и пуститься в пляс вместе с этими величавыми фигурами, или подойти к одному из столов и отведать эльфийской снеди, что не шла ни в какое сравнение с теми скудными харчами, коими он с другими братьями ордена безропотно кормился неисчислимое количество лет. Тоуфу стоило больших усилий, чтобы остаться на своем месте в качестве пассивного зрителя.

Несмотря на реалистичность происходящего, он прекрасно понимал, что это всего-навсего иллюзия, хоть и весьма красочная. Кристалл памяти именно по этой причине так и назывался, ибо хранил в себе чьи-то воспоминания. И Тоуф также прекрасно помнил об одной особенности данного предмета: как только запись воспоминания подойдет к концу и наваждение рассеется, кристалл превратится в бесполезный кусок камня. Повторное его использование невозможно. Поэтому горбун, понимая ценность данного подарка, внимательно смотрел по сторонам, пытаясь запечатлеть в памяти как можно больше ярких образов.

Под сладостные напевы лютней и свирелей Тоуф пришел в состояние неведомого ему прежде умиления и покоя. Столетия назад одно только упоминание о воинственных эльфах повергло бы горбуна в неподдельный ужас. Но нынешний Тоуф, хоть и был гоблином, будучи умудренным годами, взирал на мир совершенно другими глазами, чем его прошлая, более молодая и неопытная версия. Горбун научился различать и, что более важно, ценить все прекрасное. А другим словом, кроме как «прекрасно», открывшуюся его взору картину было сложно описать. Эльфы, в виду своей величественной высокоморальной натуры, брезговали подобными скоплениями разношерстной публики, как на Нурлинь, поэтому были не частыми гостями на умирающей луне.

В глубине зала, поодаль от основной публики, подобно монолитным статуям, грозно восседали крупные ухоженные псы. Верные телохранители пристально следили за пиршеством своих хозяев. Рядом с псами резвились пушистые щенки. Один из них, с ярко-рыжей шерстью, запутался в гобелене. Крупный пес, аккуратно сомкнув челюсти на хрупком тельце, помог малышу выбраться из западни. После чего в наущение сурово клацнул на проказника зубами. Не на шутку напуганный щенок забился в угол, но, поняв, что дальнейшего наказания не последует, присоединился к своим играющим братьям.

Вид этих резвящихся щенков позабавил Тоуфа не меньше созерцания эльфийской знати. Беззаботные игрища четвероногих непосед заставили мысли потечь совершенно в другом русле. На память пришли непрестанные распри и подлости, которые были обыденностью в его старом гоблиновском клане. Там не было любви к брату или почтительного уважения к старцу, как это приветствовалось в других мыслящих общинах, взять, к примеру, тех же эльфов. У гоблинов вся иерархия строилась на запугивании и грубой силе. Или же, если первое не удавалось, на гнусности и заискивании. Спрашивается, и что тут такого? Всякий род выживает, как умеет. Всякий может приспособиться, находя хоть и не ахти какое, но все же удовольствие от жизни.

В случае с Тоуфом все обстояло далеко не так гладко. Он не мог приспособиться. Он был не в силах дать отпор из-за своего врожденного дефекта, вызывающего непрестанные насмешки у собратьев. Горбун не умел и заискивать, так как был натурой непокладистой, из-за чего нажил множество врагов. А затем пришлось предательство. И подлая смерть от собратьев грозила быть неотвратимым завершением его исковерканной жизни.

Все бы так и произошло, если бы не Он. Эмихол. Мифическая личность, в которую уже мало кто верил. Творец миров и неуловимый странник ворвался в жизнь Тоуфа на своем Однокрылом Драконе. Ворвался в его ничтожную жизнь, чтобы бесповоротно

изменить ее. Спрашивается, по какой такой причине Тоуф добровольно выбрал провести остаток жизни заточенным в этом замке, совершая бесконечные обряды и коленопреклонения? Что побудило его облечься в мантию братства и принять сан? Если бы в комнате с ним находился еще кто-нибудь, он поведал бы самую невероятную историю, произошедшую в его жизни. Но так как, кроме него, здесь никого не было, он лишь глубоко вздохнул от нахлынувших, вызывающих благоговение воспоминаний. Только сейчас Тоуф заметил, что действие кристалла памяти завершилось. Поглощенный своими раздумьями он даже не сообразил, когда это произошло. Опустошенный кристалл лежал у его ног.

Эмихол, продолжал размышлять Тоуф, единственная причина, почему он здесь. Тот, кто подарил бесполезному калеке новую жизнь, полную смысла. Старый гоблин пожурил себя за то, что так небрежно отнесся сегодня к своему долгу. Его миссия заключалась в том, чтобы совершить бесхитростный обряд поклонения. Однако он пренебрег этой привилегией в пользу бесполезной блестящей безделушки. Но теперь был полон решимости совершить то, ради чего так долго взбирался по высокой спиральной лестнице. Горбун посмотрел на покосившийся набок алтарь, где привычно возлежала Длань Эмихола. Святыня, в честь которой и был сооружен сей величественный замок. Святыня, служившая прямым доказательством существования творца миров.

Челюсть Тоуфа отвисла, да так сильно, что послышался неприятный хруст вывихнувшейся кости. Из утробы горбуна вырвался протяжный стон. Алтарь, на котором неизменно покоилась Длань Эмихола, был... пуст. Святыня исчезла. Постепенно к старику начало приходить понимание происшедшего. Кто-то его провел, отвлекая этим коварным представлением бала эльфов. Горбун был практически уверен, что, прежде чем приступил к просмотру кристалла, Длань еще была на своем положенном

месте. Из сего выходит, что вор, воспользовавшись действием кристалла, незамеченным проник в комнату и вынес святыню, пока гоблин упивался наваждением. Горбуна прошиб холодный пот. Святыню нельзя было трогать. О том, что кто-то из братьев зашел в комнату и забрал ее, чтобы почистить или еще по какой причине, не могло быть и речи. Предмет был неприкасаемым. И то, что произошло, было не просто кощунством или богохульством. Это была самая настоящая хорошо спланированная кража.

Тоуф осознал, в каком положении оказался. Это был позор, но все еще можно изменить. Или хотя бы замести следы своего недосмотра. Кристалл памяти нужно спрятать. Гоблин попытался дотянуться до ненавистного камня, из-за которого у него теперь будут не просто большие неприятности, а... Попытка не увенчалась успехом. Горбун крепко застрял в сундуке, и все, что мог сделать, так это в растерянности пошевелить босыми ногами, рассматривая давно нестриженные ногти. Нужно что-то предпринять. Время уходило, и вор, возможно, еще был в здании. Однако Тоуфу не очень-то хотелось, чтобы братья застали его в таком позорном положении, и еще менее он горел желанием объяснять причину своего недосмотра. Позор ему, конечно, был обеспечен, но оставался еще шанс спасти свою репутацию, поспособствовав поимке вора. Поэтому Тоуф сделал единственное, на что был способен в своем положении. Набрав в легкие как можно больше воздуха, горбун что есть силы закричал.

ГЛАВА 3

*в которой брат Нервин катается верхом на псе,
машет молотом Тора и строит из себя детектива*

Нервин бросил щепотку душистых трав в наполненный пенной водой медный таз. В отличие от своих собратьев гномов, он не брезговал омовениями. Тем более что во врачебных целях принимать ванну после растирки целебной настойки ему было просто необходимо. Все последствия того злополучного дня, когда он провалился в жерло копи.

Не секрет, что гномы, или, если вам сподручней, цверги, дворфы, нибелунги, короче говоря, низкорослые угрюмые создания с длинными бородами, славились тем, что были искусными кузнецами и ювелирами. Но не каждому в их роду дано было постичь тонкость сего ремесла. Многим была уготована участь денно и нощно махать мотыгой в копиях и каменоломнях. Нервин, несмотря на то, что был родным братом самого великого Дарина, был определен в бригаду добытчиков самоцветов. Не покладая рук добывал блестящие побрякушки из неподатливой породы, чтобы потом какая-то эльфийская надменная

особа носила их на своей тонкой шее, даже не подозревая, каким непосильным трудом были добыты эти самые камушки.

Как-то бригаде Нервина не посчастливилось работать в одной шахте, опасной для жизни типичного гнома. Грунтовые воды пробивались сквозь камень зловонной жижей. В некоторых местах земля проваливалась под ногами, и гномы были вынуждены работать, предварительно обвязавшись страховочными веревками. Выглядело бы это весьма комично, если бы не угрюмые лица, с которыми гномы покорно выполняли свою работу. Лекари несколько раз исследовали шахту и посоветовали прекратить работы. Нервин неоднократно слышал, как они говорили что-то о «плохой воде» и то ли о «родицации», то ли о «радяции». В общем, суть была понятна всем: чем дольше времени они проводят в этой шахте — тем большей опасности подвергают свое здоровье. Но бригадир ничего не желал слышать, и работы продолжались в том же темпе, что и раньше.

И вот однажды, когда смена уже подходила к концу, Нервин увидел у себя под ногами удивительной красоты самоцвет. Попытался выковырять его из почвы руками, но камень не поддавался. Прокручивая в памяти тот злополучный день, гном так и не смог понять, что, собственно, побудило его поступить столь опрометчиво, пренебрегши всеми нормами безопасности. Занеся мотыгу над головой, он со всей силы опустил ее на землю, целясь в самоцвет. Раздался звон металла о камень, и мгновение спустя послышался треск под ногами. Другие гномы, прекрасно понимая, что за этим последует, в ужасе побросали лопаты и мотыги и покрепче ухватились за страховочные веревки. Нервин же в недоумении смотрел на разверзающуюся у него под ногами землю. Скованный страхом он не смог даже пошевелиться. Почва под ногами исчезла, веревка лопнула под его весом, и он, кувыркаясь, полетел в бездну.

Падать пришлось недолго. Он приземлился в вязкую жижу по самые плечи. Радость от того, что кости остались целы, сразу

же сменилась на ужас от осознания того, что произошло. Он чуть не с головой нырнул в бассейн с «плохой водой»! Погружаясь все глубже, Нервин изо всех сил барахтался, неистово звал на помощь. И в тот момент, когда зловонная жижа уже подступала к расширенным ноздрям, он почувствовал, как его тянут вверх. Сам Дарин, старший брат, великий герой и прочая, спустился на веревке в недра бездны, чтобы спасти своего непутевого брата. Крепко ухватив Нервина за волосы, он скомандовал группе гномов наверху поднимать их.

Нервин не помнил, как его выволокли на свежий воздух. Смутно ощущал, как его тело омыают бесконечное количество раз. Отчищают щетками и ракушками от зловонной жижи. Несмотря на заверения врачей, он все же выжил, чем изрядно всех озадачил. Но зловонный запах «плохой воды» за многие годы так и не выветрился из его ноздрей. К тому же была еще одна вещь, которая и определила дальнейшую судьбу Нервина. То, что побудило его в конечном итоге покинуть своих братьев, избрав участь скитальца-отшельника. «Радаяция» сыграла с Нервином злую шутку. Везде, где его коснулась «плохая вода», со временем выпали волосы. Не стала исключением и роскошная, ухоженная и заплетенная в косы борода. Тем, кто уловил суть произошедшей трагедии, можно не напоминать, какое священное значение придавали гномы своим бородам.

Часто Нервин жалел, что «плохая вода» не убила его тогда, а превратила в шута и главного героя бесконечного потока анекдотов. Со временем собратья, позабыв имя, просто нарекли его Безбородым. Безбородый — значит, опозоренный. Значит, никакой надежды на то, чтобы жениться или занять видное место в обществе. Даже большинство младенцев у гномов рождались с густым пушком на щеках, который со временем превращался в предмет их гордости — бороду. Лицо же Нервина не было лицом младенца. Напротив, это было лицо старика, изъеденное морщинами. Все те недостатки, которые борода так тщательно

скрывала, вылезли наружу. Нос-картошка, свисавший чуть ли не до нижней губы, тройной подбородок и обвисшие мочки ушей, которые он прятал под широкополой шляпой. Он словно оказался голым. Часто замечал, как родители прикрывали ладонью глаза своим отпрыскам, чтобы те не видели этого непристойного гнома. Просто стыд какой-то. В отчаянии он даже попытался соорудить себе искусственную бороду, что вызвало еще большие насмешки. Только чудо удержало Нервина от того, чтобы не кинуться с обрыва, прервав этот поток издевок. Именно чудо уберегло его от принятия столь рокового решения.

Но прошли годы, и теперь Нервин, хоть и принял сан, наряду с другими братьями посвятив свою жизнь служению великой святыне, и продолжал преклонять колени и произносить монотонные молитвы, в чудеса больше не верил. Скептицизм и подозрительность стали его подлинной религией. Им он и придавался все остававшееся от служения время.

И вот сейчас облаченный в прохудившуюся ночную рубаху Нервин стоял и смотрел, как в медном тазу стынет вода. Плохая вода? Нет, это плохая судьба! Несправедливость. И кому какое дело до его терзаний? Сколько лет он посвятил себя служению личности, в которую давно уже перестал верить! И что, разве Эмихол оценил его старания и преданность? Разве он наградил его новой бородой?

Нервин потрогал рукой воду. Проверив температуру, он хотел было уже взобраться по подставленному табурету в таз, но его остановил пронесшийся по замку пронзительный крик брата Тоуфа.

«С чего бы это брату Тоуфу разводить истерию?» — размышлял на ходу Нервин, семена короткими ногами по каменному полу замка. Несколько минут у него ушло на то, чтобы добраться до восточной башни. У спиралевидной лестницы он остановился,

переводя дух и прикидывая, сколько времени займет подъем на самый верх.

— Ввуф! — раздался лай за спиной гнома.

— Да вот и я в недоумении, что это нашло на нашего брата Тоуфа? — ответил Нервин новоприбывшему товарищу.

— Ввуф-вуф-вуууф!

— Ты прав, брат Гайл, — согласился гном, — брат Тоуф не стал бы поднимать панику по пустякам. Наверняка в святилище произошло нечто из ряда вон выходящее. Нам нужно поспешить.

Нервин устался на уходящую вверх лестницу, затем скептически перевел взгляд на свои ноги.

— Мне неудобно об этом просить, брат Гайл, но не мог бы ты...

Гайл все понял с полуслова и покорно подставил свою массивную лохматую спину. Он был огромным псом, и низкорослый гном устроился на нем, как на пони. Когда-то мохнатая шерсть пса имела ярко-рыжий цвет, но те времена давно минули. Однако в его лапах еще было достаточно силы, чтобы без одышки взбежать вверх по лестнице, неся на спине гнома.

Гайл был не просто псом. Он был существом разумным и вдобавок обладал множеством уникальных способностей. Например, при необходимости мог принимать человеческий облик, чтобы облегчить общение с другими разумными существами. В случае с братьями ордена ему к этому редко нужно было прибегать: они давно уже наловчились истолковывать его лай. Не хочу вводить читателя в заблуждение, Гайл не был волколаком или вервulfом. Фаза луны его мало заботила, а вид крови иногда даже вызывал тошноту и головокружение. Он был просто «непростым» псом. Не уступал, а иногда и превосходил интеллектом других разумных существ. В ордене он был новичком, каких-то жалких двести лет. Братья окрестили его Мардагайлом⁴ в честь страшилок про волков-убийц. Со временем это имя

---

⁴ Мардагайл (арм. «человек-волк») — человек-оборотень, обладающий способностью превращаться в волка (армянская мифология).

превратилось в более короткое — Гайл. Хоть он и прохаживался по замку большую часть времени в облике пса, ни у кого из братьев и в мыслях не было относиться к нему как к какой-то домашней зверюшке. Они были равными.

Пес молнией взмыл на вершину башни. Чтобы не свалиться с его спины, Нервин так крепко держался за лохматую шерсть, что костяшки пальцев онемели. И вот они уже стояли у входа в святилище, откуда доносился протяжный крик.

— ...ииииилллии! — что было силы вопил брат Тоуф. — Похiiiiииииитили!

Гайл толкнул передними лапами полуоткрытую дверь и отступил в сторону, давая Нервину первым войти в комнату.

— Что здесь стряслось? — поинтересовался Нервин, важно нахлобучив широкополую шляпу. Перед ними открылась довольно забавная картина: брат Тоуф, с торчащими вверх ногами, сидел в сундуке, словно в разинутой зубастой пасти морского чудовища. В своих безуспешных попытках выбраться он еще больше проваливался. Нервин деловито обошел вокруг сундука. Тоуф затих и настороженно следил за действиями гнома. Схватив бедолагу за пятку, Нервин попытался его вытащить. Ничего из этой затеи не вышло. Гайл тоже хотел помочь товарищу. Но, ухватившись зубами за ворот Тоуфа, только порвал ему мантию.

Нервин причмокнул губами и подытожил:

— Хорошо застрял. Здесь нужен другой подход.

— Вууф! Вуф!

— Нет, брат Гайл, взорвать сундук нельзя. От взрыва мы можем повредить ценные реликвии, да и колдовать в святилище не позволяется.

Гайл порылся мордой в груде вещей и извлек некий металлический предмет. Нервин взял в руки находку пса.

— А что, может и сработать, — задумчиво проговорил Нервин. В руках он держал молот Тора. Вернее, одну из его

копий. Покрывшая рукоять ржавчина служила прямым доказательством того, что сей предмет никак не мог быть подлинником. Но дотошная до мелочей дружина отбирала у крестьян всякую вещь, хоть издали напоминающую магический артефакт, и волокла его в замок, где та и оставалась ржаветь до конца времен.

Нервин, поплевав на руки, привычным захватом взялся за молот. В конце концов, гном он или не гном? Кто как не он должен уметь владеть молотом и секирой?

— Не над... — запротестовал было Тоуф, но Нервин уже занес молот над головой. Тот, описав в воздухе дугу, со свистом обрушился на сундук. Ветхое дерево лопнуло, как скорлупа. Стенки сундука развалились, и Тоуф шлепнулся на пол.

Отложив молот в сторону, Нервин помог гоблину подняться.

— И всего-то делов, — со знанием дела подытожил Нервин, — стоило поднимать такой шум?

— Я-я-я-я... не из-з-за этого, — заикаясь, начал оправдываться Тоуф. — Э-э-э там у-у-крали!

— Видать, ты перетрудился. Испокон веков тут не было никакой крали. Разве что брат Фарлок в своем розовом пеньюаре. Но он на кралю никак не тянет.

— Да н-н-нет! — крикнул гоблин, не оценив шутки. Не в силах связно сообщить о случившемся, он грубо схватил Нервина за плечи и повернул его лицом к алтарю. Глядя на опустевший алтарь, гном в недоумении какое-то время хранил гробовое молчание. Затем послышался уже привычный в этой комнате хруст костей. На этот раз от потрясения челюсть отвисла у брата Нервина.

Тоуф был настолько напуган, что не стал отпираться, и поведал всю правду. То и дело сбиваясь, заикаясь и проглатывая целые куски предложений, как это обычно с ним случалось в

сильном возбуждении, он все же сумел рассказать и о кристалле памяти и о том, как обнаружил пропажу Длани.

— И дверь ты за собой затворить не соизволил? — задал риторический вопрос Нервин, все больше меняясь в лице. Тоуф рассеянно приподнял горб, что обычно означало и согласие и неуверенность. Всем было понятно: вор как раз и рассчитывал, что увлеченный находкой кристалла Тоуф попросту позабудет о такой мелочи, как запереть за собой дверь. Ключ от святилища всегда хранился в ларце, открыть который братья могли только собравшись все вместе. Похитить ключ из ларца было невозможно, поэтому вор решил прибегнуть к хитрости.

— Одно я не могу понять, — задумчиво проронил Нервин, — почему не сработало защитное заклинание?

— Может вор его н-н-нейтрализовал? — предположил Тоуф.

— Заклинание такой мощности? Даже мне это не под силу. Сомневаюсь, что дело в этом.

Нервин проворчал несколько слов заклинания, и каждая комната в замке начала излучать красноватое мерцание. Загудели рупоры, установленные на башнях, оповещающая тревогу. Защитное заклинание активировалось.

— Лучше, чем никогда, поздно, — философски вымолвил гном.

— А п-п-по-моему там по-другому г-говорится, — попытался поправить товарища Тоуф. Но тот бросил на горбуна такой взгляд, что Тоуф благоразумно решил удержаться от дальнейших комментариев.

— Ближайшая сторожка в двух часах пути, — продолжал анализировать Нервин, прохаживаясь по комнате. — Пока стража доберется сюда, вора может уже и след простыть. Так что все зависит от нас. Мы словим этого негодяя, и тогда ему несдобровать.

— А г-г-где брат Ф-ф-фарлок? — робко поинтересовался Тоуф. — В-в-ведь быть такого не может, ч-ч-чтобы он не услышал мои крики. И даже если бы и так, тревога а-а-активированного з-з-защитного з-з-заклинания...

— Ты прав, брат Тоуф, — перебил гном, в голосе его слышались ледяные нотки, — он не мог не услышать тревоги. Ну-ка, подай мне молот. Надо бы проведать нашего брата Фарлока.

Они оставили Гайла сторожить святилище и направились в северное крыло замка, где находились покои брата Фарлока. Грозные и решительные, братья шли уверенной походкой. Нервин в ночной рубахе, широкополой шляпе и с фальшивым молотом Тора наперевес. За ним семенил Тоуф в разорванной мантии. Подойдя к дверям опочивальни Фарлока, они застыли в нерешительности.

— И что т-т-теперь? — поинтересовался Тоуф.

— Надо подумать. Нельзя так врываться. Если Фарлок и есть наш вор, то мы должны застать его врасплох. Я в одном свитке прочел, — сказал Нервин, но, видя недоумение Тоуфа, решил добавить: — детектив называется.

— Чего? — если бы у Тоуфа были брови, они бы уже воспарили на самый лоб. — Это ты где такую д-д-диковину вычитал? Уж не копался ли ты, б-б-брат Нервин, в конфискованной стражей ли-литературе? Знаю я твой нездоровый интерес к ра-разнообразной изошренной ереси.

Нервин, оставив замечание Тоуфа без внимания, продолжил:

— Детектив — это такой человек... то есть высокородный гном, я хотел сказать. Так вот, у него всегда должна быть шляпа, ну или, на худой конец, кусок дымящейся щепки в зубах, вроде так. И еще у него слуга-знахарь должен быть. И детектив придумывает всякие заковыристые ловушки для преступника, а знахарь... в общем, на подхвате. Ну вот, как мы с тобой. Представь, что я — детектив, а ты — знахарь. Как мы должны действовать в сложившейся ситуации?

— Н-н-не хочу б-б-быть знахарем, — проямлил Тоуф, — от них воняет касторовым маслом и заспиртованными желудями. Давай я буду д-д-детективом.

— А у тебя есть шляпа? — поинтересовался наблюдательный Нервин у товарища. Не дождавшись ответа, продолжил: — То-то и оно. Так вот, как детектив, я предлагаю придумать план. Как я уже говорил, нельзя просто так ворваться, мы можем спугнуть вора. Нужно пробраться незамеченными и застать его врасплох. Я предлагаю метаморфозу.

— Превратимся в тигров и н-н-нападем на него?

— Да нет же. Разве тигр похож на незаметного животного? Нам нужно что-то поменьше. Намного меньше тигра.

Нервин посмотрел на щель под дверью, ведущую в покои Фарлока.

— У меня есть идея, — наконец воскликнул он и начал про-износить замысловатые заклинания. С уст Тоуфа еще не успел сорваться вопрос, как тело его стало стремительно деформироваться и уменьшаться. И вот уже на месте гоблина ползала мелкая сороконожка. Нервин наклонился к брату и ободряюще подморгнул:

— Не бойся, просто делай все, как я.

Затем Нервин перевоплотился в самое древнее существо, которое испокон веков обитает на каждой планете, в любой вселенной — в таракана, разумеется.

Сороконожка и таракан, пользуясь преимуществами насекомых, прошмыгнули под дверь и засемили, то и дело опасливо поглядывая по сторонам. Все, даже самые мелкие, предметы превратились в огромные валуны и непреодолимые вершины. Нервин уже начал сомневаться в гениальности своей идеи. Но ничего не поделаешь, теперь нужно было придерживаться плана.

И тут гном осознал, что не может вспомнить был ли вообще какой-то план, или вся идея сводилась лишь к тому, чтобы проникнуть в опочивальню Фарлока.

Нервин лихорадочно пытался сообразить, что делать дальше. Но дабы не сеять панику в рядах, он задорно пошевелил своими усиками, подбадривая Тоуфа. Тот никак на это не ответил. Они здесь для того, чтобы найти вещь, ну, эту самую... как там ее? Ногу Арагона? Око Саурана?.. И тут Нервин понял, что допустил ошибку. Прежде он неоднократно перевоплощался в крупных теплокровных хищников, но в насекомых — ни разу. Маленький мозг таракана был неспособен обрабатывать информацию достаточно быстро. Нервин послал мысленный запрос в свой насекомий мозг: зачем мы здесь? Почувствовав, как загудели в голове нейроны, он прикинул, что обработка информации займет какое-то время, и решил сосредоточиться на осмотре комнаты.

Гном не мог припомнить, как часто бывал здесь. Фарлок отличался гостеприимством и радушием, но Нервин зачастую избегал приглашения брата отведать с ним душистого чая и посидеть у камина. И вот теперь Нервин с интересом рассматривал причудливую старинную мебель и пыльные ковры, развешенные на стенах. Брата Фарлока нигде не было видно.

Где-то совсем рядом послышалось угрожающее шипение. Тоуф приподнялся на лапках, обернулся, издал едва слышный писк и бросился наутек, с невиданным проворством прошмыгнув мимо Нервина. Гном посмотрел в ту сторону, откуда слышалось шипение, и усики его задрожали от непередаваемого ужаса. Инга-Нда-Реба. Трехглавая ручная змея Фарлока. Довольно безобидное создание, если только ты не таракан.

Три разинутые зубастые пасти. Один лентой извивающийся хвост. Змея приближалась, неумолимо сокращая расстояние. Нервин, выйдя из оцепенения, кинулся вслед за товарищем, на ходу пытаясь вспомнить обратное заклинание превращения. Приятный женский голос в голове сообщил, что его запрос

обрабатывается. Ничего не оставалось, как только улепетывать, благо тараканы были существами весьма проворными. Прямо таки настоящие олимпийские бегуны. Пользуясь преимуществом в скорости, Нервин вскоре поравнялся с Тоуфом, но сообразительная сороконожка шмыгнула под ковер, оставляя своего собрата в одиночестве со свирепым врагом. Инга уже было собралась проглотить непутевого таракана, но в этот же момент Реба попыталась настигнуть засевшего под ковром Тоуфа. Головы змеи завязались в живой узел. Нда, центральная голова, зашипела на своих сестер, призывая к порядку. Нервин воспользовался заминкой, чтобы увеличить расстояние между собой и хищником.

Тут в голову ему пришла идея: если на какое-то время он вынужден оставаться в облике таракана, то нужно воспользоваться всеми преимуществами данного положения. А что такого умеют тараканы, чего не дано прямоходящим существам? Верно! Вздвигаться на вертикальные поверхности! Нервин подбежал к обеденному столу и начал карабкаться вверх по деревянной ножке. Он довольно отметил, что цепкие лапки не дают ему свалиться вниз. За спиной вновь послышалось шипение, и Нервин благоразумно ускорился. Змея обвилась вокруг ножки стола и медленно, но уверенно ползла вверх. И в тот самый момент, когда три зубастые пасти нависли над Нервином, со всех сторон отрезая пути к отступлению, тараканий мозг так выдал нужное заклинание.

Не без облегчения Нервин почувствовал, как его тело начало увеличиваться, принимая привычную форму и размер. И вот теперь верхом на кухонном столе грозно восседал гном, чью ногу обвила маленькая трехглавая змея. Нервин отшвырнул это скользкое создание подальше и не без удовольствия услышал, как ее тело шлепнулось о стену. Без особой грации он соскочил со стола и произнес еще одно заклинание. Под лежащем на полу ковром вспух горб. Несколько секунд спустя из-под него, кряхтя, выбрался брат Тоуф и начал тщательно отряхиваться от пыли.

— Пронесло, — заключил Нервин. — Фарлок пытался нас убить, спустив своего домашнего питомца. Это доказывает, что он и есть наш преступник. В этом и заключался мой план, чтобы мы в виде приманки спровоцировали его на атаку. Я же обещал тебе, что все будет хорошо, брат Тоуф? И ты можешь лишний раз убедиться в том, что я полностью держу ситуацию под контролем.

— А где же сам брат Ф-ф-фарлок? — поинтересовался Тоуф, оглядывая погруженное в полумрак помещение. И действительно, преступление не может считаться раскрытым, если не пойман сам преступник. Они вновь оглядели покои Фарлока, теперь сделать это было куда проще чем в облике мелких насекомых. В кресле у камина, где потрескивали поленья, возвышалась худощавая фигура некроманта. Брат Фарлок смотрел на огонь и загадочно улыбался.

— Если ты возомнил, что сумеешь справиться с нами двумя, то ты сильно переоцениваешь свои способности! — громко прокричал Нервин, обращаясь к сидящей в кресле фигуре.

— Отдавай Длань, в-в-ворюга! — выкрикнул из-за спины гнома Тоуф. — Где ты ее спрятал?

Фарлок, даже не удостоив посетителей взглядом, еще больше расплылся в улыбке. Выглядело это весьма устрашающе, учитывая тот факт, что кожа некроманта уже давно приобрела мертвенно-серый оттенок. Подобное самообладание Фарлока лишило Нервина и Тоуфа прежней уверенности. Раз Фарлок не попытался убежать и даже не проявил никакого интереса к их угрозам, возможно, у него есть некий козырь. Возможно, он что-то замышляет.

— Не думай, что тебе удастся запугать нас, некромант! — выкрикнул Нервин, но голос его предательски дрогнул.

И тут Фарлок сделал то, к чему непрощенные гости были готовы меньше всего. Они покрылись гусиной кожей, а перепуганный Тоуф не удержался и от страха даже запрыгнул на спину гнома. Фарлок... запел.

Наконец Нервин начал понимать, что происходит, и решил проверить свою догадку. Отлепив от себя перепуганного Тоуфа, он уверенно подошел к креслу и громко хлопнул в ладоши. Сидящая фигура никак не прореагировала, продолжая петь. Нервин опустил ладонь на плечо некроманта. Тот от неожиданности закричал и выпрыгнул из кресла. Уставившись на Тоуфа и Нервина, он непонимающе изучал их расширившимися от удивления глазами.

— Где Длань, воруяга? — повторил свой вопрос Тоуф.

Фарлок приблизил свое лицо к горбуну, словно не мог слышать слов. Затем, спохватившись, погрузил пальцы в уши и, покопавшись там с мгновение, извлек пару скользких извивающихся улиток.

— Чем удостоился такой чести, господа? — вежливо поинтересовался он, затем задумчиво добавил: — Не помню, чтобы оставлял дверь открытой.

— Не уваливай от вопроса! — выпалил Нервин, теряя терпение. — Где Длань Эмихола?

— Само собой разумеется, в святилище, там, где ей и полагается находиться, — спокойно ответил Фарлок, но, поняв по лицам братьев, что произошло что-то не ладное, спросил изменившимся голосом: — Что стряслось со святыней?

— А-т-то т-т-ты не знаешь, — ехидно подметил Тоуф. — Только не говори, что ты не слышал вой тревоги.

Фарлок прислушался:

— Извольте поинтересоваться, зачем это вы активировали защитное заклинание? Только не говорите, что...

— Святыня украдена, и ты теперь все нам выложишь или пеняй на себя, — проговорил Нервин.

— Неужели вы думаете, что я?.. — в голосе Фарлока слышалось возмущение и обида, — Но зачем? Я просто решил расслабиться. Брат Гайл любезно мне одолжил свои музыкальные улитки. Они полностью блокируют все посторонние шумы, давая ощущение полного погружения в атмосферу гадорийского амфитеатра, где состоялся прошлогодний симпозиум менестрелей. Вот, собственно, почему я не слышал вой тревоги.

— Это очень странно, — признался Нервин. — Но не думай, что с тебя сняты все подозрения, брат Фарлок.

— А где моя любимая Инга-Нда-Реба? — некромант окинул взглядом комнату в поисках своей питомицы.

Нервин поспешно отвел глаза, якобы изучая камин:

— Какая омерзительная у тебя статуя филина, брат Фарлок. Не припомню, чтобы я ее раньше видел.

Некромант посмотрел на стоящую над камином фарфоровую статую птицы.

— Твоя правда, брат Нервин, — не мог не согласиться Фарлок, — мне она кажется не менее отвратительной, чем тебе. Я бы ее уже давно убрал с глаз долой, но больно громоздкая. Поэтому я и завесил ее милотью⁵ забвения, чтобы она не отвлекала меня своим мерзким видом от позитивных мыслей.

— Какая еще м-м-милоть забвения? — поинтересовался Тоуф.

— Ну как же, — в голосе Фарлока слышалось замешательство, — та самая милоть. Ну, тряпка, которую обычно вешают на предмет, чтобы тот стал невидимым.

— Брат Фарлок, — робко поинтересовался Тоуф, — почему же, если ты накинул милоть на эту омерзительную статую, мы эту самую статую можем видеть?

Братья замолчали, погруженные в раздумья. Позитивный некромант, безбородый гном и горбатый гоблин пытались найти ответ на эту неподдающуюся осмыслению задачу.

---

⁵ Милоть (устар.) — верхняя одежда, мантия, плащ, ткань.

Затем брат Тоуф поинтересовался у Фарлока:

— А брат Гайл когда именно принес тебе свои музыкальные ракушки?

— Так за два часа до вашего прихода, а что?

— А он п-п-просто так, из братской любви решил к тебе навеститься, или ему что-то было нужно?

— У нас нет на это времени, — попытался встрять в разговор Нервин, — преступник еще где-то на свободе.

— Рыжий щенок! — воскликнул в озарении Тоуф. — То-то он мне сразу показался з-знакомым.

— О чем это ты толкуешь? — в один голос поинтересовались Нервин и Фарлок.

— Ну как же? К-к-кристалл памяти! Поначалу я подумал, что это было воспоминание какого-то эльфа. Но это были его воспоминания.

— Чьи воспоминания?

— А вы разве еще н-н-не сообразили? — в голосе Тоуфа звучали нотки превосходства. — Ха, это же элементарно! Теперь я буду детективом, а знахарем пускай будет, ну хотя бы брат Ф-ф-арлок.

— Это с какой такой Эмихоловой милости? — обиженно поинтересовался у него Нервин. — Что-то по-прежнему не вижу, чтобы у тебя была шляпа. Какой же из тебя детектив?

— По той причине, что мне известно, кто на самом деле наш грабитель, — гордо вымолвил Тоуф, практически не заикаясь. Для большей убедительности он порывлся в камине и, найдя там дымящуюся щепку, с важным видом зажал ее губами.

ГЛАВА 4

в которой брат Гайл спешит на Ярмарку, Хранитель умирает, а Наемник купается в озере

Выждав несколько минут, пока звуки отдаляющихся шагов затихли, Гайл приступил к следующей стадии своего плана. Он даже и надеяться не мог, что все пройдет так гладко. Нервину ничего не стоило потребовать, чтобы Гайл отправился с ними на поиски Фарлока. И тогда Гайлу пришлось бы прибегнуть к заготовленным уловкам, чтобы остаться в святилище. Но этого не потребовалось. За проведенные в замке годы Гайл хорошо изучил слабости братьев ордена и в нужное время расчетливо сыграл на этих струнах свою рапсодию. Он даже чувствовал сожаление по отношению к своим бывшим товарищам. Но довести дело до конца было важнее, чем его чувства. Тем более он уже так далеко зашел, что назад пути не было. Только вперед.

Гайл подошел к алтарю и поставил на него передние лапы. Пошарив мордой в пустоте, он наткнулся носом на милоть забвения и потянул ее вниз. Длань Эмихола была на своем положенном

месте. Похитить ее было невыполнимой задачей. Во-первых, выкрасть ключ от святилища невозможно. Во-вторых, даже если бы Гайлу это удалось, попытайся он сдвинуть Длань с места, сразу активировалось бы защитное заклинание, ставя всех обитателей замка на уши. Здесь требовалось некая изощренная хитрость. Идея с милотью пришла ему несколько зим назад, и он вынашивал свой план, ожидая подходящего часа. И этот час настал.

Юбилейный год сопровождался событием, из-за которого остывающая луна Нурлинь еще продолжала свое существование. Приближалась Ярмарка миров. Каждые пятьдесят лет луна меняла свою орбиту, проходила сквозь кольцо-портал и превращалась в подобие торгового погоста, давая возможность отдаленным мирам осуществлять торговлю. Именно этого события и ожидал Гайл.

Нужная вещь — эта милоть забвения. Гайл хотел было использовать невидимую мантию, но та от старости и моли превратилась в лохмотья. Милоть, хоть и обладала теми же свойствами, что и мантия (делала вещи невидимыми), все же работала радикально иным способом. Она была видимым объектом, но ее создатели тщательно поработали, придав ей настолько безобразный вид, что глаза разумного существа отказывались верить в то, что такая отвратительная вещь вообще способна существовать во Вселенной. Таким образом, мозг говорил своему хозяину: «Да нет там ничего. И нечего глядеть. Лучше посмотри на красивую резьбу на алтаре или обрати внимание на замечательную лампаду в форме пятилистника».

Так что Длань никуда не исчезала, а все время стояла на самом видном месте, где ей и полагалось находиться. Только ни Нервин, ни Тоуф ее так и не заметили. Если бы брат Нервин не сообразил, что нужно активировать защитное заклинание, то Гайл ненавязчиво ему об этом напомнил бы. Ведь именно это и требовалось — чтобы на весь замок гудела тревога. И теперь, когда Гайл аккуратно схватил челюстями Длань и стащил ее с

алтаря, разумеется, ничего не случилось, так как тревога уже вовсю трезвонила, заполняя шумом каждый уголок в замке.

Пес достал из груды хлама заготовленный рюкзак. К другим необходимым в дороге вещам он сложил милоть забвения (нужная штукавина) и саму Длань Эмихола. Затем просунул морду в лямку и закинул походный рюкзак себе на спину. Дело сделано, оставалось только покинуть замок незамеченным.

Так называемому святилищу в данный момент как никогда подходило его другое название — капище. В погруженном в полумрак помещении повисла атмосфера скорби и разорения. Масло в лампаде догорало, и Тоуф с печальным видом подлил еще, чтобы их молчаливая компания не осталась наедине со своей скорбью в полной темноте.

Никто не произнес ни слова. Теперь, когда имя подлинного вора ни для кого уже не являлось секретом, они потеряли весь запал напускной злости. До этого случившееся еще напоминало некую замысловатую игру в ребусы. Сейчас же реальность происшедшего просто нависла над ними тенью Однокрылого Дракона, врага всего живого. Даже Нервин не мог подыскать никаких доводов и аргументов. Играть дальше в детектива не было ни малейшего желания. Это только в свитках и скрижалях герои разоблачают злодея и радуются, что в очередной раз оправдали свою полезность для общества. Но в свитках ничего не говорилось о том, как поступать, когда преступником оказался один из твоих ближайших друзей. По этой причине они даже не могли злиться на Гайла. Ни у кого не возникало сомнений в его преданности общему делу. Он был кристальной души созданием. Никто и помыслить не мог, что все эти двести лет он умело притворялся водя их за нос. Произошедшему должно быть другое объяснение. Что побудило брата Гайла поступить таким предательским

образом? Никто не мог ответить на этот вопрос. А в это время Длань Эмихола отдалялась от замка все дальше и дальше.

Фарлок первым вышел из сковавшего всех оцепенения.

— Братья мои, — заговорил он хорошо поставленным голосом уличного проповедника, — я не менее вашего ошеломлен случившимся. Сердце мое переполнено скорбью, и разум томится в непонимании. Но у нас нет права придаваться пессимистичным помыслам. Несмотря на случившееся, моя любовь и преданность к брату Гайлу не уменьшилась ни на йоту. Но, поборов смятение, мы должны оставить наши личные чувства и вспомнить о главном. О том, что превыше всего, превыше даже нашей преданности и дружбы. Святыня украдена. Предмет нашего с вами поклонения. Причина нашего с вами служения. Без Длани суть данного места и наше с вами существование утрачивают всякий смысл. Посему предлагаю на время оставить все вопросы и заняться решением проблемы. Святыня должна вернуться в замок. После мы лично обо всем расспросим брата Гайла. Я уверен, что мотивы у него праведные и бескорыстные. Но даже если он считает, что поступает верно, в первую очередь, он должен был довериться нам, своим братьям. Мы выслушали бы его и помогли дружеским напутствием. Кто знает, может, он образумился бы и оставил свою затею. Но сейчас поздно об этом горевать. Длань нужно вернуть на свое место, иначе всем нам известно, что произойдет.

От последних слов некроманта Тоуф и Нервин еще больше погрузнели. Стоит пояснить, что служители ордена награждались особенным даром, к которому с веками начали относиться как к должному: Длань Эмихола наполняла замок могущественными чарами, и каждый, кто находился в его стенах, получал неограниченный доступ к этому источнику, что даже не склонный к чарам безбородый гном и несведущий в магии гоблин превращались в самых могущественных магов. Одному лишь Фарлоку до вступления в орден было известно магическое ремесло. Но он

давно уже оставил свои темные некромантские штучки, избрав другой жизненный путь.

Помимо неисчерпаемого источника для магии, было еще кое-что: те, кто находился в стенах замка, никогда не старели. Другими словами, все члены ордена получали возможность обрести бессмертие. Это делало их узниками замка, так как никто не хотел, имея впереди вечность, обменять ее на сомнительное удовольствие от прогулки до ближайшего тракта или рынка. В первое время они все же изредка выбирались в короткие вылазки. Но это было безуспешной попыткой удержаться за привычный мир и быт. Со временем они полностью отказались от таких авантюрных мероприятий. Провизию им пополняла городская стража, да и запросы их с годами поубавились. Братья не баловали себя излишествами, научившись обходиться скудным рационом.

— Он обрек себя на смерть, — нарушил вновь возникшее молчание Нервин. — Что бы он ни делал, если не поспешит вернуться обратно в замок, то там, снаружи, долго не протянет. Он был не молод, когда к нам пришел, даже по меркам пса. Что бы он ни затевал, очевидно, для него это имеет большое значение, раз он осмелился пойти на такой риск. Ну как нам его остановить? Поступая так, он и нас обрекает на гибель. Через несколько дней излучаемая Дланью сила развеется, и мы начнем стареть. Но мы и не можем покинуть замок сейчас, тогда мы точно обречены. На стражу мало надежды. Все мы знаем, как быстро может бегать Гайл.

— Возможно, это тот самый случай, когда нужно использовать крайние меры, — проговорил Фарлок. — Раз мы не можем покинуть замок и от стражи в этом деле будет мало проку, думаю, нам ничего не остается, как только призвать Хранителя.

Никто не возразил, но каждого прошиб озноб от понимания того, что им предстоит совершить.

Ощущение пространства и отсутствие привычного каменного свода поначалу одурманивающе ударили в голову Гайла. Двести лет в стенах замка — немалый срок для того, чтобы успеть позабывать, что такое настоящая свобода. Каждый день Гайл интенсивно упражнялся в беге, маневрируя узкими проходами и взбираясь вверх по лестницам замка. Но эти попытки остаться в форме больше походили на старания мечущейся в колесе белки. И вот теперь Гайл ощущал, как у него открылось второе дыхание. Он мчался, едва касаясь лапами твердой почвы. Ветер приятно обдувал шерсть, уши прилипли к голове, а увесистый рюкзак то и дело шлепал его по спине. Гайл поборол желание подставить приятному ветру язык. Он хоть и был псом, но разумным, и тем более в довольно преклонных летах. Но, невзирая на годы, в его лапах сохранилась немалая сила, и он еще даст фору многим гончим.

Здание замка осталось далеко позади, но у Гайла не было даже малейшего желания бросить прощальный взгляд на это сооружение. Капище Эмихола, этот склеп похороненных надежд. Полтора века он терпеливо ждал, что братья осознают суть своего служения и роль вверенной им реликвии. Три юбилейных года он тешился чаяньями. Но это было лишь впустую потраченное время. С каждым годом заточенные в замке старики все больше и больше погружались в рутину, обросшую бесконечными бессмысленными обрядами. Ничего не значащее так называемое служение стало самоцелью. Братья ордена полностью потеряли интерес к внешнему миру. Казалось, их даже не тревожил тот факт, что солнце остывает и Нурлинь, их маленький обитаемый спутник, гибнет. Вначале Гайл чувствовал сожаление вперемешку с неловкостью от того, что так поступает с братьями, к которым успел привязаться. Но теперь, оказавшись на воле, он был твердо уверен, что делает все правильно. Наступил новый юбилейный год. Близится время Ярмарки миров, которая, если он ничего не предпримет, будет последней для Нурлинь.

Через узкое башенное окно Нервин всматривался в непроглядную ночь. Ничего там не разглядев, что само собой разумеется, он неспешно обернулся к своим братьям. Те ожидали его ответа в молчаливом напряжении. На лице Фарлока читалось нетерпение, и без того иссиня серое лицо некроманта стало совсем бледным, что, казалось, было просто невозможным.

— Ну же, брат Нервин, мы ожидаем твоего решения, — отважился надавить теряющий терпение Фарлок.

И действительно, решение нужно было принять. Чтобы вывободить Хранителя, требовалось одобрение каждого члена ордена. Нервин колебался. Что-то глубоко в сердце подсказывало ему — эта затея ничем хорошим не кончится.

— Святыня или Гайл? — продолжал наступление Фарлок. — Больше медлить нельзя. Решай, брат, готов ли ты поставить на кон наше служение ради этой иллюзорной дружбы, в которой, очевидно, не было и доли искренности.

Нервин холодно посмотрел на Фарлока. Тоуф нервно поежился, прозвучавшие в голосе некроманта нотки ему не понравились. Уж больно от них отдавало гнилью и тлением.

Надо же, за годы, проведенные вместе, они позабыли, с кем имеют дело. Фарлок хоть и отрекся от пути сыновей Аэндора⁶ (каждодневно подавляя тьму в себе, прибегая к различным успокаивающим упражнениям и методикам), но по-прежнему оставался некромантом. Существом, одно упоминание о котором сеяло ужас в сердцах даже самых дерзких воинов, что уж говорить о сгорбившемся вечно пугливым гоблине.

— Путь Эмихола — полет радости, да будет благословлена тень его, падающая на миры, им порожденные, — голос

---

⁶ Аэндор (ивр. «источник Дора») — древнее селение в Нижней Галилее (Израиль). Известно по ряду библейских сюжетов. Царь Саул перед битвой с филистимлянами посещает Аэндорскую волшебницу, которая вызывает по его просьбе дух пророка Самуила (1Цар. 28:7–19).

Нервина звучал ровно и успокаивающее. — Путь врага всего живого...

— Путь врага всего живого — падение великое, — продолжил Фарлок известную всем мантру. — Да будет имя его изглажено из летописи чтущих дела Света. Да будет крыло его надломлено, и да не воспарит он над мирами сеять смуту и соблазн.

Вспыхнувший было огонь в глазах некроманта угас. Он сделал несколько глубоких вдохов и вновь стал похож на прежнего брата Фарлока, дружелюбного и тактичного.

— Простите меня, братья, — произнес он, обретая контроль над своими эмоциями, — нет мне оправдания. Я не должен был...

— Ты совершенно прав, — не дал ему закончить извинение Нервин, — больше медлить нельзя. Я даю свое согласие на высвобождение Хранителя. И да покроет нас Эмихол своей милостью, и да не вменит нам сей акт в братоубийство.

Завернутый в бархат ларец был поставлен в центр алтаря, на место украденной святыни. Трое братьев молчаливо рассматривали его. Даже Фарлок уже не выглядел таким уверенным в правильности принятого решения. Доселе никто еще из живущих на Нурлинь не открывал этот ящик Пандоры. Кто знает, а вдруг это некая изощренная ловушка, в которой заточен свирепый монстр или еще какая несущая смерть нечисть? Имели ли они право так рисковать?

— Никогда мы не прибегали к помощи Хранителя, — заговорил Нервин. — Много легенд и преданий слышали, но какие из них правдивы? Это знание давно утеряно во времени. Но все же, кое-что нам известно наверняка: Хранитель — один. Он несет свой дозор в мирах, верша волю Эмихола. Но обитать он может лишь в одном мире. Если мы призовем его к нам, то он, возродившись здесь, погибнет в том, другом мире. А что, если там, в ином мире, он несет служение не менее важное, и мы своим поступком помешаем ему выполнить возложенную на него миссию? Уверены ли мы, что наша проблема стоит того, чтобы

принести Хранителя в жертву? Что, если в этот момент он спасает тот, другой мир? Я не говорю все это, чтобы напомнить, знаю, вам это хорошо известно. Но говорю сие в наставление. Совершая это дело, мы должны четко осознавать цену.

Нервин подошел к алтарю и развернул бархат, под которым оказался небольшой деревянный ларец с замысловатым резным узором.

— А к-к-какой он? — поинтересовался Тоуф. — Как он выглядит?

— Об этом мы сможем узнать, лишь высвободив его, — ответил Нервин. — До этого момента он всего лишь неясная легенда, полная противоречий и домыслов. Но стоит нам высвободить его, как он изменит историю Нурлинь навсегда, порождая новые предания, которые станут неотъемлемой частью нашего мира.

Не сговариваясь, каждый положил правую руку на крышку ларца. Резной узор наполнился светом, и ларец со щелчком отворился.

Затаив дыхание, братья заглянули в середину.

— Яйцо?! — не смог скрыть удивления Тоуф. — Но это же... яйцо?

И действительно, в ларце было обычное, ничем не примечательное яйцо.

— Вот тебе подсказка, брат Тоуф, — подал голос Фарлок, — наверняка это птица.

— А может и н-н-нет, — возразил Тоуф, желая блеснуть эрудицией. — Это с таким же успехом м-м-может быть и змея с к-к-крокодилом, или даже утконос.

Нервин наклонился над ларцом и прошептал:

— Приди к нам Хранитель. Умри и возродись. Сверши волю Эмихола и принеси покой и равновесие в наш мир.

Послышался приглушенный хруст, и на скорлупе расплылась паутина трещин.

Раскаленное солнце нещадно палило своим огнем темно-бурые перья на крыльях Хранителя. Доводилось ему бывать в мирах и более знойных, да и жгучее солнце на данный момент тревожило меньше всего. Человек с ружьем неотвратно настигал его. Кто бы мог подумать, что все обернется именно так? Хотя чего еще ожидать от мира, где двуногие заправляют балом, а птицы всего лишь служат безмозглым придатком в качестве колоритного украшения горизонта. И угораздило же его вляпаться в эту историю.

В воздухе, совсем рядом, просвистела пуля. Человек с ружьем пристреливался к своей парящей над деревьями мишени, и с каждым выстрелом у него это выходило все лучше.

Вот заноза! И это благодарность за то, что Хранитель неоднократно спасал его шкуру? В первый раз указал ему на следы на земле, потом отвлек дикаря с копьем, тем самым спасая от неминуемой гибели. И все бы хорошо, но случился этот проклятый камень. Хранитель заметил, как загорелись глаза Наемника, когда тот увидел алмаз, но не придавал этому большого значения, а надо было. Алмаз оказался не простой блестящей безделушкой. Что-то недоброе таилось в нем. Зловещее, пленяющее разум настолько, что Наемник напрочь забыл о своей миссии, о своем долге и произнесенной клятве. У него был шанс выйти героем из этой истории, но человеком он оказался с душком, падким на блестяшки. Все эти пышные слова о чести и долге были всего лишь ничего незначащим звоном медного кимвала⁷. Пустая болтовня, в которую Наемник сам начал верить. Но когда дело дошло до настоящего испытания чести...

Хранитель прогнал эти мрачные воспоминания. Еще будет время для сожалений, сейчас же нужно беспокоиться о другом.

---

⁷ Кимвал — ударный музыкальный инструмент, предшественник современных тарелок

В когтях Хранитель держал злополучный алмаз, который совсем недавно украшал рукоять каменного ножа. В отместку за содеянное, за то, что Наемник не оправдал надежды и тем самым смешал все карты, он решил отобрать алмаз. И теперь со злорадством, нарочито медленно наматывал круги над головой Наемника, не без удовольствия наблюдая, как тот неистовствует, перезаряжая свое ружье. Хранитель собирался еще немного погонять Наемника по джунглям, а затем на глазах у того кинуть проклятый алмаз в какое-то ущелье. Если это не удовлетворит гнев Хранителя, то, возможно, он выключит глаза Наемнику, вдруг решившему заделаться охотником. Пусть мнит себя, кем хочет, но только эта дичь ему не по зубам.

Хранитель не то чтобы сильно страшился пуль (все-таки, как-никак, он был существом бессмертным), но, признаться, мало горел желанием, чтобы свинцовое ядрышко насквозь пробило его хрупкое тело. Пытаясь вложить в слова всю накопившуюся в нем ярость, он закричал проклятия, обращаясь к человеку с ружьем. Но из горла его вырвалось очередное протяжное карканье, так сильно походившее на человеческий смех. Пользоваться разумной речью, как и телепатией можно было даже и не пытаться. И угораздило же его очутиться в мире, где любая магия была невозможной по определению.

Наемник воспринял крик ярости как очередную насмешку, что привело его еще в большее бешенство.

— Вернись, тварь! — заорал он, потрясая своим ружьем над головой, — брось алмаз, кому говорю!

Это уже начинало отдаленно походить на диалог. Разговор двух агонизирующих разумов, надежды которых не осуществились.

Но недолго Хранитель упивался реваншем. Произошло то, к чему он был готов менее всего. И нужно же было случиться такому именно сейчас! Сердце его выдало три сильнейших удара и затем полностью затихло в груди. Хранитель умер. Умер для этого мира. Кто-то призвал его. Где-то нуждаются в его помощи. Ну

и пусть. Здесь он потерпел фиаско, возможно, в ином мире ему удастся реабилитироваться. Он закрыл глаза и приготовился к переходу. Но ощутив, что когти по-прежнему крепко сжимают алмаз, опомнился. По-иному взглянув на Наемника, Хранитель вспомнил свое предназначение. Да, этот человек оказался испорченным, с прогнившей душой. Но Хранитель не должен был уподобляться ему, не должен был поддаваться гневу.

«Я с тобой еще не закончил», — Хранитель набрал воздух в легкие и невероятным усилием воли заставил остановившееся сердце вновь забиться в груди. Даже если он нужен иному миру, негоже Хранителю бросать свою миссию незавершенной. Иной мир обождет. Хранитель знал: у него есть не больше минуты. Отказавшись прийти на зов, он запустил в действие древний как мир механизм. Этот мир скоро силой вытолкнет его. Не теряя времени, Хранитель повел Наемника дальше в джунгли. Вскоре он вывел его к озеру, в которое ниспадал водопад. Подлетев к середине озера, Хранитель стал кружить над водой. На дне начала образовываться воронка, которая вскоре затянет его в свои недра, чтобы затем вытолкнуть уже в ином мире.

Наемник понял: Хранитель не собирается никуда улетать. В глазах его читалось недоверие, он уже убедился, что это не простая птица, а существо весьма злорадное и хитрое. Наемник колебался. Если он выстрелит, птица пойдет под воду вместе с алмазом. Если промедлит, она может упорхнуть, и на этот раз навсегда.

«Давай же! Сделай это!» — говорили глаза птицы. И Наемник сделал. Опустившись на колено, он выстрелил. Тело птицы обмякло и со сложенными крыльями плюхнулось в воду. Но Наемник все же заметил, что алмаз остался в птичьих когтях. Используя мушкарду в качестве балласта, Наемник с разбегу бросился в воду. Озеро оказалось глубже, чем он предполагал, но кристально чистая вода обеспечивала хороший обзор. Он видел, как по-прежнему сжимающая алмаз птица медленно погружалась в

воду. Драгоценный камень поблескивал и переливался бирюзой. Наемник намного превосходил птицу в весе, поэтому без труда нагнал ее тонущее тельце. Пальцы его уже было коснулись заветного камня. И тут он обратил внимание, что вокруг творится что-то неладное. Незримая сила потянула его на глубину. Тихая вода вдруг превратилась в беспокойный поток подводного течения. Наемника вместе с птицей затягивало в воронку. Он пытался сопротивляться, но что-то сковывало его движения. Это уже была не вода, а нечто вязкое, подобное воску, с каждой секундой затвердевающее. И затем Наемник с ужасом увидел, как глаза мертвой птицы... открылись.

«Мы с тобой еще не закончили», — раздалось где-то в голове Наемника, и не было никаких сомнений — к нему обращалась подстреленная птица.

«Я умер, — подумал про себя Наемник, — и это не что иное, как ад».

«Разумеется, умер. По крайней мере, это в порядке допущения. А как ты еще рассчитывал перенестись в иной мир? — проговорила птица, затем со злорадством добавила: — Побудь здесь пока. Никуда не уходи».

«Что?..»

Но тело птицы уже светилось изнутри, словно та была фениксом. Напоследок она конвульсивно дернулась и со вспышкой исчезла, оставляя Наемника в одиночестве. Он не успел даже толком испугаться, так как его застало врасплох умиротворяющее забытие.

ГЛАВА 5

*в которой Тоуф, Фарлок и Нервин дважды узнают,
что они болваны*

Что-то шло не так. Птенец в яйце вот-вот было проклюнулся, но потом затих. Братья, недоумевая, с ужасом разглядывали треснувшую скорлупу, боясь проронить хоть слово. Может, они сделали что-то не так? Может, где-то напортачили с обрядом или неверно произнесли заклинание?

— Приди к нам Хранитель. Умри и возродись... — сбивающимся голосом решил повторить заклинание Нервин.

Но закончить ему не пришлось. Яйцо с треском взорвалось изнутри, осыпав братьев осколками скорлупы. В ларце гордо восседал пушистый птенец и, моргая, изучал призвавших его существ.

— Очевидно, что это не крокодил, — в голосе Тоуфа слышалось разочарование. — К-к-какой маленький. Мы что, должны будем его т-т-теперь выхаживать, пока он не окрепнет? А как же...

Птенец в знак протеста щелкнул клювом о ларец, затем задрожал, как от озноба, и начал стремительно преображаться. Тело

его удлинялось, окраска становилась более выразительной, пушок превращался в перья. Когда метаморфоза завершилась, птица раскинула свои крылья, демонстрируя полуметровую дугу из перьев и мышц.

Братья не без любопытства разглядывали Хранителя. Все они были в меру учеными и разбирались в классификации видов. Но так уж повелось, что на Нурлинь птиц не было. Не прижились. Что-то, видать, было не то с атмосферой или притяжением планеты. Нет, местные фермеры, как и в любом другом мире, разводили разнообразную пернатую живность в виде гусей и кур. Но мы-то говорим о вольных птицах, которым известны преимущества полета.

Фарлок достал из кармана мантии глядельное стекло и поднес его к правому глазу. Прищурившись, он начал тщательно изучать птицу: крупная круглая голова, небольшой изогнутый клюв, прямая посадка настоящего хищника, мощные когтистые лапы, перья на крыльях темно-бурого цвета. А самая отличительная черта — черная маска на глазах, что добавляло птице грозный вид стража правосудия.

— Очевидно, тип хордовые, из отряда соколообразных, — поделился своим заключением Фарлок, — но уж больно мелок. И эта маска. Имя так и крутится на языке...

Фарлок замолчал, погрузившись в свои размышления. Птица со скужающим видом моргнула и, раскрыв клюв, зашлась в долгих ритмичных выкриках.

— Да он над нами смеется, — обиженно произнес Нервин.

— Светлое Эмихола озарение! — воскликнул Фарлок. — Как я сразу не сообразил. Это же *Herpetotheres cachinnans*!

— *Herpeto...* кто? — переспросил Тоуф.

— Смеющийся сокол⁸, — не без гордости перевел с латыни Фарлок.

---

⁸ Смеющийся сокол (лат. *Herpetotheres cachinnans*) — действительно, в природе существует такой вид хищных птиц семейства соколиных. Ритмические выкрики птицы похожи на человеческий хохот. Гнезд не строит. Живет в пустующих дуплах или гнездах других хищных птиц. Питается змеями, ящерицами. Латинское название буквально переводится как «пожиратель рептилий».

— С-с-смеющийся... с-с-сокол, — повторил Тоуф, пробуя слова на вкус. Затем глаза его вспыхнули, словно он разгадал некую мозгодробительную головоломку: — А-а-а, я понял! С-смеющийся! Умно.

Хранитель поскреб когтистой лапой по поверхности алтаря, привлекая к себе внимание.

Братья вмиг подтянулись и, приняв деловитый вид, заговорили. Если кто-то сбивался на полуслове, то другой тут же подхватывал и дополнял историю новыми подробностями. Невзирая на суетливость и сбивчивость повествования, суть они донесли — Длань Эмихола украдена и они нуждаются в помощи Хранителя.

Хранитель окинул их суровым осуждающим взглядом. Затем поглядел в башенное окно, словно прикидывая расстояние до некой намеченной цели. Но, разумеется, это было не так, ведь за окном была крошечная тьма, а быстрый Гайл уже наверняка скрылся за горизонтом.

Никто из них не осмелился задать вопрос: а что же будет с братом Гайлом? Все они прекрасно понимали, на что шли. Роль Хранителя заключалась не в том, чтобы выполнять просьбу ссохшихся стариков. Он сделает все возможное, чтобы свершилось правосудие. И если Сокол посчитает, что вина брата Гайла заслуживает самого сурового наказания — смерти, то кто они, чтобы перечить Хранителю?

В глубине души все они надеялись, что Гайл руководствовался самыми чистыми, бескорыстными побуждениями. В таком случае Хранитель, возможно, и проявит благосклонность. Но все это, разумеется, были лишь предположения. Кто знает, как поведет себя Хранитель.

Сокол продолжал восседать на алтаре, словно чего-то ожидая. Осанка его была величественной и невозмутимой, но во взгляде читалось нетерпение.

— Может, его нужно чем-то п-п-покормить? — поинтересовался Тоуф. — А ч-ч-что они едят?

— Змей, — блеснул умом Нервин и искоса поглядел на Фарлока.

— А? Что? — воскликнул ошарашенный некромант. — Нет тут никаких змей, особенно трехголовых. Пусть себе поищет что-нибудь на пустоши, там полно всякой живности пресмыкающейся обитает.

Сокол моргнул в раздражении и, взмахнув крыльями, выпорхнул в башенное окно, бросив на прощание всего лишь одно слово на всемирном наречии.

Гном, некромант и гоблин еще какое-то время молча смотрели в окно, провожая взглядами удаляющуюся тень птицы.

— Б-б-братья мои, — первым осмелился нарушить молчание Тоуф, — я ослышался, или Хранитель действительно обозвал нас б-болванами?

Безучастные, равнодушные ко всему звезды служили неплохим ориентиром. Иного проку от них было мало. О, если бы хоть одно из этих космических тел приблизилось к умирающей Нурлинь, чтобы согреть ее своим теплом. Но это были лишь наивные надежды, от коих Гайл избавился еще будучи щенком. Есть законы во Вселенной, их невозможно изменить или обойти. Звезды это не просто крупинки рассыпанного в космосе бисера, узор которого можно было бы исказить по чьей-либо прихоти. Хотя само существование Нурлинь бросало вызов всем вселенским законам.

Может быть, поэтому Вселенная и решила наказать эту маленькую бунтарскую луну, которой мало было довольствоваться своей предсказуемой орбитой. Нурлинь оказалась непоседой, ее влекло к другим мирам. По этой причине она и притянула к себе столько романтиков и авантюристов, и те, невзирая на риск и неопределенность, оставили свои привычные обжитые миры

и прилепились к Нурлинь, словно молодые саженцы, пуская глубокие корни в твердую почву планеты.

И вот оно — время платить по счетам. Солнце, которое безвозмездно согревало Нурлинь (не считая того короткого времени, когда необузданная луна отправлялась сквозь кольцо-портал на Ярмарку миров), такое привычное светило, воспринимаемое всеми как нечто должное, само собой разумеющееся, в один момент (никто не был готов к такому) начало неотвратно угасать.

Гайл направлялся на север. И, по правде сказать, не сильно нуждался в звездах, дабы не сбиться с пути. Как и любой другой пес, он чувствовал север носом. По крайней мере, этой способностью обладали все члены его многочисленной стаи. Но не к своим сородичам держал он путь. Великая миссия возлежала на его плечах, бремя которой непрестанно тяготило его на протяжении последних двух сотен лет. И вот наступил тот момент, когда необходимо осуществить задуманное. Другого шанса уже не представится.

Не сбавляя скорости, пес продолжал свой бег. По левую от него сторону, где-то вдалеке, промелькнула вереница факелов и затем исчезла за очередным холмом. Это городская стража спешила к капищу Эмихола на зов тревоги. Что ж, они удачно разминулись. Других неприятностей не предвиделось.

Внезапно какая-то тень со свистом налетела на него и с силой ударила в бок. Гайла отбросило в сторону на несколько метров, и он жалобно заскулил, приземлившись на острый каменный выступ. Пес попытался подняться, но тень незамедлительно повторила атаку: на этот раз острые, как бритвы, когти поцарапали ему спину. Гайл попытался изловчиться и схватить неприятеля. Но челюсти его сомкнулись на пустоте, лишь одинокое бурое перо, медленно кружась, пролетело у его носа.

Птица? Каких же она должна быть размеров, чтобы обладать такой силой?

Пес попятился, насторожено высматривая в темноте противника. Что-то мелькнуло впереди. Неуловимая для глаза тень поднырнула под Гайла и подбросила его вверх, словно тот был не тяжелее котенка. Но в том-то и дело, что он не был легким, как котенок. Весил Гайл почти с половину лошади. И в отличие от котов, не обладал такой полезной способностью, как умение приземляться на лапы. Совершив в воздухе кувырок, он с грохотом приземлился на спину. Раздался хруст ломающихся ребер. Испуская из пасти клубы пара в прохладный воздух и сплевывая кровь, пес попытался подняться. Но лапы его подломились, и он, обессиленный, повалился наземь.

Враг опустилсЯ неподалеку на каменный выступ. Вопреки всем ожиданиям, птица оказалась не больно крупной, от силы пятьдесят сантиметров. В ровной осанке ее читалось спокойствие. Но сквозь черную маску из перьев на Гайла смотрели зоркие глаза палача, в которых угадывался неприкрытый праведный гнев. Готовясь к последнему выпадy, который бы положил конец этому неравному поединку, птица впилаСь когтями в камень, кроша твердую породу в пыль. Гайл сжалСь в ожидании удара.

«Властью, данной мне Эмихолом Справедливым, приговариваю тебя к смерти», — раздалСь голос птицы в голове Гайла.

Всего лишь несколько мгновений потребовалось Гайлу на то, чтобы осмыслить услышанное. В разуме его словно вспыхнула хлопушка, наполняя вены адреналином. Преодолевая боль, он поднялся на лапы.

— Стой! — воскликнул он на всемирном наречии. — Я старейшина ордена Длани Эмихола, где был наречен Мардогайлом. Один из четырех хранителей великой реликвии!

С каждым произнесенным словом речь его все менее походила на собачье рычание. Ибо тело его также переживало преобразование: шерсть исчезла вместе с когтями и клыками, острый нос втянулся, лапы изогнулись.

— Я предводитель Огненных псов, гончая Эмихола и страж

небесных врат! Имя мне Тихар-Ку, и я нуждаюсь в твоей помощи, Хранитель.

Слушая эту тираду, Сокол нахохлился в легком недоумении. Слова Огненного пса были неожиданностью. Еще большей неожиданностью был тот факт, что разговаривал с Хранителем теперь молодой юноша, который стоял на двух ногах и прижимал ладонь к окровавленному боку.

Капитан городской стражи с таинственным именем Хадлеар спешился с быка и раздраженно рассматривал опущенные ворота замка. Чувствуя нетерпение хозяина, бык фыркнул, выпуская через ноздри клубы пара. Хадлеар успокаивающе погладил массивный рог животного. Отряд стоял позади не спешиваясь. Один лишь тролль Уфи переминался с ноги на ногу, стоя по правую руку командира. Для тролля не нашлось подходящего животного, которое бы выдержало его массивную каменную тушу. Да Уфи в нем и не нуждался, так как был прекрасным бегуном и не знал усталости. Да-да, вы не ослышались, именно бегуном. В отличие от своих собратьев, которые не шибко-то отличались расторопностью и подвижностью, Уфи был настоящим марафонцем. Его так и называли — Уфи-Скороход.

Хадлеар стряхнул с плаща дорожную пыль и подал троллю знак рукой. Уфи, без слов понимая настроение командира, подошел к массивным кованым воротам и, издав свой боевой клич «Ууууфииииии!», начал колотить в них своими кулачищами. Ворота жалобно заскрипели, грозя сорваться вниз. Так бы и произошло, если бы тролль колотил в них хотя бы вполсилы.

В замке засуетились, наконец-то заметив присутствие стражи. Ворота медленно начали подниматься вверх. Не дожидаясь,

когда они полностью поднимутся, Хадлеар направился к замку. И вновь Уфи уловил ход мыслей командира: схватился ручищей за ворота и с силой толкнул их вверх, заставляя древний механизм работать быстрее. Хадлеар прошел в образовавшийся проем, дав знак рукой отряду оставаться снаружи.

— Старейшины, — скрипя зубами, поприветствовал капитан суетившихся в холле старцев.

— Хадлеар! Мы не рассчитывали, что вы появитесь так скоро, — заговорил Нервин, глядя снизу вверх на высокого, облаченного в доспехи стража.

— Что стряслось? — сразу перешел к делу Хадлеар.

— Д-длань Эмихола украдена, — подал голос Тоуф.

— Что?! — лицо Хадлеара покраснело от гнева, грозя взорваться, подобно вулкану. — Как это произошло?! У вас была лишь одна единственная задача — хранить святыню. Я неоднократно предлагал приставить к замку стражу, но вы меня уверили, что в этом нет необходимости!

Хадлеар оглядел помещение и спросил уже более спокойно:

— А где старейшина Мардагайл?

Старцы переглянулись. Видно было, что они медлят с ответом, не решаясь открыть капитану стражи правду.

— В этом все и дело, — заговорил Фарлок. — Брат Гайл... Но вам уже не о чем тревожиться. Мы приняли меры, святыня будет возвращена.

— Какие еще меры? — брови капитана поплыли вверх. — О чем это вы тут толкуете?

— Мы высвободили Хранителя, — в один голос ответили старцы.

— Он вернет святыню и свершит правосудие во имя Эмихола, — заключил Нервин и повторил слова Фарлока: — Так что не о чем тревожиться.

Какое-то время Хадлеар молчал, обдумывая полученную информацию. И только скрип железных доспехов был слышен,

когда его массивная грудь поднималась и опускалась, наполняя легкие капитана воздухом, а мозг кислородом. Хадлеар был неустрашимым воином, но когда дело доходило до мыслительной работы... В общем, один лекарь обучил его незамысловатым дыхательным упражнениям.

— В котором часу вы высвободили Хранителя? — уже абсолютно ровным голосом продолжил допрос Хадлеар.

Старейшины ответили. Капитан задумчиво поцокал языком и задал еще один вопрос:

— И вас не волнует, почему Хранитель до сих пор не вернулся?

Старейшины непонимающе смотрели на капитана стражи, недоумевая, к чему тот клонит.

— Хранитель представляет интересы Эмихола, да будет имя Его досточтимом. Я же, как вам известно, представляю интересы Нурлинь.

— К чему вы это все нам говорите, почтеннейший Хадлеар? — учтиво поинтересовался Фарлок.

— Я это говорю к тому, что в интересах Нурлинь, чтобы святыня оставалась на своем положенном месте. А какое дело Хранителю до нашей луны? Он лишь будет делать то, что сам почитает верным. И не исключено, что его взгляды и решения не послужат во благо нашему миру.

— Что вы такое говорите, капитан?! — возмутился Нервин. — Хранитель само воплощение справедливости Эмихола и его закона.

— Я здесь закон! — прикрикнул на гнома Хадлеар. — Я избран народом Нурлинь как орудие правосудия. Разве вам уже не стало очевидным, что Хранитель восстал против нас? У него было всего два выбора в этой ситуации: наказать вора и вернуть святыню или же принять его сторону.

— Но к-к-как такое возможно? — возмутился Тоуф.

Капитан стражи оставил вопрос гоблина без ответа.

— Старейшина Мардагайл объявляется вне закона. Любое вмешательство Хранителя в это дело будет рассматриваться как

преступление против народа Нурлинь. Вы же в наказание за халатность приговариваетесь к домашнему аресту, что, очевидно, не сильно изменит ситуацию, так как вы и без этого побоитесь высунуть носы за ворота замка.

Взмахнув плащом, капитан резко развернулся и удалился, бросив сквозь зубы нелестное слово в адрес старейшин, которое за сегодня они были вынуждены услышать уже во второй раз.

Интерлюдия 2

О неудобовразумительном и прочая

Как и предполагалось, сие маловразумительное повествование с ходу загнало ничего не ведущего читателя в гущу сомнительных событий. Все эти (будь они неладны) милоти, длани и другие, вышедшие из повседневного обихода архаизмы, наверняка, уже, словно терпкий виноград, набили оскомину на многострадальных деснах читателя. Я уже не говорю об этих многочисленных мирах, гибнущих солнцах и разношерстной компании в лице троллей, гномов и некромантов.

«Что здесь вообще происходит? — в недоумении спросите вы. — Куда собственно это нас заведет? — и (мое любимое): — Что ж, было весьма занятно... а где здесь выход?»

На все эти вопросы я могу дать однозначный ответ: «Не имею ни малейшего понятия. Будьте так добры, передайте мне соль и перец, и хватит задавать глупые вопросы». Давайте просто вместе насладимся этим блюдом (чем бы оно ни было: овощным рагу или надоевшей запеканкой из того же овощного рагу), а как оно скажется на нашем с вами пищеварении — дело второстепенной важности. Тут уж, как говорится, на цвет и вкус — один арбуз. Вы что, снова спорите? Это, между прочим, моя история, мне виднее, какие здесь поговорки уместны, а какие нет.

Ну давайте на время оставим препирания, так как количество строк, выделенных мне для этой интерлюдии, уже подходит к концу. Напоследок хочу дать совет тем, кто уже успел запутаться в мифологии (теологии) данного повествования: читайте Нурлинскую летопись о светлых деяниях Эмихола (если вы, разумеется, сможете расшифровать древние письмена на каменных скрижалях). Возможно, там вы найдете ответы.

На этом все, почтенные.

Разрешите откланяться.

ГЛАВА 6

*в которой Хранитель объединяется с Гайлом,
а Наемник примеряет жилетку*

Этот мир оказался куда более безумным, чем тот, что изверг Хранителя минутами ранее. Сокол с нарастающим недоумением слушал рассказ Огненного пса по имени Тихар-Ку. Голова шла кругом, по мере того, как новая информация все больше убеждала его, что он был прав в своем допущении — этот мир просто-напросто свихнулся. Да, в словах Огненного пса проглядывалась искра рационализма, и ход его мыслей не был лишен логики. Но возникала одна серьезная проблема, удерживающая Хранителя от принятия решения: не важно, чью сторону он примет (в глубине души он уже принял сторону Огненного пса, только сам себе боялся в этом признаться), равновесие будет неизбежно нарушено. Любое вмешательство Хранителя в эту ситуацию будет иметь последствия не только в этом мире. Его же миссия заключалась в том, чтобы лишь направлять и корректировать отдельные судьбы.

Гайл видел нерешительность Хранителя и не мог взять в толк, отчего тот медлит с решением. Для Гайла все было очевидным, как дважды два. Есть мир, который погибает, и есть вполне осуществимый план по спасению этого мира. О чем тут, собственно, еще размышлять?

«Ты поверг в смятение мою бессмертную душу, страж небесных врат Тихар-Ку, — раздался голос Сокола в голове Гайла. — Небезызвестна мне история Нурлинь. А также осведомлен я и о арретанцах, избранных детях Эмихола, и о том, что мятежные из их рода и по сей день обитают на этой луне. Также ведомо мне, что Нурлинь есть место великого падения Однокрылого Дракона и является его могилой. И если Эмихолу угодно, чтобы Нурлинь прекратила свое существование, унеся с собой даже упоминание о тех злосчастных временах, то кто я, чтобы противиться Его воле?»

— Но хоть что-то ты можешь сделать? — в голосе Гайла слышалась одновременно мольба и злость.

Хранитель испытующе посмотрел на пса, ставшего юношей. Да, этот был не из робких. Другой бы и не смог претендовать на звание стража небесных врат. И то, что он пренебрег этим званием только ради авантюрной попытки спасти погибающую луну, делало ему немалую честь.

«Я не могу вмешаться, — вынес свой вердикт Хранитель. Предупреждая возражения и возмущения со стороны Гайла, продолжил: — Я не могу вмешаться до тех пор, пока полностью не буду уверен в том, что Эмихол одобряет это авантюрное мероприятие. Но без помощи я тебя не оставлю. Есть ли здесь поблизости какой-либо водоем?»

Водоем отыскался. Вернее, отыскалось нечто, столетия назад бывшее водоемом. По крайней мере, полуразрушенная запруда из гниющих досок указывала на то, что вода здесь в некие отдаленные времена таки имелаась. На данный же момент картина была довольно плачевной: то, что некогда было озером, превратилось в пенящееся вязкое болото.

Хранитель сделал пару кругов над болотом, затем опустился на торчащую из земли доску и удовлетворенно прищурил глаза. Гайлу подумалось, что если бы Хранитель имел рот, а не клюв, то на лице его застыла бы ехидная улыбка.

«Это подойдет», — утвердительно проговорил Хранитель. Затем, издав гортанный звук, он выплюнул небольшой металлический предмет (Гайл не успел разглядеть его) в бурлящую грязь.

Грязь в знак протеста выпустила колоссальных размеров пузыря и, словно пробуя предмет на вкус, медленно поглотила его. По непонятным даже самому Хранителю причинам свинцовая пуля выпущенная Наемником не прошла его тело насквозь, а застряла где-то в легком. Как бы там ни было, обстоятельства сложились самым наилучшим образом. Чтобы втянуть Наемника в этот мир, Хранителю требовался какой-нибудь предмет, принадлежащий этому человеку с ружьем. Изначально Хранитель рассчитывал использовать для этой цели алмаз, но тот, очевидно, где-то затерялся при переходе между мирами. Ну что ж, свинцовое ядро тоже принадлежало Наемнику.

Пуля тем временем неспешно продолжала свое погружение. Хранитель обождал некоторое время и затем беззвучно произнес заклинание.

«Надеюсь, ты знаешь, что делаешь», — заговорил он со своим подсознанием. Но ответа так и не дождался.

Семеро низкорослых силуэтов бесшумно продвигались под покровом ночи. Вот уже впереди показались старая запруда и болото. Там кто-то был. Как всегда, Хозяин оказался прав.

Предводитель банды осторожно выглянул из-за каменного утеса. Привыкшими к темноте глазами он разглядел два существа. Одним из них была птица, вторым какой-то полуобнаженный юнец с длинными волосами.

Предводитель банды имел представление о том, как выглядят птицы. Но когда Сокол, взмахнув крыльями, воспарил в воздух и начал наматывать круги над болотом, к горлу разбойника подступил ком. Хозяин предупреждал, что Хранителя нельзя убить. Поэтому разбойники предварительно запаслись надежными сетями. Того, кого нельзя убить, нужно хотя бы попытаться обезвредить.

Что касается второго субъекта, разбойник рассчитывал увидеть на его месте старого рыжего пса. Но к такому повороту главарь тоже был готов. Хозяин упомянул, что пес может принять человеческий облик. И будь он хоть псом, хоть человеком, в отличие от Хранителя, он был существом смертным. И здесь разбойник никаких проблем не видел.

Дав знак банде следовать за ним, предводитель все также бесшумно двинулся вперед. Без слов банда рассредоточилась, беря своих жертв в кольцо, которое замыкало непроходимое болото, так удачно оказавшееся за их спинами.

Юнец скинул с плеч увесистый рюкзак и, порывшись в нем, вытащил теплую походную одежду. Прежде чем одеться, он основательно перевязал рану на боку, хотя та уже почти не кровоточила. Как-никак ему посчастливилось родиться Огненным псом, что несло с собой немалые выгоды. Быстрая регенерация являлась одной из них.

Предводитель разбойников не отрывал пристального взгляда от рюкзака. Бесспорно, вещь, которая нужна Хозяину, хранится в нем. По-другому и быть не могло. Требовалось во что бы то ни стало заполучить рюкзак.

Готовясь к нападению, разбойник обнажил кривую саблю. Банда последовала его примеру, извлекая ножи и ятаганы.

Уже готовый заорать боевой клич разбойник так и застыл с широко открытым ртом. С болотом творилось что-то неладное: оно словно превратилось в бурлящий котел. Густая жижа неистовствовала, выстреливая во все стороны комками грязи, подобно гейзеру. Образовалась воронка, в которой разбойник

разглядел ужасное черное существо. Оно барахталось, безуспешно пытаясь выбраться на поверхность. Юнец-пес подбежал к краю болота. Ухватившись за прогнившие доски запруды, он наклонился к утопающему, протягивая руку.

Болотное чудище увидело протянутую руку и попыталось дотянуться до спасителя, но разделявшее их расстояние не позволило ему это сделать.

Разбойник с интересом наблюдал за происходящим на болоте. Он бы не сильно расстроился, если бы чудище затащило юнца на дно или оттапало тому руку по самый локоть. Тогда единственной преградой между бандой и рюкзаком оставался бы лишь Хранитель.

А тем временем чудище решило потянуться к своему спасителю другой рукой, которая оказалась намного длиннее, словно некое щупальце.

Разбойник представил, как это щупальце, подобно змее, обвивается вокруг тонкой шеи мальчишки. И вновь его ожиданиям не дано было исполниться. Юнец ухватился за щупальце (которое оказалось никаким не щупальцем, а всего лишь палкой) и что было силы потащил, увлекая болотное чудище за собой на твердый берег.

Чудище какое-то время извивалось у берега, сплевывая грязь. Затем, опираясь все на ту же спасительную палку, выпрямилось в полный рост. Перед юнцом возвышался не кровожадный, порожденный болотом монстр, а перепачканный грязью широкоплечий воин. А в том, что это именно воин, разбойник не сомневался. Небольшой шлем-обруч, плотный кожаный панцирь на груди, не по сезону тонкие штаны и легкие сандалии.

Об этом Хозяин не упомянул. Теперь им предстояло сразиться сразу с тремя противниками.

Воин откупорил флягу и принялся умываться. Затем он сделал нечто абсолютно непонятное привыкшему к пыли и грязи разбойнику: плеснул драгоценную воду на свою палку и принялся

ее растирать, отчищая от грязи. По мере того как отчищалась грязь, разбойник убедился, что это была не просто какая-то бесполезная палка. То, что держал в руках воин, было виртуозным переплетением дерева и металла.

Разбойнику весьма приглянулась эта вещица, чем бы она ни была — походной тростью или боевой дубиной, — он сумеет найти ей применение.

Подогреваемый ожиданием приобретения нового трофея предводитель наконец издал боевой клич, и вся банда выскочила из своих укрытий.

В лице воина растерянность от неожиданности сменилась на холодную решительность. Он крикнул что-то угрожающее и поднял свою трость, тыча ее концом в направлении груди разбойника. Тот напрягся, готовый отскочить в сторону, если воин метнет в него свою трость, как копье. Но трость по-прежнему оставалась в руках воина и всего лишь издала глухой щелчок. Воин заворчал в раздражении и начал исследовать свою трость, очищая ее от остатков грязи и засыпав в нее какой-то порошок.

«Возможно, это такая замысловатая курительная трубка, и воин предложит ее мне в знак примирения и капитуляции», — подумал разбойник, обнадеженный тем, что не придется сражаться с незнакомцем. Тогда и этот выкрик, изначально показавшийся ему угрожающим, был ничем иным как приветствием и данью уважения достойному противнику.

Но тут мысли разбойника прервались. Раздался такой грохот, словно мир треснул пополам. Тело разбойника подняло вверх и с силой швырнуло под ноги его банды. Так и есть, воин метнул в него своей тростью, как копьем. Разбойник пошарил рукой и убедился, что рана в боку — сквозная. Какой же это силищей нужно обладать, чтобы так проткнуть живую плоть тупым предметом. Разбойник поглядел на воина и с холодающим сердце ужасом увидел, что тот вновь держит в руках свою трость. Воин обладал не только непомерной силой, но и нечеловеческой скоростью.

За пару мгновений он успел метнуть в разбойника трость, подобрать ее и вернуться на свою прежнюю позицию.

«Нет, это был не воин, — промелькнуло в голове у разбойника, — это какой-то богоподобный титан! Солдат Эмихола, сошедший с небес с одной лишь целью — убивать и карать».

Один из разбойников кинулся в атаку, желая наказать титана за своего главаря. Размахивая над головой ятаганом, он не успел сделать и пяти шагов, как вновь разразился оглушительный гром и во лбу разбойника оказалась третья глазница. Тело неудачливого нападавшего сделало кувырок в воздухе и бездыханное шлепнулось на землю.

В этот раз предводитель сумел разглядеть, как из трости вырвался сноп искр.

«Вот оно, — сообразил разбойник, — дело не в войне. Дело в его трости. Это оружие, возможно, даже схожее с арбалетом, только намного убийнее. Но, тем не менее, это (хоть и очень странное) оружие, которое можно отнять и тем самым сделать противника беззащитным».

Предводитель прикрикнул на свою банду, чтобы те продолжили атаку, придерживаясь плана.

Два разбойника осторожно подошли к воину слева. Вопреки их опасениям, карательная палка не извергла в очередной раз пламя и гром. Напротив, воин бережно положил ее на землю и, достав короткий меч, приготовился к схватке. Начался обмен пинками, тычками и опасными выпадами колющими предметами.

Предводитель вновь переместил свое внимание на рюкзак. Юнец не отходил от него ни на шаг. Стиснув зубы от боли, предводитель поднялся на ноги и качающейся походкой направился к нему, угрожающе потрясая перед собой саблей. Юнец застыл в нерешительности и затем сделал несколько шагов отступая. Приняв какое-то одному ему ведомое решение, он почтительно поклонился предводителю и, накинув себе на голову что-то похожее на тряпку, — исчез.

Именно что исчез. Буквальней не выразишься. Словно он растворился в воздухе, как призрак. Ну что ж, очевидно, Огненный пес, сделав верный вывод, что ему не по силам тягаться с самим предводителем разбойников, решил благополучно удалиться с поля боя.

Подойдя к рюкзаку, предводитель водрузил его себе на плечо. Сквозь сквозную рану свистел ветер. Подсвистывая ему в такт, разбойник отправился со своей ношей в обратную от болота сторону.

Подумаешь, дыра, бывало и похуже. Главное, что дело сделано и необходимый Хозяину предмет у него. И пусть о нем, бесстрашном предводителе, слагают новые сказания. О том, как он со сквозной раной одолел бессмертного титана с огненной палкой.

Еще раз взглянув на лежащую на земле огненную палку, предводитель решил воздержаться от соблазна и оставить этот опасный предмет там, где он есть. После того как он ощутил на себе ее действие, у него как-то совсем пропало желание завладеть ею.

В воздухе что-то просвистело. Разбойник совсем было позабыл о Хранителе. Хозяин говорил, что тот может и не вмешаться в заварушку, если у него, Хранителя, не будет личных интересов. Но кто его знает, какие там личные интересы у этого слуги Эмихола. Так оно и вышло, Хранитель решил преследовать предводителя. Очевидно, ему было небезызвестно, что у того в рюкзаке. Ну что ж, на это они и рассчитывали.

Не оглядываясь на преследователя, разбойник ускорил шаг. Хранитель решил, что с него довольно играть в преследование и перешел к стремительной атаке. Сложив крылья, он спикировал вниз, целясь в голову предводителя.

Прочная сеть гномьей работы из металлической нити взлетела вверх и окутала тело Сокола. Попад в силки, птица неистово забилась.

Предводитель не смог удержать торжествующего смеха.

— Попалась птичка! — довольным голосом заключил он.

Два разбойника подошли к сетям и взялись за их края. Хороший будет трофей. Хозяин будет доволен.

Хранителю удалось расправить крылья. В следующее мгновение его опутанное сетью тело со скоростью молнии взмыло вверх, увлекая за собой двух разбойников, которым не посчастливилось ухватиться за края сетей.

Предводитель попытался проследить полет Сокола. Но тот (вместе с двумя разбойниками) растворился в черноте непроглядного небосвода. Предводитель круто развернулся и, невзирая на боль в ране, перешел на бег. Где-то позади о землю шлепнулись два безжизненных тела.

Наемник яростно отбивался коротким мечом от набросившейся своры коротышек. Их небольшой рост ввел его в заблуждение, и он чуть было не совершил роковую ошибку. Не ожидая от нападавших особой прыти и физической силы, он слегка расслабился: слишком рано отбросил мушкарду, даже не воспользовавшись замешательством врага, чтобы перезарядить ее. И вот теперь на него накнулись сразу двое противников, еще один медленно наступал спереди.

Наемнику едва удавалось отражать сильнейшие удары врагов. В его голове не укладывалось, откуда у этих бородатых, одетых в теплые меховые шубы существ такая силища. Наемник без хвастовства отличался силой и способностью выдержать и отразить любой удар. Но в этой схватке ему приходилось использовать всю свою ловкость и выдержку, чтобы устоять на ногах при таком натиске противника.

Закрытое лезвие ятагана рассекло воздух у его лица и скользнуло по железному шлему. И это притом, что ростом противник едва ли доставал до груди Наемника. Сражение разворачивалось явно не в его пользу.

Наемник был готов ко всему: к своре грабителей, племени аборигенов, армии солдат. Но здесь (в этом холодящем душу месте) все было не так, все было неправильно. Если бы он был легкомысленным простаком, то поверил бы в версию, что, прыгнув в озеро за проклятой птицей, он всего лишь наглотался воды и потерял сознание, течение вынесло его на берег, где он и пролежал до наступления ночи. Это было не такое уж лишенное логики предположение, и любой другой нормальный человек с благодарностью ухватился бы за эту соломинку, чтобы сохранить здравый рассудок.

Но Наемник был альмогаваром. Он сразу же ощутил огромный перепад в температуре воздуха, который был просто невозможным в это время года. Запахи джунглей напрочь исчезли, на смену им пришли запахи пустынной степи и пыли. Но самым главным было небо. Стоило Наемнику лишь бегло взглянуть вверх, чтобы убедиться — это был чужой мир, с другими звездами и без привычного диска луны.

И еще, эта тьма. Она словно черным саваном оседала на кожу. Из-за недостаточной видимости первая пущенная им пуля лишь ранила врага. И теперь, сражаясь с противником на мечах, он больше полагался на слух и интуицию. Враг же, похоже, не ощущал ни малейшего дискомфорта от отсутствия света.

«Куда эта чертова птица затащила меня? — размышлял воин. — Если я умер, то где же обещанный раскаленный в огне котел, переполненный грешниками?»

Нет, это был не ад. Да и существует ли такое понятие в месте, где ему не посчастливилось очутиться?

Все эти мысли отвлекали его от главного. Какая разница, если в своих размышлениях он таки сможет прийти к какому-то вразумительному заключению, но при этом его отрубленная голова будет пылиться у болота этого неизвестного мира? Сначала бой, а ответы потом. В любом случае неведение лучше чем небытие.

Если говорить о небытии, то оно как раз наступило для одного из нападавших. Погруженный в раздумья Наемник нанес рубящий удар, целясь в грудь противника. Тот успел отскочить в сторону, но рука Наемника продолжила полет по дуге, и острое лезвие его меча отсекло державшую ятаган кисть другому противнику. Тот с воплем упал на колени, хватаясь второй рукой за кровоточащий обрубок. Наемник, не теряя времени, прервал мучения бедолаги, ткнув его острием меча в затылок.

Первый коротышка оскалился и зарычал на Наемника, брызжа слюной себе на бороду. В очередной раз воин услышал адресованные ему проклятия на неизвестном наречии.

— Иди сюда, язычник! — решил поддержать перебранку Наемник, — подходи и отведай стали, пока кровь твоего собрата еще не остыла на моем клинке.

На лице противника отразилась еще большая ярость, будто он уловил суть угрозы. Отметая все правила фехтования, коротышка ухватился за рукоять ятагана обеими руками и ринулся на Наемника, явно собираясь протаранить его своим массивным лбом.

Наемник приготовился насадить безумца на острие своего меча. Но тут за спиной раздался ставший уже знакомым, ненавистный хохот. Проклятая птица скользнула над головой Наемника и бросилась на атаковавшего его карлика. Острые когти впились в длинные патлы противника, и тот, оторвавшись от земли, поднялся в воздух, забавно дрыгая ногами.

Наемник наблюдал, как Сокол несет свою добычу, словно пойманного кролика. Представилось, что эта жуткая тварь смогла бы проделать точно такой же трюк и с ним. И не важно, что Наемник был втрое тяжелее коротышки. Он давно уже пришел к заключению: это существо было никакой не птицей, а демоном из преисподней, посланным терзать его.

Сокол подлетел на середину болота. Коротышка яростно барахтался, пытаясь ухватить птицу за хвост. Державшие его за волосы лапы разжались, и это агрессивное бородатое создание с воплем

шлепнулось в болото. На месте его падения вздулось несколько пузырей, словно болото благодарило за столь аппетитный гостинец.

Созерцая эту демонстрацию свободного полета, Наемник отвлекся от третьего противника. Тот, воспользовавшись моментом, подбежал и схватил брошенную Наемником мушкарду. На лице болвана играла торжествующая улыбка. Держа разряженное оружие дулом к себе, он настолько осмелел, что опрометчиво откинул свой нож.

Видя, что Наемник не воспринял его как серьезную угрозу, он что-то затявкал и, имитируя ртом раскаты грома, начал неистово трясти бесполезным предметом. Наемник подавил желание подыграть бедняге и изобразить на своем лице панический ужас. В другое время, возможно, он так бы и поступил. Что есть слаще, чем позлорадствовать над бессильным врагом? Но он был слишком зол для этого, слишком устал и хотел просто побыстрее завершить это вылившееся в поединок недоразумение.

Не давая противнику возможности защититься, альмогавар метнул свой меч и, как это зачастую случалось (в отличие от огнестрельной стрельбы), угодил именно туда, куда целил. Острое лезвие глубоко вошло в горло противника, и даже рукоять исчезла в густых зарослях бороды.

Плечи противника осунулись, пальцы рук разжались, но Наемник успел подхватить мушкарду. Вытерев окровавленный меч о бороду поверженного врага, он, наконец-то смог перевести дух. Не продлившаяся и двух минут стычка изрядно вымотала его. Короткий меч был рассчитан на внезапное нападение в лесу или джунглях, но никак не для полноценного фехтования на равнине.

Оглядевшись по сторонам, Наемник убедился, что других желающих сразиться с ним поблизости не было. И на том спасибо. Раненый им атаман этой шайки куда-то укывлял. Парень, помогший Наемнику выбраться из болота, тоже словно испарился. Ненавистная птица кружила неподалеку, не выказывая Наемнику никаких знаков внимания.

Порыв холодного ветра, пробиравшего до костей, и ноющая пустота в желудке вынудили повременить с изучением местности. Наемник принялся за собирание трофеев — занятие, которым не брезговал ни один уважающий себя альмогавар.

Первым делом, он отобрал у трупов воду и съестные припасы. Несмотря на низкий рост противников, размер ноги их был не меньше чем у нормального рослого человека. Наемник стащил с безжизненного тела пару теплых сапог, которые пришли ему в пору, и без сожалений выбросил ставшие бесполезными сандалии.

А вот с шубой вышло не все так гладко. Она доставала чуть не до колен коротышки, но Наемнику едва доходила до пояса. С рукавами все обстояло еще хуже: слишком короткие и узкие. В итоге Наемник просто отрезал их мечом, превращая шубу в теплую меховую жилетку.

На первое время сойдет, но следовало бы найти местечко потеплее (если такие водятся в этом чистилище) и основательно отмыться от болотной грязи. Все это звучало как хорошая идея, но было одно «но» — он чужак в этом мире. Чтобы разобраться в происходящем и выжить, ему требовался союзник. Учитывая произошедшую потасовку, Наемник не горел желанием заводить новые знакомства, поэтому, подобрав свои скудные пожитки, направился на поиски парня, который (прямо как добрый самаритянин) вытащил его из болота.

Предводитель банды неся через пустошь, пока, вконец обесилев, не сдался и не свалился у края оврага. Жадно хватая ртом холодный воздух, он позволил себе короткую передышку. Хранитель передумал преследовать его, и это было больше чем везение — это была судьба. Судьба, позволившая ему ускользнуть от неизвестного воина с его огненной палкой.

Разбойник откупорил флягу с ромом и сделал пару глотков. Остатки вылил на рану в бок. Разорванная плоть заныла, но он подавил крик. Не дожидетесь. Развязав лямки рюкзака, начал рыться в его содержимом. Ликование захлестывало, хотелось незамедлительно отрапортовать Хозяину об успехе операции.

Из кармана шубы разбойник извлек артефакт, который ему вручил сам Хозяин. Штуковина была замысловатая с различными сложными механизмами, на вид очень хрупкая. Хозяин назвал ее таинственным словом «прибор» и сказал, чтобы разбойник связывался с ним лишь в крайнем случае.

«Связывался» было тоже из разряда таинственных слов, непонятных разбойнику. Возможно, некие магические нити связали судьбы разбойника и Хозяина. О такой чести он не мог и мечтать.

Дрожащими от возбуждения пальцами он надавил на выступ на артефакте. Раздалось знакомое потрескивание, и разбойник заговорил:

— Хозяин, дело сделано. Вы меня слышите, Хозяин?

— Доложи, — без приветствий потребовал раздавшийся из артефакта голос.

— Мне одному удалось ускользнуть. Хранителя не удалось изловить. Вы были правы — Огненный пес переманил его на свою сторону. Там был еще один воин, возможно, сильный маг. С огненной палкой.

— О чем ты толкуешь? На Нурлинь нет никаких магов, не считая старейшин капища Эмихола. Что еще за огненная палка?

Разбойник бегло поведал о произошедшем сражении и об извергающей огонь палке. Хозяин слушал внимательно, словно знал, о чем шла речь.

— А Огненный пес, он мертв?

— Скрылся, как трус! — разбойник постарался придать своему голосу важности. — Бросил свои пожитки и исчез, словно за ним погнался легион троллей.

— Где Длань?! — проревел голос, пресекая тираду разбойника.

— Длань? У меня рюкзак... Там все его вещи... Я сейчас...

Разбойник вывалил все содержимое рюкзака на землю. Лихорадочно шаря в куче хлама, он все еще не понимал причины злости Хозяина.

— Можешь не продолжать свое бессмысленное занятие. Длани там нет.

— Но как?.. Я сейчас... Она должна быть здесь...

Но разбойник уже начал и сам понимать, что где-то допустил ошибку.

— Наивный глупец! Неужели ты возомнил, что Огненный пес просто так, без боя, отдаст тебе вещь, которую поклялся защищать? Тот, кто был стражем небесных врат и оставил свой пост, чтобы завладеть этой святыней?

С поникшим взглядом разбойник выслушивал обвинения. Какой позор! Он, наивный, в предвкушении похвалы и почестей возомнил о себе невесть что, а его провел какой-то пес!

— Но зачем? — все, что смог выдавить из себя разбойник.

В связывающем голоса приборе повисла пауза. Затем Хозяин уже отрешенным голосом поинтересовался:

— Ты упоминал мое имя? Что-нибудь?

— Н-нет... вы же просили не называть вас по имени.

Где-то вблизи послышался недовольный собачий рык.

— Что это? — запаниковал разбойник, всматриваясь во тьму.

— Это за тобой. Охотник понял, что его план раскрыт и больше не видит причин, чтобы таиться.

— О-х-хотник? Огненный пес?

— Скажи, ты еще верен мне, как и прежде?

— О, да, мой господин. Вы знаете, что я на все готов, лишь бы угодить вам.

— Вот и славно. Уничтожь прибор, который я тебе дал.

— Но как же? Но тогда мы не сможем с вами... Мы же связаны!.. — в голосе разбойника звучала мольба.

Игнорируя его тираду, Хозяин продолжил:

— После того как ты уничтожишь прибор, я хочу, чтобы ты сделал еще кое-что.

— Что, мой господин?

— Я хочу, чтобы ты сохранил в тайне все наши планы, чтобы я смог продолжить свою миссию. Я хочу, чтобы ты убил себя.

Потрескивание в приборе прекратилось, хозяин прервал связь.

Разбойник швырнул прибор о землю и начал неистово его топтать. На глазах выступили слезы. Не из-за приказа, нет. Он подвел хозяина. Он не оправдал возложенные на него ожидания.

Собачий рык послышался еще ближе. Из темноты что-то выпрыгнуло и приземлилось в метре от ошарашенного разбойника.

Огненный пес предстал пред ним в том же облике юнца. Но теперь, стоя с ним лицом к лицу, разбойник понял, каким был глупцом, что не распознал серьезного противника.

Глаза Огненного пса пылали яростью. Готовые к стремительному рывку мышцы и сухожилия напряглись под одеждой. Ему даже не требовалось перевоплощаться в свой естественный облик. Разбойник понимал, что стоит этим с виду хрупким пальцам сжаться на его шее...

— Кто твой хозяин? — властно спросил юноша. — Кто приказал напасть на меня? С кем ты только что говорил?

Разбойник пошарил на поясе и обреченно простонал — меча там не было. В порыве радостного возбуждения он совершенно потерял голову и скинул ремень с ножнами. Теперь его единственное оружие валялось недостижимое рядом с выпотрошенным рюкзаком.

Нет, оружие было ему необходимо не для самообороны, этот бой он проиграл еще в тот момент, когда не разглядел в Огненном псе опасного противника. Меч ему был нужен, чтобы выполнить последнее повеление хозяина.

Юнец угрожающе наступал, разбойник пятился, пока не оказался на краю обрыва.

— Ты теряешь мое драгоценное время, гном.

Разбойник напоследок окинул своего противника свирепым взглядом и ступил в пустоту. Когда он падал вниз, холодный воздух свистел сквозь его сквозную рану в боку, и он подсвистывал в унисон, пока бездонная тьма не поглотила его.

Гайл сидел на корточках у обрыва и задумчиво изучал уничтоженный гномом прибор. Чем бы он ни был, подобного Гайлу видеть не доводилось. Вряд ли по этой груде обломков можно было определить природу и назначение данного устройства. Предмет мог бы сойти за магический артефакт, коих Гайл повидал на своем веку не одну сотню. Но стоило лишь прикоснуться к обломкам, как стало ясно: в устройстве магия отсутствовала напрочь. Если бы Гайл сам не слышал, как оттуда отчетливо раздавался таинственный голос, то никогда бы не поверил, что такое возможно.

Магические шары, гадательные чаши, заговоренные карты и другие колдовские способы общения на расстоянии были ему хорошо известны. Но с таким столкнулся впервые. Гайл решил, что при случае обратится к хорошему механику или, на худой конец, алхимику, может они просветят о природе данной вещицы.

Юноша начал собирать разбросанные вещи обратно в рюкзак. Внимание его привлек брошенный разбойником меч в ножнах. С первого взгляда на оружие было видно, что это не благородная сталь эльфов или гномов. Жалкий гоблиновский сплав второсортного металла. Вооружение других напавших на него гномов было того же качества.

Не простые это были гномы. Ни тебе секиры, ни тебе молота. Никаких кольчуг с латами, которыми обычно хвалились все уважающие себя гномы. Эти были какими-то жалкими, в грязных шубах, с неухоженными бородами, с дешевым оружием разбойников.

Как ни ломал голову над этой загадкой, на ум ничего не приходило. Уж слишком много времени он просидел в стенах замка. Кто знает, как переменялись нравы обитателей Нурлинь за это время. Но в одном он был точно уверен: это не было обычным нападением на пустой дороге. Разбойники знали, за чем пришли. И Гайл отдал бы многое, дабы узнать, кто их нанял.

В том, что они искали Длань Эмихола, не возникало никаких сомнений. Хранитель задолго до нападения предупредил Гайла об их приближении. Противник был немногочисленным, и Гайл с Хранителем без труда справились бы с ним.

Но потом у Гайла созрел план. Ему захотелось узнать, кто стоит за этими неблагородными гномами. Прекрасно понимая, что за ним следят семь пар озлобленных глаз, он незаметно достал Длань из рюкзака и примотал ее к своему боку бинтом. Со стороны выглядело, будто он перевязывает рану.

Он позволил гному завладеть рюкзаком и, воспользовавшись милостью, незаметно последовал за ним. К сожалению, ему мало что удалось узнать. Очевидно, тот, кто спланировал нападение, догадался о хитрости Гайла и приказал гному уничтожить прибор. Но то, что разбойник кинется с обрыва, унося в могилу все секреты своего хозяина, к такому повороту Гайл не был готов. Гном продемонстрировал невероятную преданность делу, которая никак не вязалась с его образом грязного разбойника.

Кто бы ни шел по следу Гайла, это, очевидно, было только началом.

Огненный пес потрогал свой перевязанный бок. Длань Эмихола немного выпирала под курткой. Там пусть она и хранится, скрытая от любопытных глаз.

Послышался взмах крыльев, и Гайлу на плечо опустился Хранитель. Лапы его крепко сжались, но, вопреки опасениям, Гайл не ощутил, что острые когти впиваются в его плоть. И на том спасибо. Хранитель явно выказывал Гайлу свою благосклонность таким образом.

— Мне не удалось ничего узнать, — заговорил он, обращаясь к Соколу, — но, очевидно, подобные засады будут довольно часто подстерегать нас на этом нелегком пути.

«Будут подстерегать тебя, — поправил его Хранитель. — Я, надеюсь, ясно уведомил о своей роли во всем этом».

— Да-да, разумеется, — с раздражением отмахнулся Гайл, — ты не будешь вмешиваться, пока не сочтешь нужным. И ничего, что я могу погибнуть, так и не выполнив своей миссии. Ничего, что этот мир гибнет. Главное, чтобы мудрейший Хранитель смог сохранить нейтралитет. Чтобы тонкая материя миров не содрогнулась, внося дисбаланс в нашу непоколебимую, стабильную Вселенную. Вот только, если ты не заметил, не все стабильно во Вселенной. Солнце гибнет. Это, как минимум, тянет на оценку «нестабильно». Ты так не находишь, о, Справедливый?

«Я понимаю твою злость. Но, надеюсь, ты тоже сможешь уразуметь мои мотивы, — заговорил Хранитель, — тем более, как и обещал, я привел тебе достойного помощника».

— Этого с палкой, извергающей молнии? Мне он показался не шибко могучим воином, когда я тянул его из болота. Надеюсь, кроме его шумной палицы, у него найдутся и другие фокусы, а то я уж лучше как-нибудь сам. На кой мне этот балласт?

«Ты напрасно недооцениваешь его, — молвил Хранитель, — он хороший воин. Есть у него изъян — любит, когда его работа щедро оплачивается. Но, думаю, тут вы уж как-нибудь договоритесь».

— Могут ли я ему доверять?

Хранитель ничего не ответил. Но его молчание было красноречивее любых слов.

— Подставляешь ты меня, Хранитель, своей помощью. Чует мое сердце, что ты и сам не знаешь, чего хочешь. Где он хоть бродит, твой великий воин? Или мне пойти поискать его остывающее тело, пронзенное ржавым мечом?

«Вопреки твоим ожиданиям, он жив. Тем самым подтвердил, что не такой уж он и беспомощный. Знал бы ты, из какого мира я его вытащил, то даже, возможно, посочувствовал бы».

— Как его хоть звать?

«Я зову его Занозой. Как-то не представилось возможности спросить его имя. Он — наемник, из гордых, но, думаю, вы с ним найдете общий язык».

За спиной послышались шаркающие шаги. Наемник стоял позади и с интересом разглядывал Гайла. В его виде не было ничего угрожающего, но Гайл хорошо помнил, как промолчал Хранитель на вопрос о доверии.

— Как тебя звать, чужеземец? — поинтересовался Гайл.

Наемник открыл рот и разразился невразумительной тирадой на непонятном Гайлу языке.

— Приехала телега в Залардан. И что прикажешь с этим делать? Мне его еще и грамоте учить? — возмутился Гайл.

«Это я смогу поправить», — ответил Хранитель.

Он спорхнул с плеча Гайла и бросился на Наемника, оцарапав тому когтями губу и щеку. От боли и неожиданности Наемник закричал, хватаясь рукой за израненное лицо. Он подобрал камень и попытался запустить им в Сокола, но, разумеется, промахнулся.

— Как по мне, не сильно он тебя любит, — обратился Гайл к Наемнику. — За что он тебя так?

Наемник потер щеку и рассеянно ответил Гайлу на всемирном наречии:

— Он меня разозлил. Я его убил.

И показал Гайлу свою грохочущую палку, словно это все объясняло.

Гайл помолчал с мгновение и затем, вспомнив про свой раненый бок, ответил:

— Я могу тебя понять, чужеземец.

Интерлюдия 3

О планете Аррет и ее подводных садах

«Путь Эмихола — полет радости, да будет благословлена тень его, падающая на миры, им порожденные. Путь врага всего живого — падение великое, да будет имя его изглажено из летописи чтущих дела Света. Да будет крыло его надломлено и да не воспарит он над мирами сеять смуту и соблазн.

Доколе не открылась темная сущность его, был он у Эмихола в непреклонном повиновении. Вместе они странствовали через космическую темень, соревнуясь в скорости с кометами. Вместе они открывали новые, неизведанные миры. Вместе наблюдали за рождением и гибелью звезд.

Полет радости, полет бесконечности. Незнающий усталости (единственный в своем роде) Однокрылый Дракон и его любящий приключения и скорость Наездник.

Скорость, недоступная ветрам. Бесконечное пространство, неведомое обитателям миров. Время, непостижимое для смертных. Все это было у них. Неудержимая страсть гнала Эмихола вдаль, и Дракон не разочаровывал своего хозяина, рассекая галактики, мчась вдаль на пределе своих возможностей. Лишь бы не посрамиться пред хозяином, лишь бы тот был доволен. Сие было предназначение Дракона, а других целей он не знал.

Иногда (хотя случалось такое крайне редко) Эмихол, утомившись от длящихся тысячелетиями путешествий, делал привал.

Жаждающий покоя и общения с разумными существами он посещал обитаемые миры. А если по близости таковых не находилось, то сам творил галактики, ткал из пустоты планеты и населял их разумными существами, которых всегда любил как детей (кои-ми они и являлись). Никогда он не повторялся, каждый раз творя непохожих на предыдущих существ. Лишь одно объединяло все его творения: они были разумны. Обучая их состраданию и нравственности, он покидал созданный им мир и никогда больше туда не возвращался. Вселенная была бесконечна, пустота была всеобъемлющей, и еще столько нужно было сотворить. И даже если бы Эмихол творил по дюжине миров за один удар сердца, все равно Вселенная осталась бы пустынной тропой, на которой он, Эмихол, практически никогда не встречал других путников.

Так продолжалось бесконечно долго, и продлилось бы еще столько же, если бы не случилось то, что случилось.

В очередной раз Эмихол спешил для отдыха. Ступая по космической тверди, словно та была обычной лужайкой, он принялся за свое привычное дело. Творя миры, он полностью погружался в процесс, с самоотдачей и страстью, неведомой ни одному скульптору. Он творил не просто искусство, он творил саму жизнь.

Увлеченный импровизацией он решил напрочь отказать себя от солнца. Пусть планета сама себя согревает. Пусть ее раскаленное добела ядро будет источником света. Но как можно ходить по такой планете? Она будет жечь пятаки своим обитателям, словно горящие уголья. Продолжая держаться пути импровизации, Эмихол решил, что обитателям планеты не придется по ней ходить. Вокруг огненного ядра он поместил слой воды. Ядро и воду он разделил похожей на стекло прослойкой, чтобы ядро не угазло, поглощенное водой, и чтобы вода не вскипела, убивая всех обитателей планеты.

Это был красивый мир, который, как магический шар, светился изнутри. Эмихол наполнил его подводными островами, на которых взрастил невиданной красоты сады. Как и каждый раз, Эмихол был восхищен своим творением. Оставив Дракона дрейфовать на орбите планеты, он погрузился в глубокие воды этого прекрасного

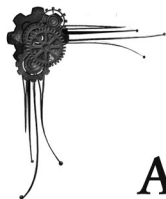
мира. Чем глубже он погружался, тем больше светило ему и ласково согревало ядро планеты. Это был уютный мир. Мир, в котором не прекращался день. Мир, в котором не опалит солнце и в котором невозможно замерзнуть. Его подводные сады никогда не увянут, так как их не нужно поливать. Миру подводных садов были не страшны ветра и стихии. Эмихол безнадежно влюбился в этот мир и нарек его Аррет. Планета Аррет, о подводных садах которой будут слагаться легенды во всех обитаемых мирах.

Обитатели планеты, арретанцы (эти величественные создания, способные дышать под водой), наполнили сердце Эмихола отцовской радостью. Их грациозные тела мирно плавали в пресных водах родной планеты. Их гладкая кожа блестела, подсвеченная ядром планеты. Никакой безобразной чешуи, никаких неуклюжих плавников. Лишь едва различимые жабры на месте надбровных дуг. Эмихол хотел, чтобы его творение вызывало трепет и восхищение, а не страх и отвращение. Они были прекрасны, они были разумны, и они были любимы.

Еще никогда Эмихол не награждал ни одно из своих творений таким вниманием и любовью. Арретанцы пленили его сердце, и он сам, еще этого не осознавая, все чаще называл мир Аррет своим домом.

А в это время на орбите планеты терпеливо ожидал Однокрылый Дракон. Ожидал, когда его хозяин вдоволь наиграется новой игрушкой и вновь отправится со своим верным Драконом в очередной полет. Их полет. Полет радости».

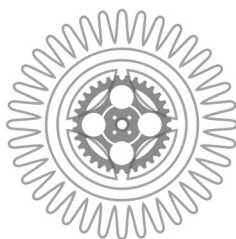
Нурлинская летопись о светлых деяниях Эмихола

ЧАСТЬ 2

АЛЪЯНС

ГЛАВА 7

в которой Наемник ссорится с Гайлом, дышит пылью лапедос-орияхос и попадает в курень⁹ отшельника Мирри

Два силуэта шли вдоль извилистого обрыва. Длинноволосый юноша с рюкзаком наперевес и облаченный в меховую жилетку воин. Бежавший старейшина ордена Эмихола и потерявшийся в чуждом мире солдат. Изредка над их головами пролетала птица. Вопреки ожиданиям воина, больше она не предпринимала никаких попыток напасть на него и даже не пыталась вывести из себя.

Остаток ночи путники провели в дороге. Не сбавляя шагу, шли через пустошь, иногда огибая торчащие из земли каменные валуны и взбираясь на пологие холмы. Ландшафт был до скучного однообразным, и Наемник надеялся, что окружающая их картина изменится с восходом солнца.

По словам юноши, представившимся Гайлом, пустошь получила свое название из-за того, что на многие мили вокруг здесь полностью отсутствовала какая-либо растительность и пригодная в

---

⁹Курень (устар.) — соломенный шалаш, временное помещение для рабочих, барак.

пищу живность. И что не стоит даже думать о том, чтобы остаться в этом гиблом месте на ночлег, а лучше без задержек преодолеть этот отрезок пути. Гайл обещал, что к рассвету они доберутся до ближайшего поселения, где смогут передохнуть, помыться и пополнить припасы.

Наемник то и дело задавал Гайлу разные вопросы об этом месте. Альмогавара нельзя было причислить к болтунам, но полное неведение об обычаях и опасностях этого мрачного мира сильно уменьшали его шансы на выживание. Чтобы дать отпор противнику и достойно постоять за себя, он должен был знать, каких еще сюрпризов стоит ожидать. Все его вопросы были немногословными, тщательно обдуманными. И Гайл старался отвечать так же: сжато, но содержательно, как говорится, по существу.

Огненному псу нравилась манера Наемника держать разговор. Он вызывал впечатление человека сдержанного и решительного, способного быстро адаптироваться в изменчивых обстоятельствах. Это было похвально, но недостаточно, чтобы юноша смог без терзаний довериться ему.

По правде говоря, Гайл не сильно-то и нуждался в компаньоне. Если бы не этот воин в ободранной гномьей шубе, то он был бы уже на полпути к Залардану. Но Гайл также понимал, что без помощи Хранителя ему не удастся одержать верх в предстоящей битве, которая была неизбежна в конце пути. Огненный пес не тешил себя иллюзиями. С этим врагом мог тягаться лишь Хранитель. А тот по своей упрямой природе вроде бы и не отказал, но и не дал четкого обещания помочь.

Гайл воспринимал всю эту историю с неизвестно откуда взявшимся Наемником как некое испытание. Однозначно, Хранитель испытывал Гайла. А может, он испытывал их обоих? Поди разберись, что там на уме у этого Слуги Эмихола.

Хоть они и провели в общении с Наемником несколько часов, Гайл словил себя на том, что так и не узнал о своем попутчике ничего нового. Даже имя его по-прежнему оставалось загадкой.

И, по правде признаться, чем-то недобрым веяло от этого человека: глубоко скрытой под кожаными доспехами то ли скорбью, то ли злостью. Наблюдая за тем, как менялось лицо Наемника (то принимая задумчиво мрачное выражение, то, напротив, искажаясь в гримасе нескрываемого негодования), Гайл сделал предположение, что воин и сам толком не знал, что, собственно, с ним творится.

Очевидным было одно: совсем недавно что-то произошло. Что-то, потрясшее и почти сломившее его дух. И вот теперь, шагая по тропе с Гайлом, вдали от дома, от всего привычного и знакомого, Наемник всеми силами старался свыкнуться с новыми открывшимися ему устоями мироздания. И если бы Гайл не был Огненным псом, стражем небесных врат, то воспринял бы его поведение как само собой разумеющееся и ни капельки не постыдное замешательство от смены обстановки. Однако от взора Гайла, хоть он и не был экспертом в человеческих сердцах, не утаились терзания и страсти, разрывающие Наемника. И это никак не было связано с его появлением на Нурлинь. Напротив, то, с какой легкостью Наемник воспринял информацию о существовании других миров, гномов и говорящих птиц, указывало, что незадолго до этого он пережил событие, потрясшее его куда больше.

Данное открытие не сильно порадовало юношу. Отправляясь в путешествие, он менее всего хотел видеть рядом с собой человека неуравновешенного, терзаемого внутренними демонами. От такого можно ожидать чего угодно.

Отвечая на вопросы Наемника, Гайл незаметно изучал своего спутника, чтобы составить представление о нем. Наблюдая за походкой Наемника и прислушиваясь к его ровному дыханию, Гайл заключил, что тот был человеком крепким и выносливым. Огненный пес тревожился, что утомленный битвой Наемник вскоре собьется с шага и будет то и дело останавливаться для передышки, замедляя их передвижение. Но здесь Наемник показал себя на высоте: придерживался заданного темпа и даже не

выказывал никаких признаков усталости. Единственным, что доставляло Наемнику явный дискомфорт, был холод. Но даже здесь воин проявил находчивость, предусмотрительно разжившись теплой одеждой.

Большой интерес у Гайла вызвало замысловатое оружие Наемника. Ничего подобного Огненному псу видеть не доводилось. Снедаемый любопытством, он то и дело сдерживал порывы броситься к Наемнику с расспросами о принципе работы данного устройства. Гайл еще не определил для себя, желает ли связывать свою судьбу с данным субъектом, а излишняя заинтересованность может быть неверно истолкована Наемником как желание сотрудничать.

Наемник тоже не упускал возможности изучить своего спутника. На вид юноше не было и двадцати. Растительность на лице отсутствовала напрочь, длинные светлые волосы были неестественно прямыми и ухоженными. Напавшие на них коротышки со своими неопрятными, запыленными бородами вписывались в колорит данного места куда лучше чем этот бледный юноша. На первый взгляд парень казался изнеженным отпрыском важного сеньора. Но Наемник убедился, что внешность бывает весьма обманчива. И оставленный след на запястье был тому прямым доказательством. Вытаскивая Наемника из болота, юноша проявил дюжую силу. С такой задачей справились бы разве что трое крепких воинов, и то им пришлось бы изрядно попотеть, учитывая, с каким нежеланием вязкая болотная слизь отпускала Наемника. Да что тут говорить, его самого едва не одолела пара бородатых коротышек. Это место просто кишмя кишело скрытыми опасностями и диковинными личностями. И исходя из услышанного от Гайла, в этом злосчастном месте подобные индивидуумы были в порядке вещей.

Наемник машинально погладил висящий на шее медальон с изображением святого Факундия. От внимательных глаз Гайла

не ускользнуло это неосознанное движение спутника. Не сдержавшись, юноша, решился спросить:

— Это у тебя защитный оберег?

— Да нет, — рассеянно пожал плечами Наемник.

Разочарованный таким ответом Гайл все же не сдавался:

— Амулет? Магический артефакт? Ладанка? Семейный талисман?

Наемник даже остановился, ошарашенный натиском юноши. Очевидно, тот ожидал получить ответ, окутанный ореолом некой таинственной магии. Наемник даже не знал, что ответить. Но все же решил не юлить и дать исчерпывающий ответ, дабы навсегда закрыть эту тему.

— Это просто серебряный медальон. В нем нет никакой магии. В месте, откуда я родом, вообще нет ничего магического. Это просто украшение с изображением святого.

Для пущей демонстрации он поднес медальон к глазам Гайла. Тот внимательно изучил рельефное изображение.

— Я понял, ты состоишь в ордене друидов и это ваш оракул. При помощи медальона ты с ним имеешь астральную связь, — заключил Гайл и понимающе, не без уважения закивал головой.

— Да нет же! — раздраженно воскликнул Наемник. — Неужели так сложно понять: это просто железка! Бесполезная вещица, так, для красоты! И ни с кем я не поддерживаю связь, она просто болтается у меня на шее, и все. С таким же успехом моя мушкарда может быть волшебным посохом!

Едва произнеся последние слова, Наемник пожалел о сказанном, так как, очевидно, еще больше запутал юношу. Для того было невообразимой ересью утверждение, что где-то есть место, в котором все вещи являются тем, чем они есть на самом деле, и не дают своему обладателю никаких потаенных магических способностей.

Какое-то время они шли молча вдоль каменной гряды. Рука Наемника вновь машинально потянулась к медальону. Гайл не выдержал и с укоризной заявил:

— Вот ты говоришь, что это просто железка, а сам то и дело гладишь ее, и губы твои беззвучно шевелятся, словно ты с кем-то ведешь беседу.

Наемник зажмурил глаза, пытаясь сдержать вновь нахлынувшее на него раздражение. Знал бы он, какого навязчивого собеседника обретет, попросил бы ненавистную птицу не давать ему способности понимать местный язык.

— Давай уясним, — повернулся он к Гайлу. — Не знаю, как у вас, но в местах, откуда я родом, есть такое понятие как тактичность. И если собеседник тебе говорит, что безделушка, висящая у него на шее, это просто железка, то ты должен принять этот ответ, как бы сильно он ни оскорблял твое бурное воображение своей простотой. Повторяю: это просто железка, в моем мире таких тьма. И святой, изображенный на медальоне, ничем не выделяется из среды ему подобных: вел коленопреклоненный образ жизни и принял бессмысленную мученическую смерть за свои заблуждения... прости, убеждения. А то, что губы мои шевелятся, так это побочный эффект, влияние моей набожной маменьки, от которого не так-то просто избавиться.

— Обилие сарказма, звучащего в твоей речи, говорит об одном: так злиться можно только на своего Создателя. Не ты один прошел через кризис веры. Но не думай, что лишь в твоём мире известно такое понятие как молитва. Я, между прочим, старейшина священного ордена. И вообще, закидал меня тут вопросами, а сам даже имени своего до сих пор не сообщил, и еще учит тут о тактичности.

Наемник ничего не ответил. Яростно сорвав медальон с груди, он потряс в небо кулаком. Оттуда незамедлительно раздалось протяжное смехоподобное карканье. Не прощаясь, альмогавар развернулся и решительно двинулся в противоположную Гайлу сторону, ставя точку в их так и не состоявшемся альянсе.

Огненный пес бросил прощальный взгляд вслед воину и равнодушно пожал плечами. Рядом приземлился Хранитель и осуждающе посмотрел на юношу.

— Эх, не успел расспросить его о грохочущей палице, — проговорил Гайл, то ли размышляя в слух, то ли обращаясь к Хранителю. — Ну да ладно, я и так с ним много времени потерял. В собачьем облике куда как быстрее передвигаться. Вот обращусь и продолжу свой путь уже с приемлемой скоростью.

«Не так быстро, — раздался голос Хранителя в голове у Гайла. — Я, кажется, весьма исчерпывающе объяснил тебе, что вы должны держаться вместе. Это мое условие. Если тебя сие не устраивает, то мы можем здесь же и распрощаться».

— А кто ему виноват, что он такой обидчивый? — попытался изобразить возмущение Гайл. — Да я его и не прогонял. И кто он вообще этот тип? Ты мне о нем ничего не сообщил. Он взбелевился из-за первого же моего вопроса. Как ты себе представляешь нас в роли компаньонов, если у нас даже банального диалога не вышло? Я сделал все, что мог, но, видать, у твоего дружка немало другие планы.

«Если я птица, это не означает, что у меня нет мозгов, — разозлился Хранитель. — За свое долгое существование я такого насмотрелся, уж поверь мне. Ты сам спровоцировал его на конфликт, чтобы таким образом избавиться от него. Ты по-прежнему воспринимаешь его как обузу, но ты заблуждаешься. Так что прекращай передо мной паясничать и догоняй своего компаньона».

Завершив свою речь, Сокол вспорхнул в черное небо, и лишь облачко пыли говорило о том, что еще мгновение назад он был здесь. Юноша озадачено присвистнул и, поправив лямки рюкзака, застыл в нерешительности прямо посреди пустоши.

Еще какое-то время Гайл обдумывал свои дальнейшие действия. По правде сказать, вариантов было не так уж много: он мог вновь обратиться псом, и за каких-то пару часов, двигаясь строго на север, оказаться у городских ворот Залардана. Да, он бы выиграл время. Именно время было одним из важнейших факторов, влияющих на исход всего предприятия. Но оно не было решающим (хоть и неумолимо быстро убегало). Хранитель в своей бесстрастной рассудительности был прав, и это злило Гайла больше всего. Неважно, как быстро он доберется до намеченной цели, без содействия Хранителя ему не стоит рассчитывать на успех.

Теперь, когда мысли прояснились, он осознал, каким был глупцом. Весь его план был самоубийственной авантюрой с сомнительным шансом на успех. И лишь с появлением Хранителя Гайл осмелился себе в этом признаться.

Огненный пес свернул на северо-запад. Запах Наемника был еще свеж, да и отчетливые следы служили неплохим ориентиром. К тому же предугадать маршрут навязываемого Хранителем попутчика было несложно. Он был чужаком в этом мире, и ему ничего не оставалось, как продвигаться дальше к единственному поселению, о котором знал. Так что Наемник продолжал начатый путь на север, к Залардану, но, не желая больше пересекаться с Гайлом, немного отклонялся к западу, увеличивая таким образом дистанцию между ними.

Постепенно перед Гайлом выросла скала с узким ущельем. Это ущелье хоть и имело устрашающий вид, служило вполне приемлемым проходом для пешего путника. Наезднику пришлось бы обогнуть скалу слева.

Гайл остановился у входа в ущелье. Наемник воздержался от этого более короткого маршрута. И это было неудивительно: он не знал этих мест, не имел представления, ожидает ли его в

конце ущелья сквозной проход или же тупик, поэтому решил не рисковать и обойти скалу.

Гайл взмолился к Эмихолу, чтобы Наемник выбрал тропу, ведущую налево. Вереница отчетливых следов указывала на то, что Эмихол в очередной раз отвлекся и не услышал мольбу своего верного слуги. Наемник двинулся направо. Гайл не сдержался, из уст его вырвалось проклятие. Благо братьев ордена поблизости не наблюдалось и некому было пожурить его за неподобающее старейшине поведение.

Гайл свернул направо и двинулся вдоль каменной стены по следам Наемника. Вскоре взгляд его упал на нанесенное на скалу изображение пятилистника. Когда-то ярко-розовая краска практически вылиняла, приобретши оттенок засохшей крови. Для каждого коренного обитателя Нурлинь этот знак служил строгим предупреждением об опасности. Но Наемник не был коренным жителем погибающей луны.

Еще до того как ступить на просторную поляну Гайл уловил специфический запах смертоносного растения. Стоит напомнить, что пустоши не изобиловали растительностью. Если не считать растущий на болотах мох и редкие окаменелые хвой, то лапедос-орияхос был едва ли не единственным представителем флоры в округе. Растение являло собой небольшой безлиственный куст, усеянный ярко-розовыми цветами. На всей Нурлинь не сыскать растения краше. Другие растения, встречающиеся на Нурлинь, были безликими, давно утратившими свое цветение. Но пятилистник лапедос-орияхос как вчера, так и третьего дня продолжал свое цветение. Самые искусные алхимики так и не смогли разгадать загадку этого чуда. Вопреки закону фотосинтеза, пятилистник так и не утратил свой чарующий оттенок. Другие растения продолжали неумолимо чахнуть от нехватки солнечного света. Но только не лапедос-орияхос.

Никто уже и не помнил, откуда появилось это дивное растение. Но жители Нурлинь очень быстро научились избегать

кустов с розовым цветением. Насколько лапедос-орияхос был прекрасен, настолько же и смертоносен. Стоило лишь прикоснуться к его чарующим лепесткам или хотя бы вдохнуть пыльцу, и быстрая смерть показалась бы вам наградой. В большинстве случаев наступал паралич с медленным, мучительным удушьем. Так что неудивительно, что этот миловидный цветок не украшал дома жителей Нурлинь. Любая жертва лапедос-орияхос пожелала бы быть укушенной ядовитой змеей.

Почему же нурлиньцы не истребили это смертоносное растение, спросите вы. Поначалу так и было, опасные кусты выкорчевывали, сжигали, опрыскивали ядами. Нурлинь объявила полномасштабную войну злосчастному растению. Немало людей погибло в этом сражении, но нурлиньцам таки удалось искоренить кусты пятилистника в пределах поселений.

Но, как это обычно случается (природа не лишена сарказма), растение лапедос-орияхос, несмотря на свою смертоносность, было чуть ли не единственным спасением нурлиньцев от усиливающейся мерзлоты и тьмы. Раз в году, под конец лета, когда цветение опадало, куст на время утрачивал свои смертоносные свойства. Жители Нурлинь обнаружили, что из куста можно производить масло, которое очень хорошо горит и, что самое главное, вырабатывает такое необходимое тепло. Запасы дров подходили к концу, а новые саженцы не принимались и быстро засыхали. Угольные шахты практически истощились. И лапедос-орияхос было единственной надеждой на выживание. Все плантации кустов находились далеко за пределами поселений, и лишь раз в году специально обученные крестьяне из гильдии вертоградарей крайне осторожно обрезали ветви кустов, из которых затем вырабатывали такое необходимое всем масло.

Но время сбора урожая уже прошло. Приближалась зима и вся поляна пестрила ярко-розовым. Гайл повязал на лицо тряпку и надел кузнечьи рукавицы из плотной кожи. Не ахти какая

защита, но не предпринять попытку оградить себя от смертоносной пылицы растения было бы высшей мерой безумия.

К счастью, Гайлу не пришлось пробираться в гущу кустов. Наемник лежал на пустыре, привалившись спиной к валуну, вдали от смертоносных растений. Подойдя поближе, Гайл увидел, как грудь воина тяжело вздымалась, челюсть отвисла и по подбородку стекала слюна. Мышцы его парализовало, и, судя по тяжелому дыханию, скоро та же участь ожидала и легкие.

Очевидно, Наемник, руководствуясь опытом или интуицией, не стал пробираться через цветущие кустарники. Однако, несмотря на предосторожность, он слишком близко подошел к плантации. Порыв ветра — и вот он уже вдохнул смертоносную пыльцу. Почувствовав недомогание, Наемник попытался как можно дальше отползти от растений, тем самым выиграв себе немного времени. Но на самом деле он просто оттянул неизбежное.

Помутневшими глазами Наемник уставился на Гайла. Из груди вырвался приглушенный стон.

— И где только Хранитель тебя откопал? — наиграно бодро сказал Гайл. — Не важно, из какого ты мира, но предупреждающие знаки нужно различать.

Наемник издал булькающий звук. Вероятно, попытался рассмеяться. Значит, он еще в сознании и не потерял связи с реальным миром. Гайл скинул с плечей рюкзак и принялся смешивать целебные травы. Образовавшуюся смесь он влил в горло Наемнику, поддерживая тому челюсть, дабы жидкость не вылилась.

— Это не лекарство. Снадобье от яда пятилистника очень сложно раздобыть. Возможно, мне удастся найти его в поселении. Смесь, которую я дал, введет тебя в кому и приостановит действие яда. Приостановит, но лишь на время.

Наемник моргнул, показывая, что все понял и у него нет возражений. Глаза его начали постепенно закатываться то ли из-за яда, то ли начало действовать снадобье. Губы исказились в подобии улыбки. Откуда Гайлу знать, что каких-то пару дней назад

Наемнику уже довелось быть парализованным от выпущенной аборигеном стрелки. Тогда ему удалось обмануть судьбу. Но не в этот раз.

За скалистыми пиками показалось ярко-оранжевое свечение. Альмогавар подумал, что это наваждение, навеянное действием яда. Огненный диск медленно вырастал над скалами. Его тусклое пульсирующее свечение вызывало резь в глазах воина, но зажмурить веки он не мог.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сделать вывод: с этим солнцем что-то не так. Словно раненое животное, оно корчилося в небе, испуская крики-протуберанцы. Его неравномерное тусклое свечение было подобием агонии и больше раздражало, чем служило источником света. В небе по-прежнему виднелись звезды и за бледно-оранжевым ореолом, окружающим огненный диск, все еще простиралась тьма, лишь слегка окрасившись в сиреневый оттенок. Эффект был словно от солнечного затмения, которое Наемник иногда наблюдал в своем мире. Но сравнение было неуместным.

Ничего более пугающего Наемнику видеть не приходилось. Это был действительно ад. Сложно представить страшнее пытку, чем жить на этой планете в непрестанном опасении, что солнце в любой момент лопнет, подобно гнойному нарыву, и изольется тебе на голову огненным дождем.

Гайл верно истолковал застывшее выражение на лице воина.

— Да, это наше гибнущее солнце. И да, оно практически не светит.

Перед тем как впасть в кому, Наемник вспомнил, как проклинал жгучее небесное светило своего мира за палящий зной и как хотел оказаться в месте, где не светит солнце. Что ж, впредь нужно быть осторожней со своими желаниями.

Хуже положения трудно было и представить. Гайл был вне себя и тихонько поскуливал от бессилия. И куда запропастился

этот всеведущий Сокол, когда он был так нужен? Какая низменная несправедливость. Он, Гайл, всеми силами пытается спасти эту гибнущую планету, а она на каждом шагу пытается противостоять ему. И это лишь начало пути, то ли еще будет.

Гайл подумал было о том, чтобы перевоплотиться в свой естественный облик и на всех парах помчаться в Залардан на поиски снадобья. Возможно, ему это удалось бы и, возможно, он даже сумел бы отыскать нужное снадобье (что было весьма сомнительным, учитывая, что урожай уже давно собран), но еще оставался обратный путь, а Гайл очень сомневался, что Наемник продержится так долго.

Поэтому юноше ничего не оставалось, как подхватить обмякшее тело воина на руки и продолжить свой путь к поселению. Какое-то время он бежал. Но вес Наемника с его поклажей в придачу к собственному рюкзаку давали о себе знать. Вскоре Гайлу пришлось перейти на быструю ходьбу. Вдобавок ко всему тропа становилась извилистой, и Гайл опасался, что, споткнувшись об очередной выступ, уронит Наемника и, чего доброго, сломает ему шею. А такой расклад вряд ли обрадует Хранителя.

Пульсирующее солнце продолжало свой неспешный подъем на горизонте. Гайл то и дело прислушивался к едва различимому биению сердца альмогавара. Миновав очередной горный кряж, Гайл с облегчением разглядел видневшуюся вдалеке городскую стену. До Залардана оставалось ходу чуть больше часа. Но что-то подсказывало Гайлу, что у Наемника нет и этого времени.

Воин зашелся кашлем, тело его начало конвульсивно подергиваться. Действие зелья, которое Гайл ему влил, заканчивалось. Бережно положив воина на землю, юноша в бессилии опустил руки. Все напрасно. Теперь, наблюдая, как жизнь постепенно покидает Наемника, Гайл не чувствовал неприязни к этому представителю человеческого рода. И если еще пару часов назад он обрадовался бы любой возможности избавиться от этого навязанного Хранителем компаньона, теперь ему было даже стыдно

за подобные мысли. Но самым сильным чувством, которое переполняло юношу в этот момент, была злость. И вся эта злость была направлена на Хранителя...

— Ты ня застуди сваго друга, мил-человече. Начто в землю сырую поклал яго? Аль не видишь, как он кашлем изошел? Абы чего не отморозил.

Гайл медленно огляделся в поисках источника скрипучего голоса. В нескольких шагах от него стояла старческая сутулая фигура, облаченная во вретиче. Порыв ветра пошевелил накиннутый на голову незнакомца капюшон, и на мгновение Гайлу открылось изъеденное язвами лицо. Видя, как Гайл пытается побороть отвращение, рот незнакомца расплылся в ехидной улыбке, обнажая нестройный ряд гнилых зубов. Это был не кто иной, как лепарь¹⁰.

Многие переселенцы, обосновавшиеся на Нурлинь, нередко привозили с собой и смертельные болезни. Хвала Эмихолу, лепра не сильно распространилась по Нурлинь, но хлопот принесла немало. Те, кому не посчастливилось заразиться сим недугом, становились изгоями, без какой-либо надежды на то, чтобы вновь стать полноценными членами общества. Коварная болезнь постепенно съедала плоть несчастных, убивая их нервные окончания и делая нечувствительными к боли. Никто бы не позавидовал такой участи. Бедолаг выпроваживали за пределы города, где им и оставалось доживать свои последние дни в мучительной агонии и одиночестве.

Как видите, плюсов от такого существования было не больше нуля. Но все же было одно преимущество, которым лепра наделяла своих жертв: они были полностью невосприимчивы к яду лапедос-орияхос. И зачастую лепарей назначали смотрителями плантаций пятилистника. Должность не то чтобы сильно необходимая, вернее, совершенно бесполезная. Посудите сами:

---

¹⁰Лепра (устар.) — проказа, хроническое инфекционное заболевание, протекающее с преимущественным поражением кожи и периферической нервной системы.

нужно ли охранять растения, к которым ни одно разумное создание не подойдет и на лигу? Но нужно было хоть чем-то занять бедолагу, чтобы те не ощущали себя иждивенцами, проедающими дармовой хлеб, который им иногда добрылюди выносили за ворота города.

Судя по повязке на рукаве, на которой пестрело изображение пятилистника, Гайлу посчастливилось встретиться с одним из таких зрителей.

— Помрет твой товарищ, ежели снадобья не сварить. Пыльца коварная не отпустит и доконает яго. Того и гляди уже и пена на губах проступит, и коль случится энное, то пиши пропало, даже снадобье чуда не сотворит.

Гайл не без подозрения (но и с надеждой) посмотрел на подошедшего вплотную лепаря. Лица он толком не разглядел, а по голосу трудно было определить, старик перед ним или старуха.

— Если помочь ты в силах — то не тяни, если же позлорадствовать пришел — то иди той дорогой, откуда пришел, — ответил Гайл, пытаясь подражать манере речи лепаря.

— Отчего ж не помочь добрым людям, — охотно согласился тот. — Курень моя тута, за двумя холмами. Мигом дойдем. И ингредиенты усе имеются.

Гайл не успел сообразить, что происходит, как лепарь склонился над Наемником и ржавым гвоздем сделал надрез у того на запястье. Брызнула струя ярко-алой крови. Гайл подавил рефлексорное желание сломать шею старику (старухе). Вот уже во второй раз этот лепарь застал его врасплох. То подкрался незамеченным (что было непростительно Огненному псу), то проявил неподдающуюся пониманию скорость и резвость.

— Яд кровь испортил, так что пушай себе льется, так у твоего друга будет времени немного больше.

— Если он не умрет от потери крови, — подметил Гайл, но приоткрывшись, убедился, что кровь Наемника была уже не аллой, а приобрела характерный розовый оттенок. Такая себе своеобразная метка, которой лапедос-ореахос запечатлевает свои жертвы.

Не произнеся больше ни слова, лепарь развернулся и направился в сторону холма. Восприняв это как приглашение, Гайл подхватил Наемника и последовал за стариком (старухой).

Идти пришлось действительно недолго. Курень лепаря представляла собой покосившуюся от ветра избу без окон, сооруженную из прутьев и прислонившуюся одним боком к скале. Именно благодаря оказавшейся в нужном месте скале данное сооружение до сих пор не повалилось. Подойдя ближе, Гайл внимательней оглядел странное жилище лепаря. То, что он принял за ветки, было сухими кустами того самого лапедос-орияхос. Неудивительно, других растений в округе не наблюдалось.

Лепарь скрылся в дверном проеме, и Гайл, наклонившись, с усилием протиснулся в погруженное во мрак помещение. Спустя мгновение одна за другой зажглись лампы.

— Мирри звать меня, — представился лепарь, что ни капли не помогло Гайлу решить дилемму: так кто же перед ним, в конце-то концов, старик или старуха?

— Я Элмурд, а это мой старший брат, — предусмотрительно соврал Гайл. — Назови свою плату, любезн... ммнн... Мирри, и спаси, в конце-то концов, моего брата.

— Цена есть всякой вещи, а услуга стоит услуги, — загадочно ответил лепарь. — Но не будем тратить время понапрасну. Ты, я погляжу, путник не из бедных, о цене после договоримся. А пока не мешай.

Гайл уложил тело Наемника на тюфяк, а Мирри тем временем начал копаться в склянках и доставать различные мешочки с порошками. Взяв в руки сосуд, в котором плавали лепестки лапедос-орияхос, он поглядел на Гайла и сказал равнодушным голосом:

— Если не желаешь вдохнуть пыльцу энную, дабы и тебе мне зелья не пришлось изготовить, шел бы ты на двор погулять. А за брата своего не бойсь, в надежных он руках.

Гайл не без опасения выполнил просьбу лепаря. То, что он повстречал этого человека посреди пустоши, было настоящим

чудом. А Гайл был хорошо научен — за любым чудом незамедлительно последует цена, которую придется уплатить. Что-то недоброе было в этом старике (старухе), отталкивающее, и дело было даже не в его болезни. Гайл вышел во двор и устало поглядел на паривший в небе медный диск солнца.

«Продержись еще немного», — взмолился он, обращаясь к небесному светилу. Возможно, это было лишь его воображение, но Гайлу показалось, что в ответ ему раздался протяжный, переполненный страданий стон.

ГЛАВА 8

в которой старейшины затевают уборку, Хранитель приносит гостинец, а отшельник Мирри заваривает чай

Атмосфера, царившая в капище Эмихола, была гнетущей. Некогда величественное сооружение сейчас больше напоминало пристанище для душевнобольных, всеми позабытых старичков. Тоуф предложил продолжать совершение обрядов. Вполне ожидаемый вопрос братьев: что может заменить пропавший объект служения, не застал горбуна врасплох. Он тут же поделился своей новой блестящей идеей — соорудить муляж Длани (на некоторое время, разумеется, пока оригинал не вернулся на свое место). Но рационалисты Нервин и Фарлок отмахнулись от предложения товарища.

Бездействие просто сводило их с ума. Не то чтобы они были слишком трудолюбивыми (зачастую неделями могли не вылезать из уютных покоев, ожидая своей очереди служить мессу), но в сложившейся ситуации им хотелось хоть чем-нибудь занять головы, чтобы не думать о произошедшем событии.

Оранжевые отблески в окнах сообщили, что захворавшее солнце начало свое очередное восхождение. Скучный завтрак быстро подошел к концу, и между братьями повис невысказанный вопрос: и что теперь?

На этот раз генератором идей выступил Нервин. Он предложил навести порядок в святилище. Братья, обдумав его предложение, все же (хоть и без особого энтузиазма) согласились. А что, собственно, им оставалось делать? Уборка — так уборка. Чем плохое занятие? Тем более что в святилище царил полный кавардак: горы накопленных реликвий и артефактов. А в последний раз там наводили чистоту году в... впрочем, это не суть важно. Тем паче старейшины (даже если бы очень напрягли память) вряд ли припомнили бы, что вообще хоть раз наводили там порядок.

Во всем замке уборкой занимались крестьяне (делая это весьма редко, и то из чистого сострадания к рассеянными старикам). Те же крестьяне из ближайшего поселка доставляли в замок провизию. Если бы не они, то многочисленные коридоры и проходы давно бы уже обросли плотным саваном паутины. Разумеется, в само святилище вход простолюдином был заказан. А так как гостей во святилище старейшины не зазывали, то и наводить красоту было не к чему.

Уборка — дело утомительное и выматывающее (и сие утверждение не является тавтологией, будет вам с пару сотен лет, и вы наловчитесь чувствовать разницу). Но в сложившейся ситуации это было как раз то, что нужно. Больше дел для рук — меньше мыслей для головы. Хотя и тут было не все так гладко, как казалось на первый взгляд. Не то чтобы старейшины никогда не видели, как пользуются метлой или тряпкой, просто по статусу как-то негоже было обременять себя подобным суетным занятием. Да и где сии таинственные предметы хранятся, никто из них не ведал. Поэтому пыль благоразумно решили оставить там, где она была, и занялись запоздалой инвентаризацией. Фарлок взял на себя левую половину святилища, а Нервин — правую.

Тоуф извлек откуда-то дырявый мешок и принялся собирать в него разбросанные по полу огарки свечей, коих за прошедшие годы накопилось приличное множество. Они то и дело вываливались сквозь дыры в прохудившемся мешке, и Тоуф, ворча, запихивал их обратно. Как всегда некстати, больная спина вновь дала о себе знать, и он, охая и ахая, присел на обломки сундука.

— Все бы тебе прохладиться, — укоризненно бросил ему Нервин, неся охапку хлама в неизвестном даже ему направлении. — Разве ты забыл, что именно из-за этого злосчастного сундука и начались все наши проблемы? Не возжелай ты на него присесть, пренебрегши своим долгом, — ничего этого не было бы.

Тоуф стал еще более жалким. Он покивал головой, полностью принимая обвинения и даже не пытаясь оправдываться. Из его глаз брызнули слезы, и по святилищу разнесся удушающий, жалостливый вой, усиленный высоким сводом.

— Не стоит так, брат Нервин, — вступился за горбуна Фарлок. — В этой истории нас всех обвели вокруг пальца. На его месте мог оказаться любой. Но именно Тоуфу не повезло в этот злосчастный день служить мессу. Давайте же не будем злопамятными. Кто старое помянет...

Работа продолжалась. Существенных изменений в святилище не происходило: Нервин переносил вещи со своей половины на половину Фарлока, складывая их там в лишь ему понятной очередности. Фарлок же переносил артефакты на освобожденное Нервином место, сооружая там некое подобие Ефильской башни. По сути, лишь один Тоуф был занят чем-то отдаленно смахивающим на уборку. Когда свечи были собраны в мешок, а прилипший к полу воск кое-как соскоблен, Тоуф оценивающе посмотрел на разломанный сундук. Пожав плечами, он подтащил заполненный на треть мешок и принялся собирать в него обломки сундука. Туда же последовало вывалившееся из сундука тряпье. К огорчению Тоуфа мешок оказался недостаточно вместительным. И обычно не отличавшийся упорством горбун,

принял это как личный вызов. Всем своим весом он навалился на мешок, желая утрамбовать его содержимое.

Братья бросили свои занятия и с интересом наблюдали за потугами горбуна. Как гласит древняя мудрость, можно вечно смотреть на огонь, бегущий ручей и на то, как кто-то (именно кто-то, а не ты) корчит из себя идиота.

Раздался резкий хлопок — и мешок, вмиг опустев, стал плоским. Все замерли в недоумении: Фарлок и Нервин с открытыми ртами, а Тоуф распластавшись на старой мешковине.

— К-к-куда в-в-все делось? — простонал Тоуф.

— Где ты взял этот мешок? — поинтересовался у него Фарлок. Тоуф указал пальцем куда-то себе за спину.

— А что у нас там? — спросил Фарлок Нервина.

— Что-что, — раздраженно заворчал гном, — то же, что и везде: горы неизвестных, не изученных, не внесенных в каталог, не зарегистрированных и незаконных, смертоносных магических артефактов, вот что.

Помещение наполнил нарастающий гул. Горы хлама зашатались, грозя завалиться. Опустевший под Тоуфом мешок дрожал, испуская снопы искр.

— Ложись! — выкрикнул Нервин, прячась за грудой вещей. Фарлок последовал его примеру и благоразумно притаился за алтарем. Тоуфу же ничего не оставалось, как просто зажмурить глаза (по необъяснимой причине так поступают практически все мыслящие существа в момент опасности, словно опасность не отыщет их в темноте).

Раздался оглушительный взрыв. Оживший мешок изверг все свое содержимое, подобно пушке, разродившейся сразу сотней артиллерийских снарядов. Во все стороны полетели ошметки одежды, обугленные щепки и брызги расплавленного воска.

Когда пыль осела, Фарлок и Нервин, все еще надрывно кашляя, выбрались из своих укрытий. Представшая их взору картина вызвала неподдельный ужас. Если до этого святилище

кричало о том, что ему требуется уборка, то теперь хаос, что здесь творился, было просто невозможно описать. Пол был полностью усеян вещами, которые опасно свистели, мерцали и угрожающе потрескивали. Наверняка взрыв активизировал львиную долю спящих артефактов, превратив святилище в подобие минного поля (аналогия неуместная в контексте старейшин, никогда не слышавших о порохе, но пусть это будет нашим небольшим секретом). По стенам стекал воск. Зрелище не для слабонервных. Впрочем примерно так же выглядит любое другое помещение, после того как за его уборку отчаянно берутся представители мужского пола.

— А где наш сердечный брат Тоуф? — поинтересовался Фарлок, выковыривая пыль из ушей.

Нервин оглядел помещение и неопределенно пожал плечами. Никто из них не решался сделать и шагу, опасаясь потревожить разбуженные артефакты. Хотя, если признаться, произошедшее было им даже на руку. Многие годы они сваливали в одну кучу весь хлам, который вызывал хоть малейшее подозрение на наличие магии. Теперь же смело можно было сгрести и выбросить за ненадобностью большинство вещей, которые оказались вполне себе безопасным мусором. Вопрос оставался лишь один: что делать с опасными предметами?

— Может, брата Тоуфа выбросило в окно? — предположил Фарлок.

Нервин скептически покачал головой.

— Нет, сильно узкие. Он бы не протиснулся. Разве что по частям.

Фарлок скривился в гримасе отвращения.

— Как ты можешь, брат Нервин. Даже мне, в прошлом хладнокровному некроманту, омерзительно и предположить такое.

Тут их разговор прервал какой-то посторонний звук. По мере приближения стало понятно, что это был шум крыльев. Вскоре в оконный проем, держа в лапах какую-то ношу, ворвался

Смеющийся Сокол и завис перед потерявшими дар речи старейшинами.

«Добрый день», — раздался голос Хранителя. Когти его разжались, и на пол упал загадочный предмет. Фарлок с Нервином невольно придвинулись, чтобы лучше рассмотреть, что принес Хранитель. Это была отрубленная кисть. Нервин закричал от ужаса, закрывая ладонями лицо.

В отличие от гнома, Фарлоку удалось проявить сдержанность. Изучив лежащую на полу отрубленную конечность, он поспешил успокоить безбородого гнома:

— Это отнюдь не рука нашего почтенного брата Тоуфа. Если ты, брат Нервин, прекратишь закрывать свое лицо, словно девица, в покои к которой пробралась маленькая мышка, то сможешь убедиться, что сия конечность, в отличие от руки нашего брата, — пятипалая. Да и цвет кожи больше смахивает на человеческий... Но вот пальцы какие-то короткие и приплюснутые. Да и неопрятные ногти наводят на мысль, что обладатель сей конечности, кем бы он ни был, тот еще любитель покопаться в земле.

Нервин расплющил веки и на лице его уже читался не испуг, а любопытство. От нахлынувшего приступа истерии и след простыл. Какое-то время с важным видом он изучал анатомический предмет и затем невозмутимым голосом, словно ничего не случилось, заговорил:

— Ты прав, брат Фарлок. Сие есть не гоблиновская рука. Освещение во святилище больно уж скудное, и я сразу не заметил. Но и не человеческая она. Внимательности тебе недостает и жизненного опыта. Это не что иное, как гномья рука. Кому, как ни мне, это знать. А то, что ногти грязные и неопрятные, так посмотрел бы я на тебя после проведенной смены в глубокой шахте. Там, знаешь ли, не до маникюра.

— А разве на Нурлинь есть гномьи шахты? — поинтересовался удивленный Фарлок.

— Откуда ж им тут взяться? Не почва, а чистый металл, попробуй такую вдолби, только технику в хлам убьешь. Да и нужно ли уважающим себя гномам на этом рассаднике порока ремеслом благородным заниматься?

— Ну а как же...

— Да что я! — перебил некроманта разгорячившийся гном. — Я не для личного прибытка тут проживаю свой век. Но самоотреченный избрал путь сподвижника истины и дела света...

— Я не о тебе хотел говорить, о, мой благороднейший безбродный брат. Взять хотя бы, к примеру, того же Борумбдара: он гном, а у него харчевня в Залардане.

— Так то ж харчевня, — отмахнулся от него Нервин. — Борумбдар — лишь типичный ассимилировавшийся на нашей дружелюбной луне корыстный предприниматель. А я тебе о благородном ремесле толкую. Землекопы, народ хоть и гордый, но знающий себе цену. И никогда они не пойдут на неоправданные затраты, если же не...

Воодушевленную речь гнома прервал раздражительный крик Хранителя. Позабывшие о присутствии Сокола старейшины подпрыгнули от неожиданности.

«Простите, что я так бестактно прерываю вашу милую беседу. Но не могли бы вы, будьте так любезны, посвятить мне толику вашего бесценного времени?»

Напускная вежливость Хранителя ввергла старейшин в больший страх, чем если бы тот начал в открытую им угрожать. Удовлетворенный произведенным эффектом Хранитель продолжил: «Эти гномы напали на меня. Очень трудно поверить в то, что агрессивно настроенная шайка разбойников оказалась в непосредственной от меня близости по простому стечению обстоятельств».

— Банда разбойников, состоящая из гномов?! — возмутился Нервин. — Какие глупости!

«Если ты будешь и дальше меня перебивать, то вместе с бородой лишишься и головы!» — вспылил Хранитель.

Нервин испуганно втянул шею и замолк. Сокол спланировал на алтарь и принялся расхаживать по его деревянной поверхности. «Банда разбойников, состоящая из гномов, напала на меня и Огненного пса, — повторил Хранитель. — Кто-то их предупредил обо мне. И мне не терпится узнать, у кого же это такой длинный язык».

— Но почему вы решили, что они охотились на вас, о, справедливейший слуга Эмихола? — учтиво поинтересовался Фарлок.

«Потому что у них были сети!»

Хоть для общения Хранитель и не нуждался в использовании голосовых связок. Но Фарлок едва устоял на ногах от прозвучавшего в его голове голоса Сокола.

«Кто-то явно не желает, чтобы Огненный пес продолжил свой путь. Кто-то жаждет гибели этого мира. Вы собирались натравить меня на брата Мардагайла. Но за время, проведенное в вашем общении, у меня исчезли все сомнения, что не с большого ума вы это совершили. Хвала Эмихолу, Огненный пес сумел убедить меня в искренности своих намерений. Он единственный, кто сохранил здравый смысл в этом вывернутом мире».

— Значит, брат Мардагайл жив, — одними губами проговорил Фарлок, и в голосе его послышалось облегчение.

«Жив, — подтвердил Хранитель. — Но если вы не поделитесь со мной тем, что знаете, то даже я не смогу гарантировать его безопасность. Кому вы рассказали обо мне?»

— Городская стража была здесь вчера после заката, — начал Нервин, загибая пальцы. — Затем приходила Хельда, забрала пустые кувшины от масла лапедос-орияхос. Крестьяне Кордор и Родмас привезли на телеге свежие овощи. Торговцы из гильдии вертоградарей предлагали нам новый сорт масла из пятилистника за полцены (их мы, разумеется, выпроводили, так как посчитали верхом наглости предлагать нам за деньги то, что мы привыкли получать даром). А больше никого не припомню.

— На удивление многолюдным выдался вечер, о, справедливейший, — подытожил Фарлок.

— Имеем мы подозрение, что причиной такого усиленного интереса к нашей скромной обители стал вой сработавшего защитного заклинания, который разнесся далеко по округе и поставил всех на уши. А народ у нас любопытный, не избалован важными событиями. Вот и нахлынули поглядеть, что у нас тут стряслось, — посчитал своим долгом объясниться Нервин.

«И, разумеется, всем им вы не поленились упомянуть, что высвободили Хранителя?»

По тому, как гном и некромант переглянулись, Хранитель сделал вывод, что весть о его появлении в этом мире наверняка уже достигла самых дальних уголков злосчастной луны.

«С трудом верится, что крестьянка Хельда является тем самым таинственным злоумышленником, коварно измыслившим сей хитростей заговор, — съязвил Хранитель. — Разве что вы имели радость наблюдать за ней, практикующей черную магию, в чем я глубоко сомневаюсь».

— Черная магия? — удивился Фарлок. — О чем это вы? Одно дело гномы-разбойники (та еще диковинка), но причем здесь черная магия?

Хранитель молча указал клювом на валявшуюся на полу руку (ту самую, которую во время схватки у болота Наемник отрубил гному). На этот раз от неожиданности взвизгнул Фарлок. Отрубленная кисть, словно некий зловещий паук, начала извиваться. Короткие пальцы сжимались и разжимались. Густая темная жидкость, ни капли не походившая на кровь, пузырилась из обрубка.

«Как вы сами можете наблюдать, это были не просто гномы. Буду рад услышать ваши предположения. Даже более, я убедительно на этом настаиваю».

— Ожившие мертвецы? Ходячие зомби-убийцы? — предположил Нервин. — Кто-то надругался над телами усопших гномов.

«Не думаю, что тут все так просто, — возразил Хранитель. — Для ходячих трупов они выглядели шибко бодренькими. И, невзирая на их дикость и нелепый вид, они все же проявили некое наличие интеллекта. Или вам доводилось видеть зомби, фехтующих ятаганами и умело управляющихся с силками?»

— Тогда, возможно, големы? — выдвинул иную догадку Нервин.

Фарлок где-то раздобыл длинный шест и осторожно ткнул в извивающуюся на полу конечность.

— Однозначно, это не могут быть големы, — заключил он. — Големы не имеют живой плоти. Их создают из глины или других геологических структур, и отрубленная конечность, первым делом, превратилась бы в то, из чего был создан голем.

— Тогда кто же это такие? — поинтересовался у него Нервин, явно не довольный, что ни одна из его догадок не оказалась верной.

— У меня есть предположение по этому поводу, — задумчиво ответил Фарлок. — Эти существа наделены живой плотью. На ощупь она довольно мягкая, такое существо вполне жизнеспособно. Но я берусь предположить, что они таки были созданы искусственно. Кто-то, явно не обделенный фантазией, наделил их гномьей внешностью, но это и не гномы. Не совсем гномы, хотя частично ими и являются.

— Не томи, брат Фарлок. Выкладывай все, что надумал. Кто же это такие?

— А вы разве еще не догадались, мой безбородый друг? Кем они еще могут быть, как не гомункулами¹¹? Вырастить полноценного гомункула очень сложно, да и описание сего темного ремесла давно утеряно. Но чтобы наделить его разумом, да еще и придать характерные черты... В одном ты был прав, брат Нервин, кто-то осквернил захоронение упокоенных гномов, чтобы предать гомункулам их черты. Эти ожившие куклы из

---

¹¹ Гомункул, гомункулус (лат. «человечек») — в представлении средневековых алхимиков, существо, подобное человеку, которое можно получить искусственным путем.

плоти наверняка и сами не подозревают, кем являются. У них, возможно, даже отчасти сохранились воспоминания из прошлой жизни.

— Но кому это нужно и зачем? — возмутился Нервин, теребя в руках свою широкополую шляпу.

«Меня больше интересует ответ на вопрос „кому“, — вмешался Хранитель. — Кто может обладать такими знаниями?»

Старцы на время задумались. Хранитель косился на них правым глазом, нетерпеливо постукивая когтями об алтарь.

— Алхимики, — первым подал голос Нервин, — однозначно. Они одни из первых, кто был уличен в попытке одушевления искусственно созданных существ. Но на Нурлинь такая практика строго пресекается. Как, впрочем, и любые иные нетрадиционные и опасные науки, в том числе колдовство, магия и ворожба.

«И это все? — поинтересовался Хранитель. — Больше никаких предположений не будет?»

— Есть еще один вариант, — замялся Фарлок, и Хранитель впился в него своим устрашающим глазом.

— Известно, что и чернокнижники предпринимали подобные попытки. Ходили слухи, что некоторые эксперименты имели успешный результат.

«И ты, разумеется, знаешь об этом всего лишь понаслышке?» — поинтересовался Хранитель, продолжая немигающим глазом изучать Фарлока.

— Никак нет, о, справедливейший. Ваш покорный слуга имел в прошлом непосредственное отношение к ордену некромантов, называющих себя Сыновьями Аэндора, но, искренне раскаявшись, уже много лет как оставил сие черное ремесло.

«И где вас только находят? Слуги Эмихола, называется. Сплошное шоу уродцев, а не орден великой святыни!»

— Брат Фарлок заслужил доверие, продемонстрировав полное посвящение и самоотдачу в нашем нелегком служении, — заступился за брата гном.

«Чтобы заслужить мое доверие и расположение, вам нужно будет нечто большее. Я к вам еще заскочу. А пока не имею ни малейшего представления как, но раздобудьте мне имена всех алхимиков и некромантов, обитающих на этой луне. Всех, кто хоть однажды был уличен в чем-то подобном. Сидите тихо и никуда не высовывайтесь. А главное — никому ни слова о нашем разговоре».

Хранитель собрался было вылететь в окно, но тут набравшийся смелости Нервин обратился к нему с просьбой:

— Перед тем как покинуть нас, не могли бы вы отключить все эти гудящие артефакты? Дабы не убили они нас ненароком, тем самым помешав выполнить ваше архиважное поручение, ооо... эээ... справедливейший.

Хранитель раздраженно каркнул, и во мгновение ока разбросанные по полу предметы прекратили светиться и издавать устрашающие звуки. После чего, в своей привычной манере, не прощаясь, выпорхнул в окно.

Фарлок и Нервин молча провожали его взглядом, пока внимание не привлек шум и ворчание за их спинами. Из завалахлама выбрался Тоуф, вид его был жалок: ветхая мантия обуглилась, на голове медная лампада в форме пятилистника. Впрочем, горбун выглядел целым и невредимым. На радость братьев все его конечности были на месте.

— О-к-к-казывается, это был не п-п-простой мешок! — поделился он своими запоздалыми наблюдениями. — Ч-ч-чуть шею себе не свернул. А вот спина ч-ч-чувствует себя п-п-превосходно.

И действительно, даже осанка вечно сутулого гоблина стала чуть поровнее, словно от удара о пол горб его почти излечился. Горбун присвистнул, обозревая творившийся в помещении бардак. Заметив потерянные лица братьев, с опаской поинтересовался:

— Я с-с-снова ч-ч-что-то пропустил, не так ли?

Мирри готовил зелье, весело напевая старинную балладу себе под изъеденный язвами нос. Настроение у него явно было приподнятое. Не часто гости навещали его скромную обитель. Возможность пообщаться с разумным существом была для него роскошью. Но не только из благородных побуждений вызвался он помочь этим странным путникам (хотя, по правде сказать, благородством тут и не пахло). Юноша верно определил, что за данную услугу придется заплатить цену. А желание нажиться на чем-либо было главной чертой характера Мирри. И словно в подтверждение этому, он порылся в карманах Наемника. Улов был не шибко велик: пару серебряных монет гоблиновской чеканки, большая редкость на Нурлинь, но не то чтобы очень ценная. Какие-то сухари и куски вяленого мяса. У Мирри были большие подозрения, что все эти вещи, как и нелепая шуба с обрезанными рукавами, совсем недавно принадлежали кому-то другому. Мирри извлек из ножен короткий меч Наемника. Так и есть, заточенное лезвие было обогрено кровью, которую не потрудились полностью смыть. Лизнув лезвие шершавым языком, Мирри удивленно поднял брови. Гномы, и не простые. В крови ощущалась примесь черной магии.

Лепарь уже не сильно радовался, что повстречал этих путников. Нужно будет стянуть с них плату посерьезнее. Завершив работу над зельем, он даже придумал, как это осуществить. Он даст больному лишь немного снадобья — достаточно для того, чтобы тот не умер, — и потребует от его младшего братца за дополнительные издержки, вызванные длительным уходом за больным.

Мирри уже было собрался влить несколько капель зелья в рот Наемнику, но тут послышалось какое-то жужжание в дальнем углу. Старик направился туда и принялся разгребать сваленный в кучу хлам. Наконец он отыскал тот предмет, который издавал жужжание. Лоб его покрыла испарина. Мирри нажал небольшой выступ на крышке артефакта и заговорил сбивающимся голосом.

— Д-д-да, мой Г-г-господин?

— У меня к тебе важное поручение, — как обычно, без приветствия заговорил Хозяин, — и мне нужно, чтобы ты, Мэри, выполнила его безукоризненно.

— Я Мирри, Мэри — моя жена, она скончалась лет пятнадцать как... — лепарь замолк на полуслове, понимая, что только что имел наглость поправить самого Хозяина.

Тот, к облегчению лепаря, не обратив внимания на данную непозволительную наглость, продолжил.

— Два путника и птица, будут пытаться добраться до Залардана. Они украли вещь, принадлежащую мне. Я хочу, чтобы ты перехватил их...

— Они здесь! — лепарь вновь прикусил язык, коря себя за неумение сдерживаться, но слов не воротишь, и, стараясь подтвердить свою полезность, он продолжил:

— Птицу не довелось мне видеть, но юнец и воин пришли ко мне. Воин умирает от яда лапедоса, а юнец ожидает снаружи. Что сделать мне прикажешь ты, о, Господин?

— Убей! — в обычно безучастном голосе Хозяина слышалось ликование. — Но будь начеку, юнец не тот, за кого себя выдает. Он не кто иной, как Огненный пес.

Лепарь сглотнул подступивший к горлу комок. Огненный пес — это вам не какой-то там разбойник или маг среднего звена. Единственным Огненным псом, о котором он знал, был сам старейшина Мардагайл. Неужто это он лично посетил жалкую курень отшельника Мирри? Вопрос, что такого мог украсть этот тип, отпал сам собой. Что еще ценного мог похитить старейшина из капища Эмихола, как не саму Длань?

— Сделай все аккуратно, — продолжал наставлять Хозяин, — затем сообщишь мне о результате.

В артефакте повисла тишина. И это добавило Мирри уверенности. Он знал, как действовать дальше. Кто он такой, чтобы тягаться с Огненным псом? Но даже на них найдется нужное

зелье. А в отношении последнего Мирри был редким умельцем. Быстро вскипятив воду, он спешно бросил в чашу душистые травы и добавил кое-что свое, в качестве сюрприза. Убить сей отвар не убьет, но с ног свалит даже Огненного пса.

Предварительно засунув ржавый нож за подол вретипа, неся две дымящиеся чаши, старик направился к выходу, где его ожидал ни о чем не подозревавший Гайл. Но перед тем как выйти, Мирри в последний раз взглянул на Наемника и, сбросив со стола приготовленное снадобье-противоядие, презрительно подтолкнул сосуд к умирающему.

— Как и обещал, все исполнил, — мерзко улыбаясь, произнес лепарь, — вот тебе твоё зелье.

И, потеряв всякий интерес к Наемнику, он вышел из хижины, весело напевая себе под нос.

Лежащий на тюфяке Наемник остекленевшими глазами смотрел в пустоту. У самого его лица разливалась жидкость, вытекающая из брошенного лепарем сосуда.

ГЛАВА 9

*в которой Гайл не готов умереть,
а Наемник говорит свое имя*

Гайл сидел на корточках с отрешенным видом и безуспешно пытался прожевать шмат сушеной конины, который отыскал в своем рюкзаке. Кусок не шел в горло, да и голода юноша не ощущал. Покорившись судьбе, он терпеливо ожидал. А вот чего собственно он ожидал, было загадкой даже для него. Да, разумеется, он искренне желал выздоровления Наемнику. Но что потом? Как действовать дальше?

За спиной послышался сбивчивый напев. Лепарь вышел из своей курени и направился к Гайлу с дружелюбной (насколько это было возможно, учитывая его обезображенное язвами лицо) улыбкой. В руках он держал две чаши, из которых мерно струился пар. Гайл ощутил приятный аромат напитка, от которого веяло уютом.

Мирри присел рядом с Гайлом и добродушно заговорил успокаивающим голосом:

— Выкарабкается твой брат. Если б я тебя чуть позже заметил, то не жилец он был бы ныне. Но, хвала предкам,

заселившимся в незапамятные времена на нашей кормилице Нурлинь, миновала смерть его. Зелье мое — отменное, быстро его на ноги поставит. Пушай бегать не будет, как прежде, но оно и к лучшему, нечего честным людям возле кустов смертоносных околачиваться, пыль ядовитую глотать. Уроком ему будет сие.

Гайл с облегчением вздохнул. Значит, не напрасно все. Жизнь Наемника, невзирая ни на что, ему таки удалось спасти. И еще одна загадка была решена: лепарь впервые в разговоре дал Гайлу понять, что он все же именно старик, а не старуха. По необъяснимой причине это известие практически полностью успокоило Гайла. Этот лепарь, хоть и был обезображен болезнью, но, очевидно, был человеком сердечным. Даже о плате не заговорил.

А лепарь тем временем продолжал:

— Это, говорю, хорошо, что меня повстречали вы. Если б в город пошли, то не было бы вам помощи там. Риск неоправданный — хранить в многолюдном месте лепестки смертоносные. Разве что во время урожая варят знахари снадобье из корней пятилистника, но продукт сей малоэффективен, да и портится быстро. А у меня все ингредиенты свежие, запасы я пополняю по часту. Вот осядет в курени моей пыльца смертоносная, да пары ядовитые рассеются, так ты сам поглядишь на брата свога. Как он мирно сопит, словно дитятка малая, и румянец естественный уж на ланитах его проступил.

Лепарь добродушно улыбнулся и, смачно пригубив ароматный напиток, с удовольствием причмокнул. Гайл подметил, что на его руке не хватает пальца, метка, свойственная данному смертельно-му недугу. У человека отваливаются части тела, а он, беззаботный, может этого даже и не заметить. Полная потеря чувствительности. Может, это и к лучшему, зачем им еще больше терзаться, терпя невообразимую боль? И так проблем у них вдоволь.

Глядя, с каким удовольствием лепарь попивает свой горячий напиток, Гайл сглотнул слюну. Он и сам не отказался бы отведать этого напитка. Да и вторая чаша, которую по-прежнему

держал лепарь, явно предназначалась ему. Но, видать, рассеянный Мирри запомнил, что собирался угостить гостя.

Заметив, как Гайл жадно смотрит на чашу, лепарь спохватился и протянул ее гостю, пожимая плечами, мол, прости, мил человек, что-то я рассеянный сегодня. Гайл охотно принял чашу и с удовольствием приложился к ароматному напитку, раздумывая, как же отблагодарить этого человека за все его добрые деяния.

— Как ты тут живешь один? — сочувственно поинтересовался Гайл. — Часто ли путники встречаются?

— Тоска тоской, — признался тот. — С женой моей жили мы здесь. Двоих нас изгнали из Залардана, но померла она лет уж много тому. А путники здесь не ходят. Дорога иная до города лежит. Здесь же знаки повсюду предупреждающие, и поля пятилистника не сильно-то привлекают странников. Вы особого рода безрассудство проявили, избрав путь оный. Ну, то прошлые дела, не суди чужога раба, как предки говаривали.

Гайл кивал, убаюкиваемый мерным голосом лепаря. Веки его отяжелели. Пальцы онемели, и чаша упала на землю, забрызгав его и лепаря горячим содержимым. Гайл хотел было извиниться за такую нерасторопность, но обнаружил, что губы отказываются ему повиноваться. Все тело словно сковало тисками, и он повалился на землю. Где-то глубоко, на уровне инстинктов, будто некий незнакомец, находившийся на другом берегу реки, взывало к нему его подсознание. Что-то там кричало об опасности. Что именно, Гайл не мог расслышать. Да и не сильно-то прислушивался. Мало ли кто там по какой причине панику разводит. Единственно, чего он желал в данный момент, так это закрыть веки и предаться чарующему сну.

Лепарь навис черным облаком над Гайлом. Лицо его преобразилось, теперь на нем играла торжествующая коварная улыбка. Эта улыбка не сулила ничего доброго. И как в доказательство на свету блеснуло зазубренное лезвие ножа. Оранжевое солнце тускло отразилось на ржавом лезвии. Лепарь склонился еще

ниже, и Гайл уловил исходящее от него смрадное зловоние. Так пахнет сгнивший заживо мертвец.

— Ну что, старейшина Мардагайл? Каким будет твое последнее желание? — загоготал лепарь, проведя лезвием по горлу Гайла. — Хотя кого это волнует? Меня лично — нет. Меня лишь интересует, куда ты припрятал одну вещицу. Можешь не отвечать. У меня еще будет уйма времени, чтобы обыскать твой труп. А я, как ты можешь судить, человек терпеливый.

Речь лепаря переменилась. Куда-то исчез добродушный говор простачка из глубинки. Все это было напускное, для отвода глаз. Гайл стиснул губы от досады и боли (холодное лезвие оставило глубокий порез на его горле). Как он мог быть таким наивным? Его обвели вокруг пальца, как младенца. Ему здесь не место, и эта миссия ему не по зубам. Уж слишком он доверчив и привык видеть в людях лишь доброе.

«Не сдавайся, — шептал ему голос подсознания, не раз приходивший на помощь, — борись!»

Гайл, стиснув зубы, сосредоточился на своей истинной сущности. Ему нужно перевоплотиться. Гайл не справится с этим врагом. Но там, где бессилен Гайл, справится Огненный пес. Глаза Гайла на мгновение зажглись огнем, но затем вновь помутнели. Что-то было не так.

Лепарь продолжал ликовать, брызжа слюной.

— Не выйдет! Я тебя заточил в человеческом облики. Так что можешь попрощаться со своей песьей шкурой. Умереть тебе доведется двуногим.

Лепарь остервенело нанес Гайлу удар ножом в бок. Вместо того чтобы лезвием глубоко войти в его плоть, оно лишь прокололо куртку и обо что-то звонко лязгнуло. Разъяренный лепарь ударил снова. И снова. Но каждый раз раздавался все тот же характерный звон металла о камень. Замешательство исчезло с лица лепаря, и место его занял неподдельный восторг.

— Кажется, я нашел твою вещицу! — упивался своим триумфом лепарь. — Ты не против, если я взгляну?

Не дожидаясь ответа на свой риторический вопрос, он, распоров Гайлу куртку и сорвав бинты, торжественно поднял над головой святыню. Длань Эмихола была зажата в его четырехпалой руке.

— Я сделал это, Господин! — прокричал он в пустоту.

Гайл скрежетал зубами от бессилия и обиды. Не так он представлял свою кончину. Не от такого врага (изъеденного лепрой сутулого старца) он готовился принять героическую смерть. Но тут внимание Гайла сместилось с зажатой в руке лепаря святыни. Он озадаченно уставился на грудь старика. Лепарь растерянно проследил, куда это с таким интересом вперился поверженный враг. Каким же было удивлением для него обнаружить, что из его груди торчало лезвие меча. Он, опустив голову, завороченно следил, как лезвие начало медленно проворачиваться по часовой стрелке разрывая его плоть, и затем с чавкающим звуком втянулось в обратную сторону.

Жар. Солнце нещадно слепит глаза даже сквозь плотно зажмуренные веки. Надо же, ему приснился удивительный сон. Словно он попал в мир вечной мерзлоты, где небесное светило едва освещало путникам тропу, не говоря уже о том, чтобы согреть. Привидится же такое.

Наемник, издав стон, предпринял попытку пошевелиться. Но сразу же прекратил это занятие. Острая, вызывающая тошноту боль в висках вновь приковала его к земле. Но все же он убедился, что тело ему повинует, и на том спасибо. Все мышцы ныли, а пересохший язык прилип к нёбу. Как хочется пить. Кто-нибудь, погасите это светило, будь оно неладно.

Наемник приоткрыл глаза и попытался сфокусироваться на окружающих предметах. Это было не так легко сделать, мир

плыл перед глазами. Но все же ему удалось разглядеть яркую траву, которая вместе с деревьями проплывала мимо его лица. Все пребывало в движении. Некое экзотическое растение, куда-то спеша, шлепнуло его по носу. И Наемник наконец-то осознал, что это не мир движется, а это его измученное тело куда-то тащат. На наспех сооруженных из веток носилках. Медленно повернув затекшую шею он увидел блестящую, словно черный жемчуг, спину Антонио, который тащил за собой носилки, пробираясь сквозь джунгли. Мария шла по правую сторону от мужа, придерживая руками округлый живот. Было видно, что силы ее уже на исходе, но она безропотно продолжала шагать рядом с мужем.

Наемник вновь застонал. И Антонио окинул его через плечо дружелюбным взглядом. Обнажив в улыбке белоснежные зубы, он заговорил, не сбавляя шагу:

— Я знаю, что вы выкарабкаетесь, Камо. Сеньор Хоэрос знает толк в людях. Камо — хороший наемник. Камо стрелял дикарей и убил.

Раб симитировал рукой прицельный выстрел и попадание, затем вовремя ухватился за носилки, так как те начали крениться, грозя Наемнику падением на землю.

— Если бы не Камо — мы бы погибли, — продолжил свой монолог Антонио. — Был дождь. Много воды с неба и гром. Мария бояться, когда гром. Мы прятаться в лесу. Моя вина, я хотел найти безопасный... Мы заблудились. Долго искали лагерь, но решили не отходить от воды. Нам нужна вода, моей жене много пить. Но дикари, глупый, не цивилизованный, нападал. Я бился, но они — воины, я — пастух. Если бы не Камо... Они-качукву благодарит тебя. Если бы моя жизнь не принадлежала сеньор Хоэрос, то Оникачукву поклялся бы тебе в верности до смерти.

Видя замешательство на лице Наемника, раб поспешил пояснить:

— Антонио — это имя, который мне дал сеньор. Ониекачукву — мой имя, который давал мне мой народ. Хороший имя, означает «кто более великий, чем Бог»? Сеньор нравится имя, но он говорить, что мой имя сложный. Цивилизованный человек очень умный и не запоминать такой длинный слово. Сеньор учить нас читать и молитва. Сеньор говорить, что мы его духовный дети. Мне нравится мой имя Антонио. Но я — Ониекачукву, так называть меня мой народ.

Наемник попытался что-то сказать, но из горла его послышался лишь приглушенный хрип. Антонио, бережно опустив носилки, присел у изголовья и, приподняв Наемнику голову, помог ему напиться из кожаной фляги. Вода была теплой, но Наемник не обратил на это ни малейшего внимания. Она была мокрой, и этого было достаточно. Жадно опустошив флягу на две трети, он зашелся в приступе кашля.

Когда кашель утих, он произнес свои первые за этот день слова:

— Сколько я спал?

— Один ночь и полдня, — произнес Антонио. — Мы не знать до рогу в лагерь. Ждать, когда ты проснешься и ведешь нас в лагерь. Решили быть возле воды. Моя жена и Камо нужно много пить.

— Почему ты зовешь меня Камо? — поинтересовался Наемник, осторожно разминая шею.

— Я не знать твоего имени. Знать, что ты начальник альмогавар. Камо означает «тихий воин».

Наемник задумался, даже не зная, как реагировать на такую похвалу. Да, альмогавары действительно славились своей способностью внезапно нападать на врага. И он, Наемник, был не худшим из их числа.

Но следующие слова Антонио вернули Наемника с высоты возгордившегося орла на грешную землю:

— Тихий воин! — выпалил Антонио, даваясь смехом. — Это я шутить! Ты так громко греметь своим оружием, что все птица пугать!

Антонио вновь изобразил рукой несколько выстрелов, имитируя грохочущие звуки мушкарды. Его добродушный смех далеко разнесся по джунглям. И словно подыгрывая его импровизированному театральному представлению, несколько птиц сорвались с деревьев и взмыли ввысь.

Но Наемник перестал что-либо слышать. Окружающий мир вновь для него не существовал, так как все его внимание было приковано к предмету, висящему у Антонио на поясе. Перед самым лицом Наемника покачивался, подобно маятнику (в такт смеху Антонио), каменный нож. Яркий круглый алмаз, венчающий его рукоять, манил к себе. Ничего не хотелось Наемнику так сильно, как утонуть в этом мерном сиянии. Хотя нет, все же, больше всего ему хотелось прикоснуться к этому предмету неземной красоты. Пальцы его невольно потянулись к алмазу...

Казалось, они вот-вот коснутся заветного предмета. Но когда кулак Наемника плотно сжался, все, что ему удалось ухватить, была пустота. Пить все так же хотелось, тело по-прежнему ныло. Но что-то переменялось: он ощущал жар, но этот жар исходил от его собственного тела, словно у него была горячка. Окружающий его воздух был холодным, как поздний ноябрьский вечер.

Сознание Наемника вновь понеслось в головокружительном танце, который зовется забвением. Но невероятным усилием воли на этот раз ему удалось не утратить связь с реальностью. Максимум, на что его хватило, — едва приподнять отяжелевшие веки. Какое-то время зрение привыкало к полумраку. Спустя пару мгновений (для Наемника они тянулись тысячелетиями) он смог различать отдельные предметы. Разумеется, Антонио и Марии рядом не оказалось. Несколько чадивших лампад, испускающих тусклый свет. Помещение было тесным и представляло

собой ветхий шалаш, заваленный хламом и сооруженный из такого же хлама.

Как он здесь оказался? Наемник попытался восстановить в памяти цепочку событий, произошедших с ним. Это было не так-то просто, воспоминания путались, то и дело сплетаясь в тугой клубок с прошлыми событиями, произошедшими с ним в другой жизни, в совершенно другом месте. Наемник всячески игнорировал их и старался похоронить глубоко в недрах своей души. Но вот они настигли его, проникли в разум сквозь сон. Подкрались, как безучастные родственники, дабы помолчать у постели умирающего (кем он, без сомнения, являлся). На смертном одре, когда все возведенные его разумом стены рушились, он вновь вынужден был вернуться в то место, о котором поклялся себе не вспоминать. И вот теперь, беззащитный, предоставленный на растерзание призракам прошлого он ненавидел весь мир. Ненавидел себя. Ненавидел саму жизнь.

В дальнем углу спиной к нему стояла фигура во вретнице, и с кем-то вела беседу.

«Д-д-да, мой Г-г-господин?..»

Наемнику все же удалось припомнить, как он свалился, словно подкошенный, вдохнув аромат каких-то проклятых цветов. Все в этом месте было проклятым: земля, солнце и даже растения.

«Я Мирри, Мэри — моя жена...»

Вспомнил, как Гайл нашел его (все же вернулся, балабол проклятый) и дал выпить какое-то смрадное зелье. Больше он ничего не мог вспомнить. Но, очевидно, юнец не бросил его, раз он, Наемник, еще жив.

«...скончалась лет пятнадцать как...»

Наемник предпринял очередную попытку сдвинуться с места. Но не тут-то было. Отстраненно, словно все это происходило не с ним, он сделал открытие — все остатки сил и жизненной энергии уходят на поддержание дыхания. А дышал он с таким трудом, словно на грудь его положили штабель из бревен.

Да пропади оно все пропадом! Каждый раз, когда ему удалось ускользнуть от смерти, в последствии случалось непоправимое. Он заслужил это. Смерть — единственная плата за содеянное. Он был не против. Даже более — ему было все равно. Он просто устал. Какой смысл еще бороться?

«Птицу не довелось мне видеть, но юнец и воин пришли ко мне...»

От потока суицидальных мыслей его отвлекли последние слова незнакомца во вретище. Речь явно шла о нем, Гайле и проклятой птице. Злорадный голос незнакомца не сулил ничего хорошего.

«Воин умирает от яда лапедоса, а юнец ожидает снаружи...»

Враг. Интуиция и многолетний опыт подсказывали Наемнику, что этот человек замышляет что-то недоброе. Но что мог он, Наемник, сделать в этой ситуации? Он парализован. И на этот раз не удастся выкарабкаться, просто хорошенько отоспавшись. Да и поблизости не наблюдалось добродушного Антонио, готового прийти на помощь.

«Что сделать мне прикажешь ты, о, Господин?»

Наемник затаил дыхание. Ему было все равно, как поступят с ним. Он был готов принять смерть. Он просто желал ее, она предвещала полное забвение и упокоение его измученной совести. Но с удивлением для себя он осознал, что ему не безразлична судьба Гайла. Кем был ему этот длинноволосый юноша? Они едва знакомы. Но за этот короткий отрезок времени парень уже дважды спас его. Вытащил из болота и не бросил умирать посреди поляны смертоносных цветов.

Жизнь не лишена сарказма, и вселенная не гнушается противоречий. В каком-то вмняемом мире альмогавары зарабатывают себе на хлеб тем, что спасают шкуру других. Но вот почему-то в случае Наемника все норовят спасти его.

Перед его внутренним взором предстал образ Антонио, добродушно оскалившегося в белозубой улыбке. Затем этот образ сменил длинноволосый Гайл. Гайл, которому угрожает смертельная опасность.

Незнакомец во вретище замер в ожидании ответа. До этого Наемник не мог расслышать ни слова, сказанного его собеседником. Но последний приказ он услышал отчетливо. Говоривший вложил в одно слово весь лед и ненависть, которые можно сыскать во Вселенной. Слово, которым невидимый собеседник вынес приговор ему и Гайлу.

Это слово было — убей. И Наемник поклялся себе, что не даст этому случиться. Чего бы ему это ни стоило, он не допустит, чтобы Гайл погиб. На этот раз он сделает все правильно.

Незнакомец вышел из хижины, предварительно бросив под нос Наемника какое-то зелье. Альмогавар не знал, откуда у него такая уверенность, но что-то подсказывало ему: расплывшаяся жидкость — его единственный шанс на спасение. Сосуд был в полушаге от Наемника, ноздри уловили сладковатый аромат зелья.

Наемник попытался дотянуться до сосуда. Безрезультатно. Он лишь смог едва пошевелить головой. Жидкость продолжала медленно выливаться на земляной пол. Его шанс на спасение был так близок, но так недостижим.

«Будь ты проклят!» — сам не зная к кому обращаясь, мысленно взревел Наемник. Он физически ощущал, как пульс его неумолимо замедлялся. Каждый удар сердца давался с невероятным усилием. Наемник взмолился от бессилия. Но в своей последней мольбе он взывал не к святому Факундию.

«Проклятая птица, ты меня слышишь?! Тебе, наверно, все равно, что я умираю. Возможно, ты даже обрадуешься. Но если ты сейчас не вмешаешься, твоего приятеля Гайла убьют».

Не то, чтобы он ожидал, что его призыв будет услышан. Но все же это место было полно странностей. Наемник выждал несколько мгновений, прислушиваясь к тишине. Ничего не происходило. Он собрался было обреченно сомкнуть глаза, отдаваясь на волю судьбы, но тут в курень проник ветер, заплескали потревоженные огни от лампад. Сокол величественно возвышался

у изголовья, косясь на Наемника правым глазом. Воин готов был поклясться, что птица не влетела в хижину, она просто оказалась здесь, словно была призраком или наваждением.

«Ты действительно демон», — подумал Наемник.

«А ты умираешь», — не замедлила с ответом птица.

«Я в курсе. Ненавижу тебя».

«Я в курсе».

Их мысленный диалог шел в предсказуемом русле. Казалось, время остановилось. Огни в лампадах не мерцали, словно были нарисованными на холсте. Летающие в воздухе пылинки перестали кружиться. Вытекающая из сосуда жидкость застыла, точно была из стекла. Наемника переполнило знакомое ощущение. Тогда, когда он оказался на дне озера с этой ненавистой птицей, все было так же. Наверняка это дело ее рук (когтистых лап, крыльев... эх, не важно), она что-то сотворила с самим временем, если такое возможно.

«Ты можешь спасти нашего общего знакомого, этого балабола Гайла? Кажется, его сейчас убьют».

«А что тебе до него? — в голосе птицы слышалось удивление. — Тебе-то какое дело? Никто тебе не платил за его защиту. Нет оплаты — нет забот. Так вроде вы, наемники, говорите? Только не убеждай меня, что ты не такой. Я был свидетелем, как ты попрал все свои принципы и свою честь ради стекляшки! Думаешь, я смогу об этом забыть? Ты сделал меня невольным соучастником своего преступления. Ты должен был их спасти!»

«Я всего лишь позвал тебя, чтобы ты помог своему приятелю. Я не нуждаюсь в твоих нотациях. Не хочешь его спасти? Тогда проваливай! И оставь меня. Я устал».

«Хочешь умереть? — глаз птицы блеснул недобрый холодом. — Если бы я желал твоей смерти, то не стал бы тратить на то, чтобы тащить тебя в этот мир. Нет, я желаю, чтобы ты жил. Чтобы ты каждый день просыпался в холодном поту от кошмарных

воспоминаний. Хочу, чтобы твоя совесть (если хоть крупца ее в тебе еще осталась) съедала тебя изнутри».

Повисла тишина. Наемник, не желая доставлять удовольствия этой проклятой птице, оставил ее монолог без комментария.

Первым сдался Хранитель. Когтистой лапой он выровнял опрокинутый сосуд и пододвинул его вплотную к губам Наемника.

«Хочешь его спасти? Сделай это сам. Докажи, что вы, альмогавары, чего-то стоите. Сделай это не ради золота или славы. Сделай это, потому что так бы поступило любое мыслящее существо, в котором есть хоть капля сострадания и милости. Помогни Огненному псу выполнить его миссию, и я, может быть, верну тебя домой. Если ты, конечно, желаешь туда воротиться после всего, что сделал».

«Помогаешь мне», — это скорее было констатацией факта, чем вопросом.

«Не тебе. Этот мир гибнет. И Огненный пес — единственный, кто держит ключ к его спасению. Но не думай, что это что-то меняет между нами... Заноза».

Сокол исчез, даже не пошевелив крыльями. Время вновь потекло привычным руслом. И Наемник, не раздумывая, прильнул губами к сосуду с противоядием.

Гайл так и лежал на холодной земле, тяжело дыша и прижимая к груди Длань Эмихола, словно опасался, что кто-то выскочит из-за кручи и отберет у него святыню. Учитывая произошедшее за последнее время, такой вариант был более чем возможным.

Наемник сидел поодаль, понутив голову, обессиленный короткой стычкой. Вернее, стычкой это даже трудно было назвать — так, подкрался исподтишка и нанес ничего не ведающему противнику удар в спину. Для любого наемника далеко не постыдный, а весьма распространенный прием. Благородство, равносильное

безумию, встречается лишь в романтических книжках и дешевых пьесах. Суровая же реальность гласит: если есть возможность одолеть врага без лишних потерь со своей стороны — не мешкай. Так Наемник и поступил. Тем более что на полноценную схватку у него бы попросту не хватило сил. Хотя выпитое зелье и освободило его от действия ядовитого цветка, он еще едва держался на ногах.

К удивлению Наемника лезвие ножа пронзило живую плоть, словно та была мешком, набитым соломой. И еще большее удивление вызвал тот факт, что облаченный во вретище старик никак не прореагировал на торчащий клинок в своей груди. Не было ни крика боли, ни предсмертной агонии. Когда он умирал — взгляд его был растерянным, будто он так и не смог осознать, что собственно произошло.

Увидев изуродованное болезнью лицо старика, Наемник безразлично начал обтирать свой меч о сухую траву.

— Мне что, теперь придется выбросить свой клинок? — поинтересовался Наемник у лежащего поодаль Гайла.

— Уже много лет лепра не передается. Алхимики сумели сдержать распространение болезни. Просто промой лезвие водой и поддержи над огнем для пущего спокойствия.

— Он назвал тебя Огненным псом...

Гайл немного помедлил с ответом.

— Это длинная история. Я непременно тебе ее поведаю, но в другом, более спокойном месте, располагающем к подобным беседам... Ну, ты понимаешь, в трактире за кружечкой эля и миской свиных ребрышек...

— Камо, — перебил Гайла Наемник.

— Прости, что? — юноша приподнялся и вопросительно посмотрел на воина.

— Ты хотел знать мое имя, — продолжил Наемник, глядя на безоблачное небо, по которому катился пульсирующий огненный шар. — Можешь звать меня Камо.

— Камо, — повторил Гайл, словно пробуя слово на вкус. — Что-то мне подсказывает, что это не твое подлинное имя.

— Так назвал меня мой... Один человек. Ты можешь звать меня так же. Да и имеет ли какое-то значение, как меня звали в прошлой жизни. Камо ничем не хуже любого другого имени.

— Камо так Камо, — Гайл приподнял руки, показывая, что не собирается больше допытываться. — Мардагайл тоже не мое подлинное имя. Меня зовут Тихар-Ку, и об этом я тоже тебе как-то расскажу, при случае. Но вот уже много лет меня называют именем Гайл.

— Сколько же тебе лет? На вид ты сущий мальчишка. Временами ведешь себя подобно малолетнему простачку, но часто в тебе проскакивает нечто, не соответствующее этому образу. Словно некий старик или выдавший виды воин натянул на себя неумело состряпанную маску.

— Я Огненный пес, — проговорил Гайл, загадочно улыбаясь. — В некотором роде мы все в душе малолетние простачки. Добродушные и доверчивые. И никакие годы не изменят этой сущности. И об этом я как-нибудь расскажу.

— Ты так говоришь, словно нам предстоит пройти вместе долгий путь. Еще недавно ты, вроде, страстно желал от меня избавиться.

— Как я уже сказал, мой род склонен к излишнему добродушию и доверчивости. В моей природе заложено доверять людям. Для меня неестественно ожидать от них подвоха или подлости. Нет, я могу дать отпор угрожающему мне врагу. Но лишь когда агрессия по отношению ко мне явно различима. Я полный профан, когда дело доходит до интриг и подвохов.

На какое-то время Гайл замолчал, вспоминая, как смог провести старейшин и похитить святыню. Но это было другое. Хотя он и не гордился своим поступком, проделал все таким образом, чтобы никто из старейшин (его бывших собратьев) не пострадал.

— Доверчивость — это проклятие, с которым приходится жить всем Огненным псам, лишенным хозяина... — продолжил

Гайл, присаживаясь и пытаясь привести разорванную куртку в подобающий вид. — Но вот, я отправился в опасный путь и не рассчитал свои силы. Я слишком наивен и доверчив для такой миссии. Мне нужен кто-то, кто прикроет мою спину в нужный момент. Хранитель был прав относительно тебя. Ты показал, что на тебя можно положиться. Ты спас меня.

— Я всего лишь вернул должок, — отмахнулся Наемник.

— Нет, Камо, — возразил Гайл, — тобой двигало не только чувство долга. И не пытайся отпираться, я же вижу, здесь нечто иное. Ты можешь ничего не говорить, я не настаиваю и ни в коем случае не собираюсь лезть тебе в душу. В эту игру мы уже сыграли, и она никому не понравилась. Я, пользуясь ходатайством Хранителя и своей интуицией, хочу предложить тебе работу.

— Работу, — буркнул себе под нос Наемник по кличке Камо. — Я мечтаю открыть глаза и очнуться от этого кошмара, а ты предлагаешь мне тут освоиться и даже заняться привычным промыслом. Ну-ну.

— Ты можешь и дальше себя тешить иллюзиями, что это всего лишь кошмарный сон. Но если, все же, принять во внимание, что это место такое же реальное, как и твой родной мир, то тебе ничего не остается, как попытаться в нем выжить. Я предлагаю тебе работу. Твоя задача будет заключаться лишь в том, чтобы обращать внимание на скрытую угрозу там, где я ее не сумею рассмотреть. Золото в любом мире в ходу. Также за мой счет новая одежда, хорошая еда и ночлег (по возможности). А самое главное — ты обретешь спутника, который кое-что да знает об этом мире и с удовольствием заполнит все твои пробелы в образовании.

Наемник поглядел на Гайла не без уважения. Такая напористость не согласовывалась с образом изнеженного юнца.

— Весь сыр-бор из-за этой вещицы? — поинтересовался Камо (и давайте уже привыкнем к этому имени), указывая на зажатый в руках Гайла предмет.

Гайл инстинктивно отпрянул, еще сильнее прижимая святыню к себе. Затем, проделав над собой невероятное усилие, протянул предмет Наемнику. Но по его взгляду было видно, что он в любой момент выхватит его из рук альмогавара, если заподозрит что-то неладное.

Наемник бережно принял святыню и начал с интересом ее изучать. Плоский кусок скальной породы, местами острые углы. В центре плоскости отпечаток правой человеческой руки. Больше ничего, никаких надписей, золотой инкрустации или драгоценных камней. Можно было предположить, что этот отпечаток был оставлен в жидкой глине, которая со временем загустела. Но нет, это была не глина. Это был монолитный кусок, на вид очень прочный. Так как же там смог оказаться этот отпечаток? Даже если металлическую рукавицу раскалить докрасна, все равно не вышло бы такого эффекта. Разве что некий искусный скульптор вырезал это изображение, орудуя резцом. Дотошный к деталям он передал все изгибы и линии на ладони. Так и не сумев разгадать эту загадку, Наемник вернул вещь Гайлу.

— И об этом ты мне тоже расскажешь как-нибудь потом? — поинтересовался Наемник.

— Возможно, — уклончиво ответил Гайл, выпрямляясь в полный рост. — Для начала нам нужно попасть в Залардан. Мне нужен хороший знахарь.

— Зачем? — поинтересовался Наемник. — Ты вроде неплохо выглядишь.

— Этот выживший из ума лепарь подsunул мне какое-то зелье. Не знаю, что он там намешал, но оно до сих пор блокирует мои способности Огненного пса.

— А это плохо? — поинтересовался Наемник.

Гайл окинул его холодным взглядом. Его молчание было красноречивее любых слов.

ГЛАВА 10

*в которой Нервин читает книги, разбойники требуют
доспехи, а Фарлок достает хрустальный шар*

Массивный стол из многовекового кедра выглядел несуразной громадиной на фоне остальных предметов мебели, коих в покоях равнодушного к диковинным вещам Нервина имелось немало. Сей предмет, который самым своим существованием противоречил всем нормам эстетики и здравого смысла, вызвал бы гримасу уважения на лице самого придирчивого тролля. Стоит ли

говорить, что низкорослый гном, невозмутимо восседавший за этим творением безумного плотника, выглядел довольно-таки комично. Чтобы удобно расположиться на не менее массивном стуле, Нервину приходилось взбираться по приставной лестнице.

Ну и с какой радости, спросите вы, так обременяться? Не проще было бы заказать у местного плотника стол подходящего размера? Ответов на эти вопросы было несколько. Во-первых, Нервин никогда не искал легких путей и очевидных решений.

Во-вторых, стоило ему лишь усесться за этот стол, как голова начинала работать лучше, а мысли становились яснее. То ли пропорции этого объекта помогали настроиться Нервину на нужный лад, то ли мозгу его требовалось находиться на определенном возвышении, дабы работать яснее. Как бы там ни было, но лишь за этим столом он мог полноценно заниматься своей работой, исследованиями, чтением.

Отыскав в архиве несколько пыльных фолиантов, он принялся их неспешно изучать. Но перед этим не поленился запереть входную дверь на засов и задвинуть ставни на окнах. Меньше всего ему хотелось, чтобы посторонние вникали в нюансы его исследований.

Отчасти он выполнял поручение Хранителя. Но во всей этой истории было столько загадок и мистики, что Нервин считал своим прямым долгом лично во всем разобраться. Скептически пролистав труды Парацельса и других алхимиков, он отодвинул книги в сторону. Все эти теории были безграмотной спекуляцией на тему, в коей сии мудрецы сами были не бельмеса. Если кто и владел тайным знанием сотворения гомункулов, то наверняка хранил рецепт в строжайшей тайне.

Мысленно предоставив разбираться с этой частью вопроса брату Фарлоку, Нервин попробовал подойти к делу с другой стороны. В очередной раз он решил попрактиковаться в навыках дедукции. Нервин не был таким уж наивным, недогадливым простаком, как могло показаться на первый взгляд. В глубине души он понимал, что все эти баллады о сыщиках и следователях ничего общего не имели с историческими летописями, а являли собой продукт фантазии автора. Но во всех этих историях было некое зерно рационализма. За это зерно и ухватился Нервин обеими руками. Его вдохновляла сама идея, что любое действие или произошедшее событие можно проанализировать и поэтапно воссоздать, опираясь на логику, внимательность и ясный ум.

И вот на столе его находилась улика №1. Отрубленная кисть гномей руки была помещена в стеклянную банку, которую Нервин предварительно наполнил спиртом. Кисть, подобно каракатице, плавала в банке, судорожно сжимая и разжимая пальцы. Она словно жила своей жизнью, ни капли не тревожась о потере остального тела. Нервин уже провел несколько экспериментов с отрубленной конечностью: прижигал ее раскаленным железом, тыкал в нее острыми предметами. Подобный малонаучный подход дал немного ответов дотошному гному. Если конечность и обладала способностью к регенерации, то сей процесс происходил томительно медленно. А терпение не входило в список добродетелей Нервина.

Гном был уже готов бросить бесполезную возню с банкой, но тут рука в очередной раз судорожно дернулась, и повернулась к нему тыльной стороной. Гном с интересом придвинулся вплотную к выпуклому стеклу. То, что сразу он принял за родимое пятно, оказалось миниатюрной татуировкой.

— Не может быть, — прошептал Нервин, похолодев. — Это невозможно!

Он поспешно скатился со стула, игнорируя подставленную лестницу. От волнения морщинистое лицо его вспотело, и крупная капля пота повисла на кончике длинного носа. Не обращая на это никакого внимания, гном кинулся к длинному стеллажу архива. На этот раз его интересовали не научные труды и спекулятивные изыскания алхимиков. Внимание его было сосредоточено на исторической секции. Ища интересующую его книгу, он был настолько возбужден, что даже забыл о том, что нужно еще и дышать.

Вскоре его старания были вознаграждены и он, кряхтя, стащил с полки громоздкий том в деревянном резном переплете. Вес издания был внушительным, и Нервин воспользовался тележкой, чтобы подкатить книгу к рабочему столу. Не без усилий втащив книгу по лестнице, он бросил ее на стол, словно та была

неподъемным бревном. Раздался грохот при ударе дерева о дерево, и в воздух поднялось облако пыли.

Книга оказалась летописью Длиннобородых королей. Нервин, как никто другой, знал, что большая часть этих сказаний состояла из легенд и преданий, которые сильно отличались от событий, происходивших на самом деле. Многим из этих событий он, Нервин, сам был свидетелем и имел привилегию, хоть и недолго, лично следить за развитием истории своего народа. Пролистав книгу почти до самого конца, гном остановился на сказаниях о Дарине. Бегло пробежав глазами историю жизни своего брата, Нервин не удержался и раздраженно фыркнул. Разумеется, в изобилующем пафосными деталями повествовании не нашлось места для упоминания о безбородом брате-землекопе. Такая мелочь сильно подпортила бы образ непобедимого воина и мастера секиры Дарина Великого.

Пропуская абзацы, в которых подробно, но не всегда достоверно, описывалось, как Дарин становился воином, давшим отпор многочисленным завоевателям; затем генералом, поведшим орду на авантюрные сражения, в которых раз за разом одерживал победу; и как, в конце концов, за все доблести и заслуги, горный длиннобородый народ провозгласил его своим королем. Этот этап истории своего народа Нервин не имел возможности наблюдать, так как находился в своих паломнических скитаниях.

Пролистав еще несколько страниц, Нервин остановился на том месте, которое искал. Некролог Дарина Великого. Вернее, некрологов было два. В первом говорилось, что король, насытившись годами, умер от старости и был погребен в Хазаддуме¹². Это была всеми принятая версия. Во втором, апокрифическом, некрологе говорилось, что он скончался от

---

¹² Хазаддум (также место известно под названиями Казад-Дум, Мория, Черная Яма) — в книгах Дж. Р. Р. Толкина огромный подземный город в Мглистых горах Средиземья. В течение многих тысяч лет обитателями Хазаддума являлись гномы.

ран, полученных во время битвы при Эреборе¹³. Но там также упоминалось, что местом его погребения послужил Хазаддум. Нервин углубился в подробное изучение второго некролога.

Вот оно! Перед решающей битвой при Эреборе шестеро страшных генералов Дарина поклялись своими бородами, что будут стоять до конца, защищая знамя своего короля. Клятву свою они скрепили кровью, и каждый сделал себе небольшую татуировку в виде королевской печати с изображением литеры «Д». Все генералы пали, пронзенные стрелами врага, и были погребены в королевской гробнице, где и по сей день их тела дотлевают, а души охраняют покой короля.

Взгляд Нервина остановился на изображенной в книге гравюре королевской печати. Затем гном посмотрел на извивающуюся в банке конечность, на которой был изображен тот же символ.

— Это невозможно! — повторил Нервин. Для создания гомункула требовался образец плоти, кровь, волосы. Все это давно уже истлело в королевской гробнице, в мире, недоступном для Нурлинь. Произошедшему должно быть иное объяснение.

Словно пытаясь возразить гному, отрубленная рука постучала ногтем о стекло. От неожиданного звука Нервина передернуло и бросило в холодный пот.

Блики схлестнувшихся мечей, топот конницы и свист роящихся над головой стрел. Боевой клич товарищей. Он посреди сражения всего лишь пылинки в жерновах рока. Неразличимая точка в сияющих доспехах, затерявшаяся в бесконечном потоке неистовавших в сражении тел.

Это был сон, если в загробном мире существует такое понятие. А почему бы и нет? Почему бы мертвым не видеть сны? Не

¹³ Эребор (Одинокая Гора) — в книгах Дж. Р. Р. Толкина название горы и расположенного под ней королевства гномов.

ахти какое утешение для истерзанных душ, предназначенных на вечное осуждение. А именно эта участь была ему уготована. Ведь он умер. Он прекрасно помнил, как тело его приземлилось на острые камни. Он не тешил себя ложными иллюзиями. После такого падения не выживают.

Кольцо вокруг него неотвратно сжималось. Враг надвигался, отрезая все пути к отступлению. Покрепче сжав боевую секиру, он приготовился дорого продать свою жизнь. В реальности он не отличался благородством и не брезговал тем, чтобы разить врага в спину или, при необходимости, спастись бегством. Но это был сон. Во сне он не был жалким разбойником, готовым перерезать горло спящему путнику. Во сне он был бесстрашным воином, великим полководцем, доблестным рыцарем. Он был тем, о ком даже не решался и мечтать.

А враг продолжал давить его. Сотни падали под яростными ударами его секиры. Падали, чтобы вновь восстать и продолжить атаку. Пустые панцири. Бестелесные доспехи, наполненные высушенными временем костями. Пляска смерти. Битва без начала и конца. Безданная брань с тлением. Сражение, заведомо проигранное в то мгновение, как только началось. Бесполезно бороться со временем. Прах и тлен, в конце концов, настигают даже самых лучших из нас.

Голос. Он звучал так близко. Но было в нем нечто нереальное. Словно источник его находился не в этом месте. Голос звучал из мира живых. Голос читал заклинание. Слова нагнетали страх и в то же время порождали благолепный трепет. Воин осмелился поднять глаза и увидел силуэт, грозно возвышающийся на холме. Это был Он. Он пришел за ним. Проник в мир тления, чтобы забрать его.

— Хозяин! — сорвалось с губ воина. — Ты не бросил меня... Мы действительно связаны.

— Даже более чем ты можешь себе представить, — проговорил силуэт. — Но ты подвел меня. Не каждый достаивается второго шанса. Используй его разумно.

Воин хотел сказать еще что-то, но слова так и не слетели с его губ. Наваждение растаяло. Воин перестал существовать. Предводитель разбойников открыл глаза. Над ущельем виднелось оранжевое марево. Солнце встало, чтобы ознаменовать рождение нового дня. Родившийся заново разбойник осторожно присел, ощупывая свое тело. Кости, вроде бы, были целы. В боку по-прежнему зияла дыра. Разбойник поднес липкие пальцы к глазам и с отвращением посмотрел на пенящуюся черную жидкость, больше походившую на смолу, чем на кровь.

«Что я такое?»

Ответа на свой безмолвный вопрос он так и не дождался. Но с вершины ущелья кто-то окликнул его. Разбойник вновь поглядел вверх. Длинный моток веревки змеей упал вниз и повис в дюйме от его лица.

Гоблин Зиррак показался над ущельем и, ехидно ухмыляясь, прокричал:

— Мой многопризираемый... прости, глубокоуважаемый длиннобородый друг, если ты планируешь там еще прохладиться, то я могу тебе вместо веревки кинуть мягкую перину. Только поторопись с решением, я лично не намерен тут торчать весь день.

Разбойник проигнорировал колкости нетактичного гоблина. Была бы его воля, он уже давно бы укоротил язык этому изворотливому деятелю. Но, невзирая на все свои недостатки, Зиррак тоже служил их общему делу и всегда обеспечивал отряд разбойников необходимым для их промысла инвентарем. Обмотавшись веревкой, разбойник принялся неспешно карабкаться наверх.

У запруды его ожидали шестеро товарищей. Один был перепачкан болотной тиной, у другого была отрублена кисть. Вид их был весьма потрепан, на лицах застыло выражение недоумения, но, завидев своего предводителя, они взбодрились, готовые по команде ринуться в бой.

— Братья мои, — заговорил он, обращаясь к отряду, — да не будет сердце ваше смущаемо чудом сим. Хозяин наш — могущественный маг — проявил к нам невиданную благосклонность. Но и мы впредь да не посраим его.

Отряд одобрительно загудел, вскинув оружие вверх. Предводитель брезгливо посмотрел на свой меч и бросил его под ноги ошарашенному гоблину.

— Мне нужно новое оружие, — обратился он к Зирраку. — И на этот раз даже не думай подсунуть свой ржавый мусор.

— Ржавый... м-мусор? — попытался возразить гоблин, но, встретившись взглядом с суровым гномом, решил не спорить: — И какое оружие тебе будет в пору?

Ни секунды не колеблясь, разбойник отчеканил:

— Секира нужна мне, хорошо наточенная и с крепкой металлической рукоятью. А еще доспехи надобны. Как у рыцарей или городской стражи. Серьезный противник противостоит нам. Огнем и громом управляет. Готовы должны мы быть к схватке.

— Доспехи? — переспросил обалдевший от такого напора гоблин. — Как у рыцарей?

— Да, они самые. Доспехи, как у рыцарей, — невозмутимо повторил разбойник. — Нужного размера. Каждому.

Гоблин нервно закивал, больше спорить или переспрашивать ему не хотелось. Того и гляди этот неведомо чего о себе возомнивший гном еще и коня себе пожелает, а с ним и осадные машины с катапультами.

Зиррак собрался было благополучно откланяться, но разбойник ухватил его за пояс и притянул к себе.

— Не спеши, — проговорил он перепуганному гоблину. Пошарив в карманах Зиррака, разбойник извлек интересовавший его артефакт. Точная копия того устройства для связи, которое ему пришлось разбить.

— Не возражаешь, если это я оставляю себе? — учтиво поинтересовался разбойник, но взгляд его не сулил ничего доброго, попытайся Зиррак возразить.

Гоблин лихорадочно закивал. Испугавшись, что сей жест неверно истолкуют, замотал головой. Затем вновь судорожно закивал. Сам запутавшись в своей пантомиме, он попытался обезоруживающе улыбнуться. Левый глаз его при этом конвульсивно подергивался.

Разбойник удовлетворенно кивнул и дал пинка Зирраку. Роста они были одного, но, в отличие от сутулого гоблина, гном обладал немалой физической силой. Гоблин откатился на пару саженей под бурный смех разбойников.

— И поторопись. При подходе к Залардану я хочу уже быть во всеоружии, — крикнул главарь вслед семенящему прочь гоблину. Затем повернулся к своему отряду: — Ну что, глубокоуважаемая орда, — подражая манере гоблина, заговорил он, — давненько мы не навещали многолюдные поселения. На Залардан! Иль, может, вы боитесь стражи? Может, вам милее пачкаться в болоте да прохлаждаться на безопасной пустоши?

— На Залардан! — хором подхватила свора.

Не ожидавший иного ответа предводитель удовлетворенно кивнул.

— Н-ну... т-ты! Д-думал тебя избежит мой г-г-гнев? Т-ты сильно ошибся в выборе п-противника! Тебя ввел в заблуждение мой невзрачный в-внешний вид. На это я и рассчитывал. Думаешь, Тоуф — обычный, выжившей из ума с-с-старикашка? Ха! Все так думали. И теперь ты заплатишь за свое заблуждение!

Горбун, увлеченный своим монологом, неистово махал подобранный на полу рапирой. Он виртуозно балансировал, стоя на шаткой груде хлама (такая себе импровизированная стремянка), и строго отчитывал забрызганную воском стену.

Фарлок с Нервином отправились выполнять поручение Хранителя. На вопрос Тоуфа, кто же будет наводить в святилище

порядок, братья бросили на горбуна многозначительные взгляды. Мол, твоя была идея, ты запихнул весь хлам в магический мешок, сам и расхлебывай.

И вот теперь, оставшись наедине с грязными стенами и бурным воображением, Тоуф решил отдать предпочтение воображению. В своих мыслях он вел сражение с полчищем орков, осадившим замок со всех сторон. Стойкий горбун не сдавался, продолжал сражение, величественно возвышаясь на холме из поверженных противников. Силы его были на исходе, но он еще даст понюхать пыльцы лапедоса этим жалким ополчениям нечисти. Братья Фарлок и Нервин, разумеется, пали, сраженные противником, еще в самом начале схватки. Один он, Тоуф, и его верная рапира стояли на пути у захватчика.

— Отведай мощи моего р-разящего удара! — крикнул он одному особенно неблагоприятному пятну (формой оно действительно отдаленно напоминало разъяренное лицо орка). И добавил где-то подслушанную фразу: — Ты не пройдешь!

Рапира глубоко вошла в стену, застряв в зазоре меж грубых камней. Тоуф разочарованно осмотрел восковое пятно. Удар был невероятной мощи, но пришелся намного выше цели. Пятно ехидно скалилось в злорадной улыбке. Не желая мириться с таким пренебрежительным отношением к своей персоне, Тоуф попытался вытащить рапиру, чтобы повторить удар. Но не тут-то было. Сталь намертво засела в камне. Горбун попытался расшатать оружие. Как и следовало ожидать, расшатать удалось лишь находившуюся под его ногами грудку хлама. Хлипкое сооружение подозрительно закрипело. Горбун, затаив дыхание, крепко ухватился за рукоять рапиры обеими руками. Под ногами у него вновь закрипело, затем затрещало, защелкало и загудело. С умеренным грохотом его импровизированный постамент рассыпался. Горбун повис на рапире, беспомощно шевеля босыми ступнями в поиске опоры.

Восковое пятно продолжало ухмыляться. Обескураженный, но не сломленный Тоуф нанес ничего не подозревавшему

противнику смертоносный удар. Ну не то чтобы удар. Так, укусил воображаемое лицо за воображаемый нос. Зубы его сразу же сковало вязким воском, но на лице гоблина появилось полное удовлетворение. Расшатавшись на рапире вправо–влево, он перепрыгнул на висящий на стене гобелен и ловко спустился по нему, как по канату. Грациозно (то есть на ноги, а не как обычно — на пятую точку) спрыгнув на пол, он благосклонно раскланялся осыпавшей его победными приветствиями публике. Невзирая на предшествующие неудачи, ему таки удалось доиграть свою пьесу и выйти победителем. Не все так уж и плохо.

Важно расхаживая по святилищу, он решил сделать круг почета, теща скандирующую его имя публику. Но сделать ему удалось не более пяти шагов. Оступившись, он повалился на спину.

— М-мой горб! — взвыл он больше от досады, чем от боли. Воображаемая публика, смущенно отводя глаза от незадачливого героя, начала медленно разбредаться, потеряв всякий интерес к горбуну.

— Т-так нечестно! — возмутился Тоуф, — Вы не м-м-можете так просто взять и уйти, после всего, что я для вас с-сделал! В конце концов, это м-м-мое изображение или нет?

Толпа не удостоила своего бывшего героя ответом. Кругом одни предатели! Кому вообще можно доверять, если даже собственные мысли над тобой всячески издеваются? Тоуф обнаружил предмет, о который споткнулся. Кристалл памяти уже не выглядел таким привлекательным. Тусклая, бесполезная стекляшка.

— В-в-все из-за тебя! — Тоуф схватил ненавистный камень и с перекошенным от обиды лицом крикнул в окно: — К-котись ко всем чертам, Мардагайл! Проваливай, предатель, и подарки свои з-забери!

Гоблин размахнулся и бросил кристалл в окно. Камень полетел вниз, рисуя вдоль башенной стены призрачную вертикаль. Мелодично звякнув о черепицу, поскакал по крыше, куда не

скатился в желоб, совмещенный с дымоходом, и не застрял в вентиляционной решетке, навсегда затерянный, но не забытый.

Фарлок, привлеченный шумом, эхом раздавшимся из дымохода, подозрительно посмотрел на камин, в котором догорали угли. Подкинув в огонь дров, он задумчиво почесал подбородок. Ему было холодно, а на дворе всего лишь осень. Как же он постарел. Беззаботная и однообразная жизнь в капище Эмихола замедлила увядание их бранных тел. Но дух томится. Дух неизбежно продолжает стареть, переполняясь апатией к монотонной суете. Подобно остывающему солнцу, с годами холодело и его сердце. Когда-то оно горело. Некромант хорошо помнил тот переломный момент...

Мертвенно-бледное лицо огрубело, погруженное в воспоминания. Костлявые длинные пальцы с ухоженными ногтями продолжали чесать подбородок. Если бы Фарлок был обычным человеком, давно бы счесал себе лицо до крови.

Из раздумья его вывела Инга-Нда-Реба. Трехголовая ручная змея подползла к своему хозяину и привычно обвилась вокруг его лодыжки. Скользкое тело пресмыкающегося было холодным. Но в отличие от окружающего холода, этот был Фарлоку приятен. Некромант наклонился и погладил свою питомицу, ласково приговаривая:

— И где же ты пропадала, плутовка?

Взгляд его по-прежнему был задумчивым и отрешенным, иначе бы он заметил, что голова Ребы безжизненно болтается, а ее сестры, Инга и Нда, пребывают в безмолвной скорби.

Фарлок переминался с ноги на ногу в нерешительности. Время. Казалось, его неисчерпаемый кладезь вечно будет тешить их в своей колыбели. Но стоило случиться тому, что случилось, и оно неистово завертелось, словно взбесившееся колесо рока, грозя раздавить всякого беспечного бродягу, оказавшегося у него на пути. Остановившееся время вновь ожило. Опомнившийся спустя столетия часовщик таки наладил извечный механизм. Время философствований и мудрствований закончилось. Теперь время

для решительных действий. Это его последний марафон. В глубине души он знал, что все к этому ведет.

Костлявые пальцы потянулись к статуэтке филина, стоящей на каминной полке. Вопреки своим же уверениям, что этот объект очень тяжел, Фарлок без труда подхватил его одной рукой. Братья Нервин и Тоуф намеренно были введены им в заблуждение. Некромант, обхватив голову филина, повернул ее по часовой стрелке и откинул, как крышку сосуда. В образовавшейся нише оказался хрустальный шар. Фарлок поставил его на стол и взял в руку небольшой перочинный нож. Немного поколебавшись, полоснул себя лезвием по запястью. Рана получилась глубокой, но, несмотря на это, проступила всего лишь одна скупая капля крови. Он поднес руку к шару, и капля медленно упала на гладкий хрусталь.

Шар ожил. Заискрился. Наэлектризованные волосы Фарлока начали шевелиться. Почувствовав что-то недоброе, ручная змея поспешно уползла в дальний угол комнаты.

Темная сторона. Фарлок практически позабыл ее зов. Иная магия. Дающая многое, отнимающая все. Взамен на открывающиеся возможности и перспективы требующая лишь самую малость — твою душу. Но вот незадача, душа-то у тебя одна. Это небольшое неудобство некроманты компенсировали тем, что развили в себе навык присваивать чужие души. Прошлое обрушилось на Фарлока, подобно бесстрастной гильотине, неизбежно настигнувшей свою жертву.

В шаре проявилось изображение старческого лица, облаченного в капюшон. Назад дороги нет. Если Эмихол когда-нибудь об этом узнает, то, возможно, даже поймет, но вряд ли простит.

— Почтеннейший магистр Фарлок, великий чернокнижник и некромант! Или мне стоит тебя называть старейшиной Фарлоком? — голос собеседника звучал приветливо и невозмутимо. Словно он ни капли не был удивлен. Словно не прошло столько лет. — Как бы там ни было, Сыновья Аэндора приветствуют тебя. Чем можем быть полезны ставшему на путь света?

— Приветствую вас, Магистр Сиаргил, — медленно заговорил Фарлок, пытаясь сохранить невозмутимый вид. — Не считите меня бестактным, но я опущу принятые нормы этикета и не буду расспрашивать вас о бытовых особенностях насыщенной деятельности клана. Дело очень серьезное, если бы не так, то не стал бы я беспокоить вас лишним напоминанием о своей персоне. Произошло, вернее, вот-вот произойдет, нечто, чего многие из нас опасались, но ожидали как неизбежное, то, что требует вашего личного присутствия здесь, на Нурлинь.

Собеседник какое-то время молчал, склонив голову в раздумьях, затем тем же невозмутимым голосом поинтересовался:

— Правильно ли я вас расслышал, магистр Фарлок? Вы требуете моего присутствия на планете, которую поклялись, цитирую: «Охранять от чернокнижной нечисти любой ценой»?

Фарлок кивнул.

— Сколько же Сыновей Аэндора мне с собой прихватить для реализации вашего плана, мой distinguished друг?

— Всех.

На этот раз невозмутимость исчезла с лица собеседника. Брови его вопросительно изогнулись.

— Я призываю всех, — более твердым голосом повторил Фарлок, — всех до одного. Всех некромантов, которых сумеете собрать до того, как откроется портал.

— Всегда хотел побывать на знаменитой Ярмарке миров. Благодарю за приглашение. Мы подумаем. И чем же вы собираетесь с нами расплатиться?

Фарлок склонился над шаром и заговорщицки прошептал:

— Мне кажется, я нашел его...

ГЛАВА 11

*в которой путники встречают караван, прогуливаются
по Залардану и знакомятся с алхимиком*

Путники не стали испытывать судьбу и поспешили покинуть место обитания выжившего из ума лепаря. Они даже побрезговали пополнить свой провиант из сомнительных запасов Мирри. До Залардана было рукой подать, а одна лишь мысль о том, чтобы провести на этом злосчастном месте лишнюю минуту, вызывала у них нервный тик. Сначала разбойники, затем этот одинокий асса-

син¹⁴ — все указывало на то, что за ними объявлена охота.

В курени отшельника Мирри Гайл обнаружил уже знакомый ему артефакт. Точно такой же, которым воспользовался разбойник для общения со своим хозяином. Гайл поборол желание взять с собой это устройство. Любопытство сжигало его, страсть как хотелось разузнать, кто за всем этим стоит. Возможно, если

¹⁴ Ассасины — существовавшая в средние века рыцарская секта исмаилитов-низаритов. Члены секты совершали многочисленные убийства врагов на религиозной и политической почве.

бы показать артефакт механику, удалось бы пролить свет на эту тайну. Но в рюкзаке у юноши уже имелся такой же предмет, хоть и выведенный из строя. Может, этого будет достаточно, чтобы мастер смог объяснить природу данного устройства. Да и кто знает, что грозило Гайлу, вздумай он взять этот рабочий артефакт с собой. Кто может гарантировать, что при его помощи враг не сможет отследить их?

Путь до городских ворот занял у них вдвое больше времени, чем они предполагали. И если Наемник бодрился и походка его становилась тверже с каждым шагом (сказывалось действие приготовленного лепарем противоядия), то Гайл, напротив, чувствовал себя все слабее и слабее. Наемнику то и дело приходилось подставлять плечо спутнику. Несколько раз они даже делали привал, чтобы юноша мог собраться с силами и продолжить путь. Такая смена ролей не очень радовала Огненного пса, привыкшего к своему физическому превосходству.

На одном из таких привалов Наемник, как любой уважающий себя воин, решил перепроверить состояние своего снаряжения. Порывшись в чехле с мушкардой, он раздраженно чертыхнулся.

— Что там еще стряслось? — поинтересовался у него Гайл.

Наемник, оставив вопрос без ответа, отбросил чехол и в раздражении вскочил на ноги. Воин нервно принялся ходить кругами, бубня под нос разные ругательства. Затем и вовсе поток его речи перестал быть понятен Гайлу. В раздражении Наемник словно лишился способности изъясняться на всемирном наречии и перешел на родной испанский. Немного успокоившись, альмогавар вновь решил перепроверить свое снаряжение. Гайл впервые видел Наемника в таком состоянии.

— Камо! — вновь обратился он к Наемнику.

Тот протянул Гайлу какую-то коробочку, затем перевернул ее и демонстративно потряс. Несколько одиноких крупинок упали на землю и смешались с дорожной пылью.

— Этот любопытный знахарь высыпал мой порох! Весь! Я убью его!

Наемник бросил пустую жестяную коробку к ногам Гайла и вновь принялся ходить кругами, при этом импульсивно размахивая руками, пиная ни в чем не повинные булыжники и кляня всеми ему известными проклятиями благополучно почившего Мирри. Гайл подобрал коробочку и понюхал остатки таинственного порошка. Недоумевая, из-за чего это так расстроился Наемник, Гайл лизнул порошок. Вряд ли это специи, вкус и аромат мало напоминали что-либо съестное. Хотя кто его знает, какие кулинарные предпочтения были у этого загадочного воина.

— Это твои лекарства? — предположил Гайл.

Наемник уставился на него, как на полоумного.

— П о р о х! — произнес он по буквам непонятливому юноше — Бум! Бабах! Бдых! Порох.

Гайл мало что понял, но благоразумно решил кивнуть, не желая провоцировать Наемника на новый приступ бешенства. Поди разбери, что у того в голове. Гайл прекрасно помнил, как вспылил Наемник, когда дело дошло до расспросов о его с виду безобидном кулоне. Захочет — сам расскажет. А нет — так нет.

«Может, это был прах его высоко почитаемого предка, и Наемник присягнул хранить его до конца своих дней?» — подумал Гайл, но не осмелился озвучить свою догадку.

С минуту они провели в полном молчании. Затем Наемник, немного успокоившись, заговорил:

— Моя мушкарда, из которой я стреляю, нуждается в порохе, чтобы работать. У вас что, совсем нет огнестрельного оружия?

Гайл добродушно пожал плечами.

— Ну это как лук со стрелами. Только стрелы меньше и летят дальше. Вернее, даже не стрелы... эх, не важно. И шума много. Порох взрывается и выталкивает ядро. Оно летит и делает дыру в противнике. Вот, собственно, суть устройства, если в двух словах и опуская научные детали.

Наемник протянул Гайлу свинцовый шарик для демонстрации. Тот покрутил предмет в руке и поинтересовался:

— Я слышал, как твоя палка стреляла, и видел результат. Честно признаться, я не сильно понимаю, как это возможно. Я бы предположил, что это неизвестная мне магия, но ты неоднократно утверждал, что прибыл из мира, где магия не в ходу. Но если ты говоришь, это то же самое, что и лук со стрелами, то, возможно, ты сможешь сам изготовить себе этот порох?

— Аналогия со стрелами была не совсем удачной. Я бы даже сказал, что в моем мире порох — это все же больше магия, чем что-то другое, — видя как глаза вконец запутавшегося Гайла начали увеличиваться, Наемник поспешил поправить себя: — Не придирайся к каждому слову. Просто для моего мира это изобретение для многих еще в диковинку, и большинство воспринимает порох как что-то магическое. Но поверь мне, это просто химический состав. Воистину гениальное изобретение, которое вскоре вытеснит стрелы и мечи. Будущее за мушкардами. Проблема в том, что я не владею точным рецептом и пропорциями. Да и вряд ли у тебя найдется под рукой селитра и сера.

— Тебе нужен алхимик, они у нас по части химии и всяких запрещенных смесей. Нынче сие ремесло под запретом. Но, думаю, в Залардане хоть одного да сыщем.

— Алхимик? Разве я сказал, что мне нужно обратить свинец в золото? — съязвил Наемник.

— Свинец в золото? Что за глупости! Если ты желаешь освоиться в моем мире, то тебе уже давно бы следовало расстаться со своими варварскими предубеждениями.

На какое-то время Гайл замолчал, пристально всматриваясь в сторону запада.

— Что там? — поинтересовался Наемник.

— Караван крестьян гильдии пахарей. Везут пшеницу на продажу в Залардан.

— Хочешь купить у них хлеба? — поинтересовался Наемник.

— Нет, — ответил Гайл, подымаясь, — собери свои пожитки, нам нужно перехватить караван до того, как стража пропустит их в город. Это наш билет. Превосходная возможность проникнуть в Залардан незамеченными.

Залардан скорее походил на захудалый поселок, чем на город. Границу его отмечала покосившаяся от ветра и времени деревянная стена. Один на весь город трактир (он же постоянный двор и харчевня). Невзрачные лавочки со скудным товаром и такие же выдавшие лучшие дни мастерские (хотя кого мы обманываем, Залардан даже сто лет назад выглядел точно так же). Наивно было ожидать другую картину, учитывая, что городок играл роль буфера между пустошами, где росли плантации лапедоса, и индустриальным Ефилем. Если бы не гильдия вертоградарей, то забытый Эмихолом городок уже давно бы развалился. Единственное, что позволяло Залардану продлевать свое существование, была торговля маслом, которое местные жители изготавливали раз в году из кустов пятилистника. Город существовал, в основном, благодаря экспорту. И торговые караваны или просто скитающиеся путники были здесь большой редкостью.

Поэтому не удивительно, что местные жители то и дело подозрительно косились на Гайла и Наемника. В ответ на всеобщее внимание к своей персоне Наемник не менее пристально изучал местных жителей. А изучать было что. Такое многообразие реликтовых рас он не встречал даже в детских сказках. Всякий раз, натываясь на очередного заларданца, Наемник хватался за амулет Факундия и всеми силами сдерживал себя, чтобы не осенить диковинное создание крестным знаменем. Люди здесь тоже встречались, но то, как они себя беззаботно вели в обществе разномастной нечисти, пугало Наемника еще больше.

— Прекрати на всех так пялиться, мы и без того в центре внимания, — прошептал Гайл Наемнику, продолжая с аппетитом поглощать ржаной хлеб, которым их угостили дружелюбные пахари.

С караваном прибыло дюжины две крестьян и немало путников, которые, как и Гайл с Наемником, воспользовались благосклонностью пахарей, чтобы добраться до Залардана. Такое обилие новоприезжих вызвало объяснимый интерес среди местного населения. Благо, беглецы были не единственными прибывшими. И, судя по расслабленному поведению городской стражи, весть о краже Длани Эмихола еще не достигла Залардана. Но Гайл прекрасно понимал, что это может измениться в любой момент. Капитан Хадлеар со своим отрядом наверняка уже потолковал со старейшинами и теперь что есть прыти мчится по следам вора на своем боевом быке.

— Как все эти создания могут сосуществовать?.. Какая раса здесь доминирующая?.. Зачем этому скользкому слизню три ноги? Он же ползает на брюхе...

— А зачем тебе аппендикс? — попытался отшутиться Гайл. Но, глядя на серьезное лицо Наемника, решил пожалеть беднягу: — Тут эти вопросы немного неуместны. На то она и Нурлинь. Кого сюда только не заносила судьба. Сейчас, как ты сам можешь видеть, наше солнце слегка приболело и желающих иммигрировать на нашу славную планету поубавилось. А насчет доминирования... На Нурлинь нет гегемонии или монархии. Здесь у кого есть что продать, тот тебе и власть, и король, и лучший друг. Нурлинь существует за счет торговли и Ярмарки миров. Поэтому балом заправляют гильдии. Если твоей гильдии есть что продать, не важно что, товар или услугу, то с тобой будут все считаться, будь ты хоть тролль, хоть блоха.

— Ярмарка миров? — увлеченный разговором с Гайлом Наемник немного расслабился.

Гайл, порадовавшись такому факту, решил продолжить, желая во что бы то ни стало сфокусировать внимание Наемника на себе, а не на диковинных жителях города.

— О Ярмарке трудно рассказать в двух словах. Но если кратко, раз в пятьдесят лет наша луна перестает быть просто луной, а становится неким торговым погостом. Открываются небесные окна, и жители иных миров собираются здесь для торговли, обмена товаром и дипломатических переговоров. Нурлинь получает свой законный процент с каждой подобной операции и последующие пятьдесят лет живет, проедая те ресурсы, которые остались после Ярмарки. И так каждые пятьдесят лет. Очень уныло и предсказуемо. В принципе, никто не жаловался. Но вот однажды солнце наше стало греть слабее. И с каждым годом жители Нурлинь все яснее понимают, что в один прекрасный момент оно полностью потухнет... или взорвется... или прольется на наши головы огненным дождем... Ну это кто как себе в воображении рисует. Суть всем ясна: скоро придет закат нашего мира. Так что не удивляйся, если местные жители покажутся тебе не сильно жизнерадостными.

Гайл, увлеченный своим сбивчивым рассказом, поначалу не заметил, что Наемник куда-то исчез. Лихорадочно глядя по сторонам, он выискивал своего спутника в толпе. Обнаружив Наемника возле городской площади, Гайл раздраженно прошипел:

— Я, между прочим, распинаяюсь, на твои вопросы отвечаю. И вдруг обнаруживаю, что ты мало того что не слушаешь, но и шляешься где попало. Мы сюда не на представление бродячих артистов пришли поглазеть. У меня ответственная миссия...

Наемник, не глядя на Гайла, сделал знак замолчать.

— Статуя!

— Что? — Гайл просто кипел от негодования. — Ты вообще слышишь, что я говорю? Какая еще статуя?

Наемник указал пальцем в центр площади:

— Эта уродливая статуя. Мне кажется, или она действительно двигается?

Гайл посмотрел в направлении, указанном Наемником.

— Отродясь в Залардане не было никакой статуи...

Гайл умолк на полуслове. Посреди площади действительно стояла громоздкая статуя. Толпа зевак собралась вокруг этого устрашающего сплетения каменных валунов. Голова статуи медленно поворачивалась из стороны в сторону, словно выискивала кого-то в толпе. Без объяснений Гайл схватил Наемника за ворот куртки и потащил к ближайшему переулку.

— В чем дело? — поинтересовался Наемник, едва поспевая за Гайлом.

— Это, друг мой Камо, никакая не статуя. Это самый, что ни на есть, настоящий тролль.

— Тролль? — переспросил Наемник. Он незаметно выглянул из переулка, дабы убедиться в достоверности слов Гайла. — И чем опасны эти тролли? Когда он чихает, тебя может убить брызгами каменной крошки? По мне, так довольно безобидное медлительное существо. Напавшие на нас гномы выглядели куда более устрашающе.

— Прекрати, — вспыхнул Гайл, — не смешно. Дело серьезное. Это не просто тролль. Это Уфи — правая рука капитана городской стражи. Раз он здесь, то и его отряд не замедлит прибыть. Нужно быть начеку.

— И как это неповоротливое создание поспело сюда прежде своего отряда?

Гайл не успел ответить. Что-то привлекло внимание Тролля-скорохода, и он, сорвавшись с места, сломя голову помчался куда-то в противоположную от Гайла с Наемником сторону. Ошарашенная толпа едва успевала отпрыгивать в сторону, не желая быть затоптанной этим ожившим валуном.

— Нам нужно найти алхимика. Как видишь, задерживаться в городе не стоит.

Гайл уверенно зашагал по переулку, вглядываясь в вывески и начертанные на зданиях символы. Не желая больше раздражать работодателя, Наемник покорно поплелся следом. Провоцировать очередной конфликт Наемнику не хотелось, но, тем не менее, его вновь начало раздражать предвзятое отношение Гайла. Руки просто чесались, так ему хотелось вклепить хорошую затрещину этому напыщенному молокососу.

Наемник не привык полагаться на кого-то. В своем мире даже в непроходимых джунглях он был хозяином положения. Ориентировался по звездам, мог найти источник воды и знал, какие растения можно употреблять в пищу, а какие ни в коем случае нельзя. Здесь же ему ничего не оставалось, как плестись следом за этим юнцом и ждать разъяснений: что можно трогать, куда можно смотреть, что можно есть, — и этот список продолжался бесконечно. Положение для гордого альмогавара было, мало сказать, унижительным. Но, по крайней мере, невзирая на все напасти, постигшие его на пути, он, вопреки здравому смыслу, все еще был жив. И это немного охлаждало непокорный нрав каталонского сорвиголовы. Эх, будь что будет. Тем более юнец что-то там говорил об оплате. Если Наемнику не изменил слух, то он даже расслышал слово «золото».

Тем временем Гайл остановился возле одной массивной двери, внимательно изучая нанесенные на косяке символы.

— Кажется, нашел.

— И что? Здесь так и написано: алхимик? — поинтересовался Камо.

— Какие глупости. Разумеется, нет! — возмутился Гайл, зачем-то роясь в своем рюкзаке. — Вот этот символ, похожий на улитку, означает крептониус-рубио.

— Крептониус-рубио... Лапедос-ореахос... У вас тут, как я полагаю, дефицит с оригинальными названиями. Звучит как латынь.

— Это и есть латынь. А что тебя удивляет? Во всех мирах встречаются оригиналы, которые упорно продолжают использовать этот примитивный язык.

— И что же обозначает это кретиниюус-рубиус?

Гайл извлек из рюкзака причудливой формы очки и водрузил себе на нос.

— Стекла этих очков изготовлены из редчайшего самоцвета криптониус-рубио. При помощи них я могу прочесть истинное послание, начертанное на двери.

— И что же там сказано?

Гайл вгляделся в открывшуюся его взору призрачную надпись. Брови его нахмурились, лицо посуровело. Затем он, глядя на Наемника, улыбнулся и успокаивающе заверил:

— Все в порядке. Там сказано: если вы ищите алхимика — добро пожаловать.

На лице Наемника застыло выражение недоверия и подозрительности. Гайл, не желая более тратить драгоценное время на разговоры, постучал в дверь.

— Я ничего не продаю! Проваливайте отсюда, покуда я не кликнул городскую стражу!

Широкоплечий мужичище грозно возвышался над посетителями. Мышцы на лице хозяина пульсировали от напряжения, заставляя тронутые сединой усы устрашающе шевелиться.

Гайл окинул взглядом многочисленные полки, уставленные разнообразными склянками и сосудами.

Недружелюбный хозяин, предугадав застывший на лице Гайла вопрос, резко отрезал:

— Да, я лекарь. У меня лицензия от гильдии вертоградарей. Но обслуживаю я исключительно местное население и то только в период ежегодного приготовления масла пятилистника. В остальное время моя лавка закрыта. Собственно, если бы вы были повнимательней, то наверняка соизволили бы прочесть надпись на двери. Лавка закрыта!

Видя, что диалог не клеится, Наемник, подвинув Гайла, вышел вперед:

— Разве на вашей двери не написано секретными письменами, что это лавка алхимика?

Реакция хозяина на слова Наемника была неожиданной. Каким-то образом во мгновение ока из-за прилавка тот извлек два топора. Наемник успел оттолкнуть Гайла в сторону как раз в тот момент, когда один из топоров просвистел между путниками и с глухим лязгом застрял в двери за их спинами. Гайл едва устоял на ногах. Наемник лишь слегка отклонился, но рука его крепко сжала рукоять висящего на поясе меча. Не теряя самообладания, он был готов к схватке. Раньше времени проявлять агрессию к хозяину не было надобности. Ведь именно они пришли к нему, и именно они нуждались в услуге. Парламентерские попытки най-ти с хозяином общий язык зашли в тупик.

Грозный усач сам нарушил затянувшееся молчание:

— Если вы сумели где-то раздобыть некий редчайший самоцвет и смогли прочесть скрытую от посторонних глаз надпись, то тем более мне непонятна ваша позиция. Там написаны слова проклятия в адрес всех, кто ищет здесь алхимиков, чернокнижников и других прячущихся от закона экстремистов. Другими словами, там написано: «Если вы ищите алхимика — проваливайте!»

Наемник испепеляюще посмотрел на Гайла.

— Добро пожаловать, говоришь?

Гайл добродушно пожал плечами:

— По мне, так все едино. Подумаешь, конспиратор. Написал: алхимиков здесь нет. С таким же успехом он мог повесить на дверь гирлянду и поставить у входа чан с кипящим в нем расплавленным свинцом. И не нужно придирааться! Тебе нужен был алхимик, я тебе его нашел.

Хозяин ухватил топор поудобнее, целясь в разговорчивый рот Гайла.

— Убирайтесь, — сквозь зубы прошипел он.

— Не суетись ты так, — заговорил Гайл, миротворчески подымая руки. — Я хорошо заплачу, и мы здесь надолго не задержимся. У тебя есть своя тайна, и ты, разумеется, не желаешь, чтобы кто-то посторонний о ней проведал. Я тебя прекрасно понимаю. Предлагаю тебе взамен нашу тайну. Я сообщу тебе, кто я такой. И ты сможешь использовать эту информацию по своему усмотрению.

Хозяин чуть опустил топор.

— Ты обычный нахальный сопляк, это видно невооруженным взглядом. Но я, так уж и быть, сохраню эту тайну. Так что забирай своего друга и проваливайте.

— Я старейшина Мардагайл!

Хозяин окинул юношу оценивающим взглядом. Затем не глядя пошарил на одной из полок, взял в руку склянку и сыпанул каким-то порошком в лицо Гайлу.

— В этом, собственно, и проблема, — заговорил юноша после того, как откашлялся, — я не могу обратиться Огненным псом. На пустоши нам повстречался малоприятный тип по имени Мирри. Он пытался нас убить и отравил меня каким-то зельем. Мне нужно противоядие.

— Мирри? — топор хозяина скрылся под прилавком. — Этот сумасшедший еще жив?

— Мертв. Я уже говорил, что он нас пытался убить. Этот леопард рассказывал, что его вместе с женой выгнали из города.

— Выгнали... — хозяин раздраженно фыркнул. — Какой бедняга. Небось, жаловался, как с ним несправедливо обошелся городской совет? А он вам не рассказал, что его выгнали за то, что он варил смертоносные яды и практиковал черные науки? Тюрьмы в Залардане нет, а гнать его под конвоем в Ефиль — велика честь. Решили его изгнать. Насколько я помню, ему даже доверили следить за плантациями пятилистника.

— А жену-то его за что изгнали?

Хозяин расплылся в широкой улыбке, погладил усы и ответил:

— Тот еще выдумщик, земля ему пухом да не покажется. Отравил он свою жену. За то, что она отказалась оставить свой дом и переселиться с ним на пустошь. А затем просто свихнулся. Раздвоением личности начал страдать. Ну и продолжал варить свои зелья. Как, не знаю, подцепил лепру. Уж столетия минули, как хворь сия исчезла совсем с лица Нурлинь. Где он отыскал ее, и спрашивать страшно. Казнить чудака надо было. Но, говаривают, сам глава гильдии к нему за редкостными зельями наведывался, вот так вот.

— Благодарю за столь подробную биографию человека, который чуть нас не порешил, — отозвался Наемник.

— Да что там, — хозяин махнул рукой, — кому, как ни мне, о нем рассказывать. Кузен он мой, пусть черви исторгнут его плоть. И работали мы вместе, есть на мне такой грех.

От последних слов Наемник вновь напрягся. Мало ли что можно было ожидать от родственника этого маньяка-лепаря.

Гайл же поинтересовался:

— Прошное твое нас мало интересует. Всем нам есть чего стыдиться и от чего бежать. Ты мне скажи, что на сердце у тебя ныне? Служишь ли ты народу Нурлинь и почитаешь ли путь Эмихола? Мы в бегах. За нами охотится городская стража и наемные убийцы. Никто не должен знать, что мы здесь. От успеха моей миссии зависит будущее Нурлинь. Ты поможешь нам, невзирая на риск?

Хозяин помедлил с ответом. Налив из кувшина прозрачной жидкости, он сделал большой глоток и поморщился. Затем разлил горячительный напиток по стаканам и пододвинул питье гостям. Гайл не спешил принимать угощение. Воспоминания о дружелюбном отшельнике Мирри и его чае еще не выветрились из памяти.

— Я вам так скажу, пути Эмихола я чту, хоть и не видел его и сильно сомневаюсь в том, есть ли ему хоть какое-то дело до того, чту я его пути али нет. Но народу Нурлинь послужить готов. Тем паче, раз сам старейшина Мардагайл вынужден таиться

от городской стражи, видать, дело серьезное. Имя мое Мазереп. Выкладывайте, с чем пришли.

— Мне нужно противоядие, — сообщил Гайл. — Зелье лепаря не просто сковало мои способности, но и обессилило меня. Я едва стою на ногах. Еще мне нужно найти в городе механика. А моему телохранителю нужно, чтобы ты починил его оружие.

— Пусть пойдет и купит себе новый меч, — отмахнулся Мазереп. — Этим кухонным тесаком разве что кур потрошить.

— Меч мой меня вполне устраивает, — возразил задетый Наемник. Несмотря на то, что меч был действительно коротковат (в прошлой стычке с гномами альмогавар в этом убедился), но он не привык, когда кто-то критикует его оружие. Тем более с мечом его связывал один секрет, о котором он не собирался распространяться. Без слов он извлек мушкарду из чехла и бережно положил ее на столешницу.

— Мне нужен порошок. В месте, откуда я, его называют порохом.

Алхимик, как ни старался, не смог скрыть своего любопытства и увлеченно принялся рассматривать диковинное оружие Наемника.

— Очень занятная вещьца, — подытожил он. — Принцип работы слегка замысловат. Я бы даже сказал, в чем-то примитивен. Какая польза от оружия, которое стреляет всего два раза? Даже арбалет быстрее перезарядить, чем твою м-м...мушкарду. Да и судя по твоим рассказам, этот твой порох — вещь, конечно, нужная, но зачем столько шума? Вот, например, стрела или арбалетный болт летит себе тихо и разит противника. Вот если здесь сделать разрез... А это что?.. Контейнер для запасных ядер, говоришь?.. Его можно использовать по-другому... И что, этой палкой ты заталкиваешь в ствол порох и снаряд?.. Слушай, это оружие или ювелирная лавка?.. Такое впечатление, что его придумала женщина... Очень много побрякушек при минимальной эффективности... Не обижайся, вещь, конечно, знатная, но уж больно много манипуляций различных требует. На поле боя ты

должен думать о том, как врага разить, а не обо всех этих побрякушках... Но не бойсь, есть у меня пара идей. Будет твоя мушкарда стрелять, что тот посох мага, вот посмотришь.

Наемник, ошарашенный таким потоком инновационных идей, решил спрятать мушкарду от греха подальше.

— Мне всего лишь нужен порох.

Массивная ладонь легла поверх оружия. Наемник попытался сдвинуть руку алхимика, но с таким же успехом он мог бы принять попытку выкорчевать многовековой дуб.

— Не суетись, — сурово проговорил алхимик, — сделаю все как надо. Потом мне спасибо скажешь.

— Но... — попытался возразить Наемник.

— Старейшина Мардагайл, будьте так любезны, успокойте вашего приятеля, пока я делаю свою работу.

— Эта вещь принадлежит не мне! — вспыхнул Наемник. — Я не позволю, чтобы какой-то лекарь вносил в нее технические изменения!

— Камо, — обратился к Наемнику Гайл, — тебе нужно, чтобы твоя палка вновь стреляла, или нет? Мазереп выглядит мастером своего дела. Позволь ему выполнить его работу.

— Да-да... — отмахнулся от Наемника алхимик, — сходи в харчевню пропусти пару кружек эля.

— Не думаю, что это хорошая идея, — возразил Гайл. — как ты можешь судить, мой друг не из этих мест. Не стоит ему привлекать лишнее внимание к своей персоне.

— Да брось, — возразил алхимик, — что такого может приключиться в харчевне со здоровым, крепким мужчиной. Разве что одежда его выглядит, мало сказать, несуразно. Что это за меховая жилетка, ты ее случайно не у ребенка стащил? А эта юбка...

— Это килт! — вспыхнул Наемник.

Но алхимик уже не слушал. Скрывшись в соседней комнате, он появился оттуда спустя пару минут, радостно потрясая каким-то тряпьем.

— Нашел! Вот тебе нормальные брюки и теплая куртка. Мои шмотки были бы тебе великоваты. Благо, мой слуга был твоего роста, это его вещи.

— А ты уверен, что ему они больше не понадобятся? — поинтересовался Наемник, спешно переодеваясь в новую одежду.

Алхимик дружелюбно махнул рукой:

— Да бери. Мой слуга уж полгода как умер от чахотки. Пользуйся на здоровье.

Гайл кинул Наемнику несколько медных монет.

— Постарайся не привлекать к себе внимания. Ни с кем не разговаривай. Харчевня по правую сторону от площади, ее трудно не заметить. Советую отведать свиные ребрышки под острым соусом. Лучшее блюдо в Залардане. Я позже к тебе присоединюсь.

Наемник, ничего не ответив, развернулся и вышел из помещения, напоследок хлопнув дверью с такой силой, что торчавший в ней топор шлепнулся на пол.

— Нервный какой-то, — алхимик пожал плечами. — Вы ему доверяете?

— Доверяю, — заверил Гайл усаха, — побаиваюсь его немного. Но, в принципе, доверяю.

— Ну, дело ваше.

— Так что там с моим зельем? И судя по твоему интересу к дивному оружию моего спутника, осмелюсь предположить, что ты еще и механик. У меня тут есть одна вещица, на которую я бы хотел, чтобы ты взглянул.

ГЛАВА 12

*в которой Наемник устраивается на работу в харчевню,
а Гайл изучает свое отражение в зеркале*

Новая куртка из козьей кожи действительно пришлось Наемнику по размеру. меховая внутренняя подкладка приятно согревала тело. А вот подаренные штаны хоть и были теплыми, но оказались слегка великоваты. Наемник не жаловался на столь незначительное неудобство. В конце концов, если понадобится, он сможет раздобыть более подходящую одежду.

Оранжевое солнце лишь слегка прогрело воздух, но и за это он не преминул возблагодарить известных ему святых. Наемник очень хорошо запомнил пробирающий до костей холод нурлинской ночи. Холод хранил в себе больше опасности, чем все киллеры, посягнувшие на его жизнь. Холод был тем противником, с которым нужно было считаться.

На этот раз местные жители пялились на него с меньшим интересом. Возможно, привычная в этих местах одежда помогла Наемнику затеряться в городском потоке. Он проталкивался

сквозь толпу уличных торгашей и зазывал, стараясь выглядеть непринужденно. В кармане позвякивали медяки. Его, как надоедливого мальчика, выгнали на улицу, снисходительно наградив горсткой мелочи на леденцы.

Инициативный усач не внушал Наемнику большого доверия. Альмогавар старался не думать о том, как алхимик безбожно уродует его мушкарду. Да и не стоило Гайла оставлять без присмотра. В конце концов, роль Наемника сводилась именно к тому, чтобы следить за Гайлом и предотвращать любые грозящие ему опасности. Но Наемник так же нуждался в уединении, ему было просто необходимо привести мысли в порядок, а монотонный гомон горожан очень хорошо способствовал этому. Чужой мир с чуждыми ему обычаями. Требовалось как можно скорее отбросить предрассудки и просто принять свою участь как нечто неизбежное. Ремесло не раз приводило Наемника на разные континенты, там тоже были свои причуды и обычаи. Но все же, куда бы судьба ни забрасывала его бесстрашный отряд, везде встречались люди. Да, некоторые были менее дружелюбны. Некоторые были дикими, пожирающими друг друга, аборигенами. Но, тем не менее, это были люди. А здесь...

Хромой мальчишка в лохмотьях преградил путь Наемнику. Ладонь его просительно вытянулась вперед. Наемник потеребил горсть монет в кармане и, мгновение поколебавшись, оттолкнул навязчивого попрошайку в сторону. Тот, упав, прокричал вслед Наемнику какое-то проклятие. Толпа одобрительно рассмеялась. Наемник продолжил свой путь не оглядываясь.

Харчевня располагалась напротив здания городского совета. Верхние этажи, очевидно, служили гостиницей. Над распахнутыми дверями громоздилась потертая вывеска. Надпись гласила: «Харчевня у Борумбдара. Самое лучшее меню в городе и чистые номера».

Наемник огляделся вокруг, но так и не нашел в пределах видимости иного места для коллективного приема пищи. Очевидно,

«Харчевня у Борумбдара» была единственным гастрономическим заведением в городе. Желудок Наемника требовательно заурчал. Сухой гномий паек, отобранный у разбойников, вряд ли планировался с расчетом на то, чтобы утолить голод здорового рослого мужчины. Наемник собрался было ступить на порог харчевни, но тут в дверях показалась тучная фигура. Массивный здоровяк с обвисшими щеками и брюхом заслонил собой весь дверной проем. В руках у него извивался щуплый бородатый старичок в засаленном белом фартуке.

— Лучше по добру убирайся! — остервенело кричал старичок, стараясь сохранить достоинство, что в данном положении давалось ему непросто. — Всех клиентов нам распугаешь, алкаш недоделанный. Не заставляй меня звать стражу!

Великан яростно зарычал, да так, что даже Наемник едва устоял на ногах от такой концентрации алкогольных паров. Узкие, туго соображающие глазки налились красным. Здоровяк был явно не сторонник трезвости, и по его внешнему виду можно было предположить, что к горячительным напиткам он имел склонность приложиться с раннего утра.

Очень занятное представление, но пустой желудок по-прежнему подавал требовательные позывы. Да и бескорыстной доблестью Наемник не сильно-то отличался. Он собрался было протиснуться в дверь, минуя сию массивную тушу, но здоровяк заслонил своим тело весь дверной проем.

— Будь проклят тот день, когда меня угораздило нанять Огра! — не успокаивался бойкий старичок. — Ты уволен! Что здесь непонятно? А теперь поставь меня на землю.

Обиженный великан еще выше поднял старичка, явно намереваясь разmozжить его о мостовую. У порога харчевни начала собираться толпа зевак. Со скучающим видом они наблюдали за происходящим. Желающих помочь беззащитному старичку в толпе явно не наблюдалось.

— Стража! Убивают!

Пара молодых солдат, патрулировавших площадь, отвернулись в другую сторону и с интересом принялись изучать здание городского совета, всем видом демонстрируя свое отношение к назревающему конфликту.

— Две серебряные монеты тому, кто прогонит этого любителя опустошать винный погреб! — прокричал старичок в толпу.

Народ никак не прореагировал на данное предложение. То ли плата была смехотворной, то ли противник представлял собой немалую угрозу. Наемник не являлся специалистом нурлинской экономики, единственные местные деньги, которые он видел, лежали у него в кармане. А какой уважающий себя наемник согласится на работу, предварительно не прикинув, достойную ли оплату предлагают ему и оправдан ли риск?

— Четыре серебряные монеты! — поспешил исправиться старичок. — А еще сытный ужин и специально для приезжих комната в нашей гостинице!

Это предложение Наемник воспринял уже куда с большим интересом. Деньги деньгами, но вот обещание сытного ужина звучало весьма заманчиво.

— Эй ты, а ну поставь дедушку на место!

Толпа ахнула от неожиданности. Великан нерешительно замер с поднятой над головой ношей. И лишь маленькие глазки бегали из стороны в сторону в поисках нарушителя спокойствия. Его озлобленный взгляд остановился на Наемнике.

— Ээтыкто? — односложно промычало существо.

Толпа инстинктивно отступила назад, давая Наемнику возможность беспрепятственно урегулировать конфликт. Великан сделал угрожающий шаг навстречу. Вид противника был страшен. Из бездонных ноздрей валил смрадный пар. Мушкарда была бы здесь как нельзя кстати. Но за неимением смертоносного оружия, Наемнику ничего не оставалось, как прибегнуть к другой тактике боя — хитрости.

Порывшись в кармане куртки, он достал одну медную монету. Лицо великана слегка преобразилось. На нем отображалось не только неизлечимое скудоумие, теперь в его глазах явно читалась присущая всем пьянчугам и грубиянам обыкновенная первобытная алчность. Наемник для пущего эффекта поводил монетой перед глазами здоровяка.

— Ээдаймнешас! — промычалو существо и двинулось на Наемника.

Тот, сделав шаг назад, небрежно бросил монету себе под ноги. Медяк звякнул о мостовую. Великан опустил старика на землю и потянулся за монетой. В это же мгновение Наемник выхватил из-под куртки свой меч и нанес сокрушительный удар рукоятью по темени великана.

— Ээтчто? — озадаченно хмыкнул увалень.

Наемник повторил свой удар, затем еще раз. Кисть ныла от боли, но ожидаемого эффекта не произошло. Великан, возмущенный такой неслыханной подлостью, взревел и резко выпрямился во весь рост. Не успевший отскочить Наемник беспомощно повис на его массивной шее. Ожившая толпа бросилась в разные стороны. Великан крутился и махал ручищами, пытаясь скинуть надоедливово противника. Наемник продолжал неистово наносить удары по лысой голове. С таким же успехом он мог отшлепать слона беличьим хвостом. Глаза всех собравшихся на площади были обращены к нему. Что там говорил Гайл? Не привлекай к себе внимания и ни с кем не разговаривай?

Великану таки удалось сбросить с себя противника. Наемник кубарем покатился по мостовой, но тут же вскочил на ноги, принимая боевую стойку. Меч лежал где-то в стороне, и теперь оставалось полагаться лишь на свою силу и ловкость. «Ужин и чистая комната? Где-то я продешевил». Строго пообещав себе впредь не принимать столь поспешных решений, он с боевым кличем бросился в атаку. Здоровяк расставил ручища, готовясь поймать

противника, как полевого зайца. Но Наемник, проскользнув у того между ног, бросился ко входу в харчевню. Толпа разочарованно загудела, предположив, что Наемник попросту решил сбежать, тем самым избежав избиения.

Великан кинулся вдогонку. Его тяжелые сапоги громыхали по мостовой, а из пасти извергался леденящий душу рев. Наемник, резво взбежав на крыльцо, начал карабкаться вверх по дверному косяку. Когда увалень догнал его, Наемник ухватился обеими руками за массивную вывеску «Харчевня у Борумбдара. Самое лучшее меню в городе и чистые номера». Здоровяк огромной ручищей схватил Наемника за ногу и что есть силы потянул вниз. Ветхие тросы, на которых держалась вывеска, не выдержали и лопнули. На этот раз все произошло именно так, как спланировал Наемник. Тяжелая деревянная вывеска с глухим шлепком припечатала по лбу разъяренного великана. Любитель опорожнять винные погреба несколько раз растерянно моргнул. Затем его массивная туша медленно осела на крыльцо. В конце концов, во что с трудом верилось, враг был повержен.

Наемник поднялся на ноги, отряхиваясь от пыли. Откуда ни возьмись, подбежала городская стража и деловито уволокла здоровяка за ноги подальше от любопытной толпы. Народ еще немного послонялся у харчевни, но, убедившись, что веселье закончилось, медленно начал разбредаться.

— Молодой человек, как отблагодарить мне вас? Приятно видеть, что в наши времена тяжкие не перевелись на Нурлинь доблестные рыцари выручить старика беззащитного готовые без корысти всякой да без умысла меркантильного нажиться на горе чужом.

Бородатый старичок в фартуке добродушно улыбался и кланялся. Теперь, когда тот стоял на ногах, Наемник мог без сомнений определить, что этот тип принадлежал к тому же роду, что и бородатые разбойники, напавшие на них у болота. Старик

в фартуке был гномом. Своей затейливой речью он явно пытался сбить Наемника с главной сути инцидента. Но Наемник был тертым в таких делах и сразу же потребовал то, что ему полагалось по праву:

— Не утруждайте себя многоречивыми благодарностями, любезный. Я прекрасно слышал о четырех серебряных монетах, ужине и комнате. Посему, дабы не отнимать ваше драгоценное время, готов принять свою плату незамедлительно.

Плечи старичка поникли.

— Ну да, разумеется. Веком сим недобрым мамона правит, везде расчет холодный. Ни тебе добродетели, ни слова доброго. Каждый выгоды ищет и озолотиться как, — он грустно оглядел лежащую на крыльце разбитую вывеску. — Ну кто я, чтобы слова на ветер бросать? Четыре монеты значит? Но вот вывеска новая, как минимум, два серебряника. Да и толпу клиентов вы, мил-человек, распугали мне. А семью за что кормить прикажете мне? Родственники — дармоеды, только требуют, чрево их ненасытное. Не покладая рук тружусь в поте лица денно и нощно. Опасности жизнь свою подвергаю неоднократно.

— Вывеска ваша, простите за прямоту, хлам какой-то. Я на это сразу внимание обратил. Иначе бы и не полез на нее. На то и был расчет. Да и со временем она сама бы оборвалась кому-нибудь на голову. Так что я, может, вашего клиента какого спас.

Старик немного повеселел:

— Твоя правда, странник, вывеска немного припылилась. Но все равно из награды твоей вычту, не обессудь. Времена такие, каждый медяк на счету.

— Охрану бы наняли что ли, — смягчился Наемник, провожая взглядом стражу, которая, надрываясь, тащила великана по мостовой, — а то всякий сброд шастает.

— Эх, — сокрушенно вздохнул старик, — да дело тут такое, Огр этот, как бы выразится вернее... В общем, он и есть охрана. С виду такой весь надежный, крепкий. Плату смешную просил.

Грех было не нанять. Кто ж ведал о том, что он к бочке винной приложиться любитель страстный? А попробуй такого выдвори, чуть всю мебель не переломал, окаянный.

Старик достал из кошельа две монеты и скрепя сердце протянул их Наемнику.

— Вот, плата твоя. Про ужин и комнату не бойся, не забывал я. А если чего еще хочешь, то отработать придется. У меня тут место вакантное освободилось, как сам видишь. Пойдешь ли ко мне на службу?

— Я здесь вряд ли надолго, — немного поразмыслив, ответил Наемник, — но за предложение спасибо.

— Эх, и куда вы, молодежь, все рветесь? Неужто тебе осесть не охота, корни пустить да детей завести? Ну хоть день на меня поработай. Видишь, приезжих сколько? Караван прибыл. А за порядком смотреть некому. Соглашайся. Не все ли равно тебе? Или дела какие неотложные есть? А работа не пыльная.

Наемник, с мгновение поколебавшись, устало кивнул. Старый гном умел вести переговоры, этого у бородача не отнять. А, собственно, почему бы и нет?

— Сколько платишь? — поинтересовался Наемник, деловито скрестив руки на груди.

— Двадцать медяков в день, плюс еда и чистая постель. По рукам? Наемник пожал протянутую ладонь.

— Ну и отлично, — обрадовался старик, добродушно ткнув Наемника в бок. — Добро пожаловать на службу. Можешь звать меня Борумбдар. Но при людях обращайся ко мне «хозяин».

— Не совсем тот эффект, на который я рассчитывал, — отозвался Гайл, скептически разглядывая свое отражение в зеркале. — Не подумай, что ставлю под сомнение твой профессионализм, но ты уверен, что ничего не напутал со своим зельем?

Мазереп задумчиво погладил усы и заверил Гайла, что это прогнозируемый побочный эффект и в ближайшее время зелье завершит процесс полного восстановления.

— И как мне прикажешь на люди показываться в таком виде?

— Не вижу ничего ужасного в таком положении вещей, — обидчивым голосом проговорил алхимик. — Вы просили меня, чтобы я попытался разрушить действие зелья Мирри. Я сделал все, что в моих силах. Процесс полного восстановления может занять некоторое время. Но я уверен, к утру вы вновь сможете принимать ваш естественный облик Огненного пса.

Гайл зарычал на свое отражение и, повернувшись к алхимику, требовательно заинтересовался:

— Что там с устройством?

— Я мало что сообщу вам, старейшина Мардагайл. Если бы вы смогли раздобыть рабочий экземпляр... Но одно могу с уверенностью утверждать: подобной технологии на Нурлинь мне еще не довелось встречать. Я бы мог предположить, что это устройство попало к нам через контрабандный канал, во время Ярмарки миров. Но нам прекрасно известно, как таможня тщательно проверяет все торговые суда, посещающие Нурлинь. Да и ни одна из союзных планет не заинтересована в том, чтобы снабжать Нурлинь продвинутыми технологиями и опасным оружием.

Алхимик сидел за столом, разбирая на мелкие детали разбитое устройство, которое ему дал Гайл. На носу его покоились причудливые очки с витиеватыми медными дужками. Несмотря на довольно крупные пальцы, алхимик виртуозно орудовал мелким инструментом. В каждом его действии угадывалась расчетливость и кропотливость, которым бы позавидовал самый искусный ювелир.

— Вне всяких сомнений, это устройство не прибыло к нам из другого мира. Тот, кто соорудил его, наверняка почерпнул свои знания на какой-то технически развитой планете. Но некоторые

из деталей были изготовлены здесь, на Нурлинь. К примеру, вот эти шестерни.

Гайл подошел к алхимику и склонился, вглядываясь в разложенные на столе детали.

— Вот эти шестерни, к примеру, были изъяты из карманных часов марки «Ефа-1».

— Ты хочешь сказать, что для изготовления этого прибора пришлось разобрать часы? Я видел несколько таких приборов. Если тот, кто их изготовил, использовал детали из «Ефы-1», то, возможно, выйдя на оптового покупателя, мы сможем найти того, кто пытается меня убить. Если память мне не изменяет, такие игрушки не каждому богачу по карману. Сколько точек реализации этих часов тебе известно?

— Модель действительно не из дешевых, — согласился алхимик, — но ее можно без труда найти в любой часовой лавке, коих тьма по всей Нурлинь. Но я, кажется, могу сузить поиски до минимума.

Алхимик протянул Гайлу свои очки и указал пинцетом на одну из деталей.

— Как видите, здесь идеальная отполированная поверхность. Но для изготовления «Ефы-1» здесь требовалось бы проделать маленькую щель для соединения с пружиной. Но почему-то я этой щели не наблюдаю.

— Может, деталь бракованная?

— В том-то и дело, что нет, — возразил алхимик, — она безупречна.

— Так в чем тогда проблема?

— Проблема в том, что эта деталь недоделана. И, судя по всему, это не простой недосмотр. На каком-то этапе изготовления данную деталь не завершили и сделали это сознательно. Очевидно, человек, который работал на производстве, в какой-то момент снял деталь с конвейера...

— ...чтобы затем использовать ее для изготовления данного переговорного устройства, — закончил мысль алхимика Гайл.

— Совершенно верно, — согласился алхимик. — И есть только одно место, где изготавливаются эти шестерни. Единственный завод по производству сертифицированной продукции «Ефа» находится в Ефиле и принадлежит гильдии механиков.

— Если гильдия механиков замешана в этом деле, то страшно даже предположить, с чем мне еще предстоит столкнуться на пути, — поникшим голосом высказал свои опасения Гайл. — Ты уверен, что в этом устройстве нет магии?

— Да, это, без сомнений, продукт инженерной мысли. Изобретение воистину гениальное, но к магии никак не относящееся.

— Интересно, сколько таких устройств на Нурлинь? — Гайл беспокойно зашагал по комнате, разглядывая стоящие на полках банки. — Любой незнакомец может иметь при себе такую штуку для связи с Хозяином.

— Точную цифру я назвать не могу, — отозвался алхимик, — но, судя по строению и сложности механизма, возьмусь предположить, что при помощи данного устройства можно поддерживать связь с не менее сотней подобных приборов. Вот если бы мне удалось его починить...

— Нет! — рявкнул Гайл так, что алхимик подскочил от неожиданности, роняя на пол хрупкие детали. — Ни в коем случае этого делать нельзя. Все уничтожь. Или ты хочешь, чтобы нас нашли?

— Но...

— Никаких «но». Слишком опасно. Я узнал то, что мне требовалось. Больше надобности в этой штуковине нет. Уничтожь прибор.

Широкие плечи алхимика смиренно поникли. В нем шла внутренняя борьба между любопытством и страхом. Судя по всему, силы начали возвращаться к Огненному псу, и злить старейшину по пустякам не было никакой надобности.

Алхимик встал из-за стола.

— Ну тогда на этом все. Мушкардой вашего друга я займусь позже, возможно, мне придется с ней провозиться до самого утра.

— Я не собирался останавливаться в Залардане на ночь.

— У вас нет другого выбора. Ваше состояние еще нестабильно, — алхимик протянул Гайлу небольшой мешочек. — Принимайте по две пилюли каждый час, чтобы уменьшить боль. Завтра утром заскочите ко мне, и я раздобуду вам еще пилюль, заодно заберете оружие вашего друга.

— И как ты посоветуешь мне объяснять прохожим свой внешний вид? — Гайл демонстративно покрутил ладонью у своего лица.

— Вы — старейшина, ведь неспроста ходят слухи о вашей мудрости и изобретательности. Что-нибудь да придумаете. По мне, так отличная маскировка. Учитывая, что вас разыскивает городская стража.

Гайл бросил на стол несколько золотых монет.

— Завтра на рассвете мы заберем мушкарду и покинем город. Надеюсь, мне не стоит напоминать, что никто не должен знать о моем присутствии в Залардане?

— Обижаете, старейшина.

— Я больше не старейшина, — устало отмахнулся Гайл.

Покинув лавку алхимика, он направился в харчевню разыскать своего товарища.

«Работа не пыльная, говоришь?» — ворчал себе под нос Наемник, волоча из харчевни очередного пьянчужку. Заведение гудело и, казалось, находилось в непрерывном движении. Толпа приезжих, еще не успев снять комнату, уже вовсю опустошала гастрономические запасы Борумбдара. Предприимчивый гном выглядел вполне довольным таким притоком изголодавшейся клиентуры. Радостно потирая руки, он едва успевал считать выручку и отдавать приказы суетившемуся персоналу.

Поначалу Наемник жалел, что согласился на эту временную работу. Деньги у него и без того имелись. А непрестанно следить за тем, чтобы никто из посетителей не начал буяннить или ломать мебель, было занятием изрядно выматывающим. Хотя, с другой стороны, плюсы тоже присутствовали: его накормили плотным обедом, не взяв ни пени, а где-то там, в ближайшем будущем, его ожидал обещанный ужин. Также в помещении было тепло, что не могло не радовать. В огромном камине потрескивали дрова, а в каждом углу стояли обогреватели на треножниках, в которых «благоухало» масло лапедоса. Все лучше чем мерзнуть на улице.

Наемнику вручили вылинявший фартук бледно-оранжевого цвета, и теперь он полностью растворился в бытовой суете данного заведения. Никто на него не обращал внимания, словно он здесь был не новичком, а обыкновенным придатком к лишнему колорита интерьеру. Пользуясь таким положением, Наемник пристально изучал посетителей. Местные жители ближе к вечеру начали подтягиваться в харчевню перекусить, выпустить пар после тяжелого трудового дня и, разумеется, поглазеть на приезжих.

Поначалу Наемника бросало в дрожь каждый раз, когда на пороге харчевни появлялось очередное диковинное создание, коего ему лицезреть еще не доводилось. Но со временем он свыкся с таким многообразием местной фауны. Одно радовало — все эти существа имели приблизительно одинаковые гастрономические предпочтения, и Наемник мог не опасаться, что какой-нибудь очередной посетитель решит накинуться на соседний столик, чтобы сожрать представителя иной расы.

Требовательно стучали пустые кружки о стол, непрестанно раздавался синхронный звон ложек и беззаботное чавканье. Народ выглядел сытым и довольным, хозяин тоже. Что нельзя сказать об остальном персонале. Запыхавшиеся кельнеры шныряли по харчевне с подносами и сервировали столы, всем своим

видом стараясь скрыть усталость и раздражение. Им, очевидно, недоплачивали за подобные суетливые деньки.

Возле одного из обогревателей сидела маленькая чумазая девочка лет шести. Словно затравленный зверек, она опасливо глядела на посетителей. На ее исхудалом лице читалась усталость. И судя по тому, как жадно девочка разглядывала блюда с многочисленными яствами, можно было сделать вывод, что питалась она изрядно плохо. Взгляд Наемника неосознанно остановился на ней. К детям альмогавар относился равнодушно, как впрочем и ко всем остальным людям. Хотя если бы ребенок имел достаточно средств, чтобы его нанять, тогда другое дело. Но это никак не меняло того факта, что он не имел привычки переполняться сентиментальным умилением при виде очередного беззубого сорванца. Девочка заметила, что Наемник изучает ее. Их глаза встретились. Что-то во взгляде девочки заставило его внутренне сжаться. Это ему не понравилось, и Камо поспешно отвел глаза, стараясь поскорее избавиться от этого неприятного ощущения.

Кто-то сильно толкнул его в бок. Лишь один человек в этом заведении мог позволить себе такие вольности.

— Ну что, Камо, работа кипит. Круговорот еды в природе. Народ кушает — мы зарабатываем денежки.

— Ты хочешь сказать, ты зарабатываешь денежки? — поправил Наемник гнома.

— Ну ты брось мне пессимистические закидоны энти, — насупилс хозяин харчевни. — Не вноси в ряды мои смуту, внутрикорпоративные бунты не поощряем мы здесь. Я для вас все стараюсь, рабочие места вам предоставляю и плачу регулярно да без задержек. Ты мне скажи, как странник, небось, много мест повидал, как ты заведение мое находишь?

Наемник смягчился и добродушно потрепал Борумбдара по плечу:

— Не кипятись, хозяин. Харчевня твоя — что надо. Место уютное, теплое. Расположение хорошее.

Рот гнома начал расплзаться в довольной улыбке. Кто не любит слушать лесть в свой адрес? Но прямолинейный Наемник продолжил:

— Но вот меню, по правде, скудноватое. Видно, в этом бизнесе ты уже давно, и, наверно, собаку съел... Рис твой, совсем прелый, таким разве что курей кормить. Понимаю, что у вас тут гарниры не большим спросом пользуются, видел, как все мясо поедают, но профессионал в каждом деле должен выдерживать планку. Вот если к рису добавить шафран, масла оливкового, рыбу какую... Сковорода большая, думаю, у вас имеется?

— Имеется, — кивнул гном, явно заинтересовавшись описанием невиданного ему доселе блюда, — ты дальше продолжай, чего там еще нужно? Сколько готовить? На каком огне? Я сейчас повариху кликну, пусть все законспектирует. Хороший рецепт дорого стоит.

Наемник задумался, скептически глядя на суетящуюся у плиты матрону.

— Многого стоит, говоришь? Ты знаешь, давай по-другому поступим, какой уважающий себя испанец позволит бабке неграмотной паэлью готовить? Раздобудь мне ингредиенты, и я, так уж и быть, наглядно продемонстрирую твоим кухарям, как это блюдо готовится.

— Неужто ты и впрямь готов оказать мне услугу энту?

— А почему бы и нет? — пожал плечами Наемник. — У плиты мне стоять не впервой. Паэлья — любимое блюдо солдат. Две серебряные монеты — и рецепт твой.

Гном аж икнул, возмущенный такой наглостью.

— А чему ты удивляешься? Сам сказал, что рецепт хороший многого стоит. Мы с тобой люди предприимчивые и цену времени знаем. Да и не забыл я, как за вывеску ты с меня две монеты востребовал.

— Прелый рис у нас, говоришь, — гном поцокал языком. — Правда твоя. Давай так поступим, после ужина народа поубавится,

и я позволю тебе на моей кухне покомандовать немного. Коль выйдет что съестное, то дашь мне отведать. Если эта твоя паэлья действительно такой деликатес, как ты его нахваливаешь, то так уж и быть, дам тебе монету. Но не стану я деньги наперед платить, сам не зная за что. Так дела я не делаю, а то уже давно по миру пошел бы.

Наемник кивнул, гном собрался было уходить.

— Постой, — придержал его Наемник за локоть, — одно хотел тебя спросить.

— Чего еще? — фыркнул деловитый гном. — Говори скорее, а то, пока болтаем мы здесь, работы меньше не становится.

Наемник указал пальцем на чумазую девочку, которая жалась к обогревателю.

— Кто это?

— Ах, эта... — гном небрежно махнул рукой в сторону девочки, — это Марфа, голодранка и попрошайка. Ее родители, пусть Эмихол будет глух к молитвам этих нелюдей, гостили в нашем заведении с месяц назад. Наутро позавтракали и скрылись в неизвестном направлении, не рассчитавшись. Вместо платы дочурку свою оставили.

— Они забыли своего ребенка? — брови Наемника слегка приподнялись от удивления.

— Ты глухой, али что? — Борумбдар покачал головой, дивясь простодушию Наемника. — Говорю же, оставили они ее. Умышленно. Люди неблагонадежные, можно даже сказать, криминальные элементы. Видно, девочка им была в тягость, вот и решили ее забыть, черти бессердечные. Одно спасибо, что не посреди пустоши бросили.

— И что теперь с ней будет? — Наемник старался, чтобы его голос звучал равнодушно.

— А что будет? Что будет, то и будет, во как. Стража городская лишь плечами пожала, мол, бездомными не занимаемся, не обессудьте. А мне что делать прикажете? Выставь я ее на улицу,

так весь город извергом окрестит. А сами-то, благодетели, хоть бы кто ее к себе домой взял. Вот и торчит она тут у всех на виду. Греться я ей позволяю, а вечером она со столов помогает прибирать да объедки доедает.

— Не боишься, что она клиентов отпугнет? Может, спрятать ее куда?

— На то и расчет. Мож кто пожалеет дитя, да и заберет ее из сострадания с глаз моих. Была б она постарше, так уж и быть, нанял бы в прислугу. А так, что проку.

Наемник ничего не ответил, продолжая глядеть на девочку.

Гном кивнул, словно соглашаясь с каким-то невидимым собеседником, и поспешил на кухню, крича:

— Зегильда! А ну, поди сюда, вертихвостка! Что это люди жалуются, что у тебя рис прелый?

На кухне послышалась возня, крики, звон посуды. Но Наемник оставил это без внимания. Еще немного понаблюдав за девочкой, он направился к одному из столов, видя очередной назревающий конфликт между посетителями. Приблизившись, он грозно поглядел на разбушевавшихся клиентов, которые что-то не поделили. Завидев Наемника, они враз притихли и принялись поедать свои харчи, понуриив головы.

«То-то! Пока я здесь на службе, в харчевне должен быть покой и порядок», — подумал Наемник. И, насвистывая, принялся прохаживаться между плотно стоящими столами, прокручивая в голове все известные ему способы приготовления паэлы.

ГЛАВА 13

*в которой Наемник готовит паэлью
и встречается с Хадлеаром*

Время шло, горы грязной посуды сменялись дымящимися сытными блюдами. Приезжие гости, утолив голод, разбрелись по своим комнатам, предпочтя заслуженный отдых шумному гомону харчевни. Их можно было понять: некоторые провели в пути с караваном несколько дней и теперь, наконец, могли погрузиться в лоно чистых постелей. Те же, кто помоложе и поэнергичней, по-прежнему сидели в харчевне, шумно пересказывая изрядно преувеличенные истории своего путешествия.

Наемник со скучающим видом наблюдал за посетителями, то и дело поглядывая на входную дверь. Легкая тревога закрадывалась в сердце. Гайл сказал, что как только разрешит все дела с алхимиком, присоединится к нему в харчевне. Шли часы, а юноша все не появлялся. Альмогавар подавил желание наведаться в лавку к алхимику, проверить, все ли в порядке с его приятелем. Но, помня, какие холодные на Нурлинь ночи, Наемник опасался, что

своим появлением у алхимика поторопит юношу в путь. День клонился к вечеру, и было очевидным, что им придется остаться в городе на ночь. Такое стечение обстоятельств воина вполне устраивало. У Гайла была какая-то одному ему известная миссия, но Наемнику не было до этого дела. Эту ночь он планировал провести в теплой постели, а не в пути под холодным открытым небом. Требовалось восстановить силы, да и в харчевне все было более-менее спокойно. Все опасности, с которыми уже довелось столкнуться, застали его в пути. Что может произойти с ним здесь, на глазах у стольких свидетелей?

Перехватив суетившегося Борумбдара, Наемник потребовал комнату с двумя кроватями, объясняя тем, что путешествует с младшим братом, за которым должен присматривать. Гном поначалу ни в какую не соглашался, только за дополнительную плату. Но Наемник поднял вопрос о своем немедленном увольнении, и гному ничего не оставалось, как признать поражение. К тому же Наемник еще должен был поделиться с ним тайнами кулинарного искусства.

Дверь со скрипом отворилась. В харчевню вошел посетитель, лицо его скрывалось под капюшоном. Подойдя к свободному столу, он осторожно присел и принялся нервно оглядываться по сторонам. Служанка заинтересовалась, чего он желает отобедать. Посетитель сделал заказ. Девушка быстро кивнула и поспешила прочь от загадочного гостя. Лицо ее при этом стало мертвенно-бледным, словно она увидела черта. Наемник взгляделся внимательнее в посетителя. Лицо, прятавшееся под капюшоном, было покрыто лохматой рыжей шерстью. Блеск клыков сверкнул на мгновение, и посетитель, смутившись, поспешил закрыть рот не менее мохнатой лапой, пальцы которой увенчивали длинные когти.

Служанка подошла к Борумбдару и что-то шепнула на ухо. Гном немедленно подозвал к себе Наемника.

— Вербульфов нам тут еще не хватало, — шепнул он своему охраннику. — В моей харчевне мы, конечно, нелицеприятны к

любым расам, но от этих типов только и жди неприятностей. Да и какой-то он неправильный, больно мелкий и не сутулится, как положено. Даже и не знаю, что думать. Поди-ка ты расспроси его, кто такой и зачем к нам пожаловал. Только не зли, а то, если это и впрямь вервульф, он здесь половину клиентов загрызет еще до того, как стража на порог заявится.

— Раз дело настолько серьезное, может, сразу кликнуть стражу? — предложил Наемник, не горя желанием связываться с опасным субъектом.

— Да ты не дрейфь, — добродушно толкнул его гном в бок, при этом голос его прозвучал преувеличенно бодро, — я ж говорю, мож это вервульф, а мож и нет, разберет кто? Дело пустяковое, говорю. Пойди, потолкуй с клиентом, прояви гостеприимство. Только зубы не показывай, а то не так поймет еще... Ну, ты иди.

Гном, подтолкнув Наемника вперед, сам благоразумно отступил, готовый в любой момент ретироваться за барную стойку. Наемнику ничего не оставалось, как направиться к таинственному посетителю.

— От имени хозяина нашего заведения хочу поприветствовать вас в Залардане, — деловито начал Наемник. — Будут ли у господина какие пожелания? Чем обязаны такому вниманию к нашим краям?

Мохнатое существо подпрыгнуло на стуле от неожиданности. Зоркие круглые глазки пристально впились в Наемника. Тот благоразумно закрыл рот, помня наставление гнома о зубах.

— Камо? — прорычало существо удивленным голосом. — Что это за маскарад? Что значит твое «чем обязаны такому вниманию к нашим краям»? Ты в своем уме?

Наемник слегка опешил, не зная, как реагировать на такое заявление.

— Не помню, чтобы упоминал свое имя...

— Я всего лишь сказал тебе, чтобы ты подождал меня в харчевне и ни во что не встречал. Как понимать этот фартук?

— Гайл? — Наемник удивленно приподнял бровь. — Но как?..

— Алхимик не сумел снять действия зелья, в таком виде я буду вынужден находиться некоторое время... Но это болезненная тема, поэтому давай ее оставим. Ты мне лучше скажи, что все это значит? — Гайл обвел мохнатой рукой харчевню.

— Тебя долго не было, — начал оправдываться Наемник, — я малость повыяснял отношения с каким-то невменяемым Огром, а затем появилось вакантное место охранника и меня наняли на работу.

— И это ты называешь «затаиться»? Ты в курсе, что на нас объявлена охота? В городе полно стражи.

— Насколько мне известно, охотятся только на тебя. Мне заплатили два серебряника и двадцать медяков. Должен же я был чем-то заниматься, пока тебя не было. А только я надел этот фартук, то сразу, как по волшебству, стал невидимым для окружающих. Меня воспринимают так, словно я здесь не один год проработал. По мне, так довольно неплохая маскировка. Да и ты, как я погляжу, неплохо потрудились над своей внешностью.

Гайл раздраженно зарычал на Наемника.

— У тебя все в порядке? — испуганным голосом поинтересовался Борумбдар, не спеша покидать укрытие за барной стойкой.

— Все под контролем! — крикнул ему Наемник и успокаивающее поднял большой палец вверх. — Помнишь, я упоминал о младшем брате, который сегодня здесь собирался остановиться на ночь? Я разве не упоминал, что он страдает тяжелым недугом — повышенной лохматостью?

Солнце в очередной раз сдало свои позиции без боя и утомленное укатилось за горизонт, дабы набраться сил для следующего возрождения. Тьма, на правах неотъемлемого фаворита, незамедлительно накрыла Нурлинь своим непроглядным колпаком.

И лишь ледяные звезды все так же безучастно сияли в черноте космоса. День прекратил свое существование, но гудевший своей суетливой жизнью город всячески противился этому обстоятельству. Повсюду ожили масляные фонари, высокие костры чадили едким дымом, патрулировавшая у городских ворот стража зажгла факелы. Прибывшие с обозом крестьяне уже развьючили своих ослов и лошадей и отправили почивать под навес конюшни.

Стоящая у ворот стража настороженно всматривалась в даль, сясь разглядеть во тьме источник нарастающего шума. Судя по топоту копыт, к городу приближался отряд всадников. Вскоре из мрака выплыла фигура в доспехах и плаще, грозно восседавшая на разгоряченном от длительного бега быке.

— Открывай ворота! — властным голосом проревел всадник.

Стража учтиво поклонилась и поспешила выполнить приказ. Хадлеар со своим отрядом прибыл в Залардан и, не сбавляя скорости, направился к городской площади, разгоня криками заевавшихся прохожих.

— Мой капитан, — поприветствовал Хадлеара скрипучим голосом тролль Уфи. Его массивная фигура отделилась от каменной стены, на фоне которой он выглядел как некий придаток городской архитектуры. Хадлеар едва уловимо кивнул в знак приветствия.

— Прибыл караван крестьян из Меилефа. По моим приблизительным... э-э-э, оценкам... много. Пять раз по десять, никак не меньше, — отрапортовал Уфи. — Некоторые остались при обозе, но большинство остановилось у Борумбдара.

— Помимо крестьян, никого, вызывающего подозрение, не заметил? — поинтересовался капитан, спрыгивая с быка и передавая поводья одному из солдат.

Животное грозно фыркнуло на подошедшего, но Хадлеар успокаивающе хлопнул быка по крупу и тот, обиженно понутив голову, позволил увести себя в конюшню.

— По мне, так все они не внушают доверия, мой капитан. Я распорядился, чтобы ворота заперли и никого из города не выпускали до вашего приезда.

— Хорошая работа, Уфи.

Каменное лицо тролля слегка исказилось. Очевидно, то была неудавшаяся попытка благодарно улыбнуться в ответ на похвалу.

— Сомневаюсь, что наши беглецы настолько глупы, чтобы торчать в Залардане, дожидаясь моего приезда. Но проверить следует.

Несмотря на позднее время, в харчевне было все так же многолюдно. В сопровождении троих стражников Хадлеар прошагал к свободному столу. Завидев грозных блюстителей порядка, все посетители благоразумно затихли. И лишь изредка кто-то нервно поерывал на стуле, заставляя ветхую мебель издавать малоприятный для слуха скрип, а обычный перезвон ложек был теперь едва уловим. Никто из посетителей не желал привлекать к себе внимание стражи. Еще менее они горели желанием пасть в немилость к злобному капитану Хадлеару. Тот же, откинувшись поудобней на стуле, принялся пристально изучать присутствующих в харчевне.

Борумбдар лично побеспокоился принять заказ у столь важных посетителей.

— Рады видеть вас, капитан, в краях наших, — почтительно заговорил гном. — Надеюсь, тропы ваши были прямы и путь безопасен. Да хранит непрестанно вас Око Эмихола, и да покроет Длань Его вас в часы опасности неизбежной.

Хадлеар раздраженно фыркнул, отцепляя забрало шлема и расстегивая соединявшую петли плаща брошь. Один из солдат на лету подхватил плащ, прежде чем он, припавший дорожной пылью, коснулся деревянного пола харчевни.

— Что-то не сильно пристально бдит Око Эмихола за порядком в наших краях. Видать молитвы ваши уж не так искренни,

как прежде. Но не принимай это на свой счет, дружище Борумбдар. В конце концов, это моя ноша — следить за правопорядком. И дурной был бы из меня капитан, коли полагался бы я лишь на благосклонность высших сил.

Хадлеар заливисто рассмеялся. Хозяин харчевни, перепуганный переменчивым настроением капитана, тоже пару раз хихикнул, при этом нервно подергивая бороду.

— Что-то ты, Борумбдар, не следишь за своим заведением. Вывеска твоя куда подевалась?

— А... я это... решил обновить ее. Краска выцвела уж давно.

— Это ты верно, — одобрительно кивнул Хадлеар, — обновление — вещь нужная. Неси-ка мне и моим служакам пива и ребер твоих фирменных побольше. И книгу свою прихватить не забудь.

— Какую такую книгу капитан желает, чтобы принес я ему сиюминутно? — с опаской поинтересовался гном.

— Да ту самую, — Хадлеар окинул гнома холодным взглядом, из которого исчезло все напускное дружелюбие, — книгу, где ты ведешь учет всех посетителей, кои в твоём заведении останавливаются.

Гном безропотно кивнул.

— Чего еще капитан желать изволит? Может, комнаты на ночлег?

— В другой раз воспользуюсь твоим гостеприимным предложением, — снисходительно ответил Хадлеар. Не снимая шлема, он потер пальцами лоб, словно пытался унять головную боль. — Принеси нам еду и книгу, будь так любезен. Мы здесь не задержимся надолго.

— Сию минуту исполню все, как господин капитан желает, — раскланялся гном и собрался было поспешно удалиться.

— А это что такое? — придержал его Хадлеар.

Капитан указывал на столик, за которым сидели двое путников, лица обоих скрывались под капюшонами. Один из

кельнеров как раз в этот момент ставил им на стол деревянный поднос с большой сковородой, в которой дымилось что-то аппетитное на вид.

— Это наше блюдо новое, — охотно принялся разъяснять гном, — паэлья называется. Пользуется большой популярностью в нашем заведении. Мое личное изобретение. Готовится с морепродуктами и шафраном...

— Да не стой же тут, как вкопанный, неси и нам поскорее свое фирменное блюдо, раз так нахваливаешь.

— Будет сделано по желанию господина капитана, — в очередной раз раскланялся гном, и на этот раз ему таки удалось отчалить.

Капитан, вновь поудобней раскинувшись на стуле, принялся изучать соседний столик, на котором дымилось новое фирменное блюдо от Борумбдара. Кельнер в оранжевом фартуке добродушно общался с сидящими за столом посетителями, но слова были приглушенными и капитан не мог расслышать разговор.

И тут что-то в собеседниках привлекло особое внимание капитана. Он отстегнул с пояса меч и медленно извлек острое лезвие из ножен. Бесшумно подойдя к соседнему столику, он властно прокричал:

— Эй ты! Покажи свое лицо!

Оба сидевшие за столом посетителя удивленно глянули на капитана. Кельнер в оранжевом фартуке медленно обернулся.

И тут начался суший ад.

Отмотав свиток на несколько абзацев назад, мы сможем понаблюдать за преинтереснейшей картиной. Разумеется, она не сулит нам такого же эмоционального всплеска, как предстоящая схватка с Хадлеаром. Но на правах рассказчика возьму на себя смелость перенести внимание читателя на более меркантильные

вещи. В конце концов, в основном, полотно жизни и вьется вокруг этих приземленных, но таких милых сердцу, мелочей.

Если воспринимать заведение Борумбдара как некий Храм Чрева, где каждый забредший в оное место мог с уверенностью рассчитывать как минимум на хорошую еду, то чем еще могла быть кухня в этом заведении как не святая святых? В небольшом помещении было довольно тесно. Практически весь персонал харчевни собрался, чтобы поглазеть. Еще бы, ведь не часто им улыбались подобные развлечения.

Кельнеры и кухарки толпились у кухонного стола, за которым восседала низкорослая фигура Борумбдара. С важным видом, неспешно, смакуя каждую ложку, гном чувствовал себя новым блюдом. Все хранили гробовое молчание, боясь пошевелиться и тем самым разрушить чары сего мистического таинства. Лишь старая Зегильда, на правах подлинной жрицы кастрюли и половника, пренебрежительно пофыркивала, следя за тем, как эстетично хозяин управляется с ложкой. С невозмутимой улыбкой на лице Наемник наблюдал за этой картиной и, казалось, не обращал внимания на испепеляющий взгляд Зегильды.

Минула целая вечность, когда насытившийся гном все же, нехотя, отодвинул блюдо и утер бороду салфеткой. Он открыл было рот, дабы вынести свой вердикт, но Наемник поднял указательный палец вверх, призывая к молчанию. Откуда ни возьмись, на столе перед гномом вырос стеклянный кувшин, Наемник умелым жестом наполнил прозрачный стакан и пододвинул напиток хозяину харчевни. Тот скептически покрутил стакан в руке, пристально вглядываясь в алую жидкость. На дне стакана плавали нарезанные фрукты.

— Что это за компот такой? — в голосе гнома слышалась нотка разочарования. — Я тебе что, на дитя какое похож?

— Ты пей, пей, — подмигнул Наемник, — с тебя не убудет.

Гном заворчал, но все же прильнул к стакану. Прислуга заворуженно наблюдала, как жидкость в стакане исчезает. Стряхнув на

пол прилипшие ко дну фрукты, Борумбдар уже сам вновь наполнил стакан, и картина повторилась еще раз с точностью до мелочей. Гном, довольный, вытер губы рукавом, пренебрегши салфеткой.

— Надо же, вино и фрукты! Кто бы мог подумать, — поглаживая живот руками, гном улыбался.

— Хорошую паэлью запивают сангрией, — со знанием дела подал голос Наемник.

— Паэлья твоя хороша, врать не буду, чтоб мне лопнуть. И напиток недурен, хоть и не любитель я вина подслащенного.

Гном потянулся к кошельку на поясе и положил на стол две серебряные монеты.

— Разоришь ты меня, Камо, без гроша оставишь старика, а еще и день не завершился. Эх, ну куда ты, скажи на милость, собрался-то? Оставался бы у меня, я б тебя до компаньона повысил, лет через мндцать... Не человек, а кладезь, Эмихол мне ходатай.

— Благодарю за доверие, — любезно ответил Наемник, пряча монеты в карман, — но есть у меня уже компаньон. Да и, по правде сказать, на этом мои кулинарные изощрения исчерпались. Так что при всем желании удивить мне тебя больше нечем.

— Нужно новую вывеску заказать: «Только у Борумбдара, новое фирменное блюдо — паэлья! Не сыскать на всей Нурлинь!»

Наемник закивал, одобряя идею, а предприимчивый гном продолжал:

— Нужно наладить поставки с бухтой Иза. То-то старый проныра обрадуется. Тихое море — единственный источник морепродуктов на Нурлинь... Это может быть даже лучше свиных ребрышек.

Зегильда возмущенно стукнула половником о стол.

— Но-но! Не шуми, женщина! — прикрикнул на нее гном. — Ты лучше скажи мне, все ли запомнила? Внимательно ли законспектировала рецепт? Гляди мне, только попробуй, чтоб у тебя вышло менее аппетитно, чем у нашего друга Камо, в миг на улицу вылетишь!

Повариха, потеряв дар речи, убежала мыть посуду, но даже шум льющейся воды не смог заглушить ее безудержных рыданий.

— Женщины, — раздраженно промолвил Борумбдар, — в каждом найдут соперника. Не бери в голову, Камо. День воистину выдался славный.

На кухню вбежал один из кельнеров:

— Хозяин, там господа отказываются пробовать наши фирменные ребрышки. Требуют, чтобы вы их чем-нибудь удивили.

— Ха! — воодушевленный гном хитро потер руки. — А вот и удивим! Разогрейте им остаток паэлья, проведем эксперимент на живом потребителе. Ты, Камо, сам обслужишь клиентов. Не буду лишать тебя такой чести!

Наемник безразлично пожал плечами.

— И там еще, это... — кельнер с виноватым видом переминался с ноги на ногу.

— Ну чего еще? — насупился гном.

— Там, это... капитан Хадлеар пожаловал, с дружиной.

— А этому что тут понадобилось?.. — еле слышно проворчал Борумбдар. — Ну, ладно, капитаном я сам займусь.

Гном поправил фартук и поспешно покинул кухню. Наемник дождался, когда разогреют блюдо, и понес поднос к столику клиентов. Боковым зрением он увидел нескольких солдат и, очевидно, самого капитана Хадлеара. С непринужденным видом, всячески подражая небрежной походке других кельнеров, он направился к столику, где его ожидали переборчивые в еде клиенты. Появление стражи в харчевне совсем не радовало Наемника. Благо он успел отправить Гайла в опочивальню. Да и вид его компаньон имел весьма плачевный: появлением клыков и шерсти дело не ограничилось. Метаморфозы с телом Гайла продолжались, и Наемнику оставалось лишь искренне посочувствовать своему приятелю.

— Господа, позвольте предложить вам наше новое фирменное блюдо, с наилучшими пожеланиями от хозяина заведения.

Наемник деловито поставил еду на стол и разлил пурпурный напиток по стаканам. Оба посетителя с интересом уставились на еду. Под капюшонами скрывались лица молодых людей, которые вполне были не против плотно перекусить.

— Рис и креветки? — оценивающе глядя на блюдо, заговорил один. — Ну что ж, нужно отведать, перед тем как делать какие-либо предположения. Но попытка нас удивить засчитана. А это что? Компот?

Наемник дружелюбно рассмеялся:

— Не сильно-то налегайте на этот компот. Фрукты служат скорее декоративным элементом и добавляют сангрии пряный оттенок. Но в основе напитка наше лучшее красное вино.

Клиенты пригубили из стаканов.

— Ну надо же, весьма изобретательно! — подытожил один. Второй натянуто улыбнулся Наемнику.

Наемник соврал бы, если бы сказал, что не получает удовольствия от происходящего. Впервые за много дней он был доволен. Несколько дней под палящим солнцем джунглей, а теперь пронизывающий до костей нурлинский холод. Мария... Антонио... Если бы не Гайл, Наемник вряд ли смог отказать предприимчивому гному. А почему бы и нет? Место весьма недурное. Он здесь всего несколько часов, а уже сумел расположить к себе хозяина заведения. Зачем ему все это? Зачем снова куда-то бежать? Может, судьба дарит ему новое начало? Но как быть с ненавистной птицей... Как она прореагирует на то, что он, Наемник, пренебрег ее требованием и бросил Гайла?

— Эй ты! Покажи свое лицо!

Властный окрик прервал размышления Наемника. Медленно он начал поворачиваться лицом к источнику голоса. Без сомнений, таким командным баритоном обладал не кто иной, как капитан Хадлеар. Наемник лишь отрешенно подумал, что меч остался лежать в комнате, где бился в агонии его приятель Гайл.

Острое лезвие меча блеснуло у самого уха Наемника, но, вопреки ожиданиям, капитан стражи не спешил на него нападать. Вернее, он даже не рассматривал этого кельнера в оранжевом фартуке как угрозу. Из-за спины Наемника вылетела самая натуральная молния, но выдавший немало сражений капитан умело отбил ее своим мечом.

— С дороги! — прикрикнул капитан и небрежно оттолкнул Наемника в сторону, подальше от линии огня.

Оба клиента вскочили на ноги, переворачивая стол и занимая боевые стойки. Наемник не верил своим глазам: у одного из клиентов между пальцами плясали разряды молнии. Второй, откинув капюшон, горделиво вскинул голову и, проделав руками некие замысловатые движения, образовал из воздуха сгусток пламени. Лоб его украшала витиеватая татуировка.

— Маги! — крикнул кто-то в харчевне. — Это маги!

В помещении начался настоящий хаос. Обезумевшие от страха посетители вскочили со своих нагретых мест и кинулись к выходу, забыв расплатиться за съеденные харчи. Некоторые опасно попятились, но влекомые любопытством все же решили не упустить такую возможность и понаблюдать за стычкой на безопасном расстоянии.

А тем временем схватка набирала обороты. Трое стражников подоспели на выручку своему господину. Практически сразу же один из них пал сраженный молнией. Маги всю пользовались своим преимуществом, не подпуская стражников близко, чтоб те не имели возможности воспользоваться мечами.

Хадлеар остервенело рубил летящие в его сторону молнии и сгустки пламени. На одном из столов вспыхнул огонь, и несколько кельнеров принялись его тушить. Наемник отрешенно наблюдал за происходящим, пытаясь хоть как-то оценить сложившуюся ситуацию. Хадлеар, устав махать мечом, схватил подвернувшийся

под руку стул и швырнул им в метавшего молнии мага. Раздался треск ломающегося дерева, и один из противников был выведен из игры. Второй маг швырнул огненным шаром под ноги капитану. Кожаные сапоги загорелись и двое стражников поспешили на помощь своему капитану, пытаясь стряхнуть пламя руками.

Наблюдая за учиненным этими недобропорядочными посетителями погромом, в Наемнике начала закипать ярость. В конце-то концов, он здесь как раз для этой цели — чтобы следить за порядком в харчевне. И не позволит каким-то там проходимцам бросать на пол приготовленную им паэлью. Но он также не имел привычки бросаться в бой сгоряча, тем более, что противник использовал не совсем рыцарские методы ведения борьбы. Оглядевшись по сторонам, Наемник обнаружил то, что искал. Взяв с одного стола кувшин и понюхав содержимое, он убедился, что там не слабое разбавленное вино, а явно что-то содержащее немалый градус алкоголя. Второй рукой подхватил пустую кастрюлю и с этим вооружением решил наконец-то присоединиться к сражению.

Не трата времени на пафосные слова и запугивания, без предупреждения он плеснул из кувшина в лицо магу. Обескураженный противник замер в недоумении. С него на пол капала жидкость. Намокшие ресницы слиплись. Встретившись глазами с Наемником, маг грозно зарычал и начал сооружать руками очередную фэйербол.

— Я бы на твоём месте этого не делал, — решил предостеречь противника альмогавар, но тот, разумеется, не внял его словам.

Стусток алого пламени полетел в сторону Наемника. Тот даже и не подумал уворачиваться, а поймал огненный шар в удачно подставленную кастрюлю. В завершение этому трюку он громко звякнул крышкой, плотно закрывая плененный огонь. Лицо мага вытянулось от удивления. Такого поворота он явно не ожидал.

Губы Наемника тронула легкая улыбка. Боковым зрением он видел, как Хадлеар начал подступать к магу. Кастрюля в руках Наемника опасно накалилась. Заточенный в жестяном сосуде огонь рвался наружу. Маг начал формировать новый сгусток пламени.

— Не надо! — крикнул ему Наемник, многозначительно потрясая кастрюлей.

Маг наверняка осознал суть угрозы, но все же решил понадеяться на свою скорость. Новый сгусток пламени полетел в альмогавара. На этот раз он увернулся от снаряда. Затем, молниеносно развернувшись вокруг своей оси, Наемник открыл крышку кастрюли, и влекомый силой инерции огненный шар полетел в мага. Лицо противника вспыхнуло, словно свеча. Еще бы не вспыхнуть, если в вас сначала плеснули спиртовой настойкой, а потом подожгли. Раздался душераздирающий вопль. Обезумевший от боли маг метался из стороны в сторону, пытаясь затушить пламя.

Одно из правил наемников гласило: «Если противник использует превосходящее оружие — обрати его же силу против него». Так альмогавар, собственно, и сделал. Но результат вышел излишне театральным. Хотя Наемник и не страдал мягкосердечием, бездушным садистом тоже не являлся. Бросившись к горящему магу, он перепрыгнул через поваленный стол, на ходу срывая свой фартук и накрывая противника, как колпаком. Они оба повалились на пол. Наемник плотно закутывал фартуком голову мага, рассчитывая на то, что из-за нехватки кислорода пламя угаснет. Противник остервенело отбивался, нанося по спине Наемника ощутимые удары.

Кто-то схватил Наемника за горло и с силой оторвал от пола. Не тратя времени на размышления, Наемник нанес несколько ударов противнику: локтем в живот, ребром ладони в лицо и пятой в пах. Хватка противника ослабла, и Наемник, извернувшись, вырвался из объятий врага. Перед ним стоял метаящий молнии второй маг. Брошенный Хадлеаром стул вывел его из игры лишь на малое время.

— За Нурлинь! — выкрикнул маг и запустил молнией в грудь Наемнику. На этот раз уворачиваться было некуда, и Наемнику ничего не оставалось, как сгруппироваться и принять удар. Мощным разрядом его сбило с ног. Неописуемая боль обволокла подобно кокону. Все тело, казалось, одновременно сжималось и грозило разорваться на клочки.

«Проклятая планета, — бурлили мысли в голове Наемника, — а я, болван, расслабился. Паэлью готовлю, кланяюсь и улыбаюсь всякому сброду. Повар недоделанный. Здесь же каждый цветок грозит тебя убить».

Тем временем маг атаковал Хадлеара. Очередным разрядом молнии ему таки удалось выбить меч из крепких рук капитана. Противники сошлись в рукопашной схватке. Худощавый с виду маг держался достойно, виртуозно ставя блоки и отражая удары Хадлеара. Но преимущество было на стороне капитана, а у мага не было возможности соорудить очередную молнию, так как руки его были заняты тем, чтобы вовремя отражать сыпавшиеся на него удары опытного солдата.

Видя, что исход сражения перевешивается не в его пользу, маг извлек из-за пояса короткий нож и попытался нанести колющий удар в грудь капитану. Он мог рассчитывать лишь на эффект внезапности. Второй попытки у него не было, и маг прекрасно это понимал. Но даже эта тактическая уловка не спасла отчаянного мага. Неуловимым движением Хадлеар перехватил руку мага, нанес ему рубящий удар под локоть, умело направляя острое лезвие в грудь противнику. Захлебнувшись подступившей к горлу кровью, маг в замешательстве поглядел на торчавшую из его груди рукоять ножа. словно не веря случившемуся, он осторожно потрогал пальцами деревянную рукоять оружия. Убедившись, что это не плод его воображения, он отрешенно кивнул, словно соглашаясь с неизбежным, и медленно осел на пол.

Хадлеар немного постоял над бездыханным телом. Грудь капитана часто вздымалась, дыхание было резким и клокочущим.

Он был, без сомнения, крепким и опытным воином, но возраст неотвратимо брал свое. Капитан чем-то напомнил Наемнику его собственного командира. Старый сицилиец обучил Наемника всему, что знал. На земле было не так уж много людей, из-за которых Наемник решился бы пойти на смерть, сицилиец был лучшим из них. Судьба отняла единственного наставника у Наемника, когда альмогавары решили принять участие в этом авантюрном восстании против правящего дома Анжу.

К Хадлеару подошел один из его солдат и о чем-то спросил. Капитан окинул подчиненного гневным взглядом и без предупреждения тыльной стороной ладони нанес мощный удар в нос. Солдат повалился на пол без сознания. Капитан яростно прикрикнул на других подопечных, и они, пристыжено понутив головы, уволокли своего товарища из харчевни.

Наконец-то Хадлеар обратил внимание на Наемника. Окинув альмогавара оценивающим взглядом, он не спеша подошел к нему и протянул руку, помогая встать на ноги.

— Ты, сынок, или гений, или просто кретин, — со знанием дела сообщил капитан. — Такого я еще не видел, чтоб на боевого мага с кастрюлей шли. Что ж ты не взял пример со своих товарищей, а в самое пекло полез? Или этот скупердяй Борумбдар настолько выжил из ума, что заставляет своих кельнеров с опасными преступниками разбираться?

— Захотел — и полез, — незлобно огрызнулся Наемник, разминая онемевшие мышцы. — Да и твои молодцы что-то не шибко резво спешили тебе на выручку. Может, это им стоит профессию сменить? Я могу перед Борумбдаром походатайствовать. В харчевне наверняка и для таких умельцев найдется работа. Чтоб тряпкой полы драить, много таланта не требуется.

— Но-но! Не забывайся, мальчишка! — грозно насупился капитан.

Затем его лицо вмиг подобрело, и он со смехом двинул Наемника в грудь кулаком. Удар был несильным, но Наемнику

стоило больших усилий, чтобы не покачнуться. То, как Наемник выдержал удар, развеселило капитана стражи еще больше.

— Ну, молодец! Язык, правда, без костей. Но я люблю наглых. Всегда есть надежда, что из таких толк может получиться. И твоя правда, солдаты мои совсем от рук отбились. Все сплошь хлюпики и маменькины сынки, расслабились без серьезной работы. Подобные стычки с магами — редкое событие, и опытного воина в тупик поставит, не то что этих...

Разговор их прервал протяжный стон. Маг, на голову которого был намотан фартук, пошевелился. Капитан подскочил к лежащему на полу телу и поспешно размотал дымящуюся ткань. Картина им открылась мало привлекательная: обожженное лицо мага покрылось волдырями. Маг попытался приподняться и что-то сказать, но зашелся сильным кашлем. Затем кашель перешел в истерический смех.

— Время твое на подходе, — заговорил маг едва слышным надломленным голосом, — Хранитель здесь... Он наведет порядок. Дни твои сочтены, капитан.

Последнее слово прозвучало насмешливо. Маг начал терять сознание, и Хадлеар, рассерженный, потряс его за плечи.

— Хранитель? Где ты видел птицу? Говори мне!

— Птица... Она парила под звездами. Так высоко, куда не долетают стрелы. Слуга Эмихола посетил нас, чтобы принести справедливость и порядок. Тебе придется ответить за все. За каждого убитого мага и алхимика.

Маг вновь зашелся кашлем и попытался закрыть глаза, уйдя в забытие, но Хадлеар вновь потряс его и требовательно повторил:

— Где ты его видел?!

— Караван... Мы шли через каменный лес и видели птицу в небе... Она летела по направлению к Меилефу... Хранитель посетил нас, мы...

Последние слова так и не слетели с обожженных губ мага. Безжизненные глаза заволокло тусклой пеленой.

— Там был пес? Ты видел с ним пса? Рыжая собака, будь ты проклят, там была собака?!

Труп мага ничего не ответил, и пальцы Хадлеара разжались, отпуская безжизненное тело.

Капитан поднялся на ноги. К нему подошел побледневший от страха Борумбдар. Прижимая к груди увесистую книгу, он робко поинтересовался:

— Как благодарить мне вас, капитан? Если бы не вы... Даже и представить боюсь...

— Скверные нынче клиенты пошли у тебя, дружище Борумбдар. Гляди, как бы не подпортило это репутацию твоему заведению.

Заметив книгу в руках гнома, капитан продолжил:

— Это мне больше не понадобится. В Залардане мне больше делать нечего. Приберись здесь, — Хадлеар небрежно пнул ногой тело мага.

— Будет сделано сиюминутно, — засуетился гном. — Так отужинать вы не останетесь у нас? Невзирая на случившееся, в знак моей неописуемой благодарности любое угощение за счет заведения.

— Мне предстоит еще долгий путь к Меилефу, — ответил капитан, подбирая меч и цепляя ножны к поясу, — но глупцом я буду, отказавшись отведать твоего нового блюда. Не часто поступают подобные предложения от такого скряги, как ты. Неси свою паэлью, или как там ее. И бочонок лучшего эля на стол, хочу угостить кружкой моего нового боевого приятеля.

Хадлеар хитро подмигнул Наемнику.

— Если ты не против, дружище Борумбдар, то я с удовольствием опрокину пару кружек с твоим изобретательным кельнером. И непременно, мой друг, ты должен сообщить мне, где находишь такие кадры. Ефильская академия городской стражи будет тебе весьма признательна за столь ценную информацию.

ГЛАВА 14

*в которой Хранитель наведывается к пекарю,
Фарлок собирается в дорогу,
а Наемник встречает родственную душу*

Меилеф представлял собой небольшой городок, расположенный к западу от Залардана. И хотя дорога к нему пролегла через Каменный Лес, гильдия крестьян на славу постаралась, чтобы между двумя городами были налажены торговые сообщения. И, несмотря на то, что о Каменном Лесе ходила дурная слава, торговые караваны беспрепятственно пересекали его густые чащи. В

лесу также были тропы, на которые одиноким путникам забредать не стоило. Случались грабежи и разбойничьи набеги. Но основную тропу городская стража полностью контролировала.

Меилеф также был ближайшим городом до Ярмарочной площади, принадлежавшей торговой гильдии. Находилась она на север от Меилефа и практически граничила с городом крестьян. Поэтому жители Меилефа не без удовольствия могли наблюдать за бурным приготовлением к долгожданной Ярмарке миров.

Меилеф славился на всю Нурлинь своей ароматной выпечкой. Но пекарня Девала, несмотря на то, что это было основное ремесло всего города, была в почете у каждого жителя. Это и не удивительно, ведь добродушный пекарь Девал был самым настоящим алхимиком в третьем поколении. Он не брезговал сочетать науку с кулинарией, всякий раз получая более ароматный, более пышный хлеб с фирменной золотистой корочкой, один хруст которой вызывал неудержимые спазмы в желудках гурманов. Разумеется, об истинной природе его ремесла мало кто в городе знал. Как вы уже могли понять, алхимия на Нурлинь не считалась благородным ремеслом.

В уютной светлице, помимо хозяина, пекаря-алхимика, присутствовали представители и других не популярных нынче занятий: престарелый маг-самоучка, миролюбивая ворожка и ворчливый минотавр, который умел заговаривать раны. Хранитель расхаживал по обеденному столу, задумчиво слушая рассказ Девала. Пекарь старался не выдать своего недовольства, ведь острые когти птицы оставляли уродливые борозды на гладком дереве. Алхимик поведал Хранителю во всех подробностях историю великой зачистки. Красочно описал отдельные случаи, которые отличались излишним зверством со стороны стражи.

— Как видишь, нас осталось совсем мало, — продолжал свой рассказ Девал. — Те, кто выжил, легли на дно. Многие из-за обильного страха отреклись от своего ремесла. Мой отец открыл эту пекарню и кормил семью лишь тем прибытком, что получал от торговли выпечкой. Как же я удивился, найдя его алхимические книги. Гены взяли верх, и я не удержался, ступил на путь своих предков. От судьбы не спрячешься. Но, поверьте, Хранитель, мы очень мирные. Те, что остались... Мы не представляли никакой угрозы для Нурлинь. Кому-то было нужно очернить нас. Мы все с надеждой ждали вашего прихода. Только слуга Эмихола способен спасти нас от геноцида. Мы все присягнем вам на верность, если вы не откажете заступиться за нас.

— Я здесь не по этой причине, — голос Сокола был холоден. — Я на Нурлинь не для того, чтобы улаживать межплеменные разногласия. И я по-прежнему не услышал ответа на свой вопрос.

— Межплеменные разногласия? — голос пекаря сорвался на писк. Он вскочил на ноги и принялся грозно махать руками перед своим лицом: — Нас практически уничтожили! А те, что остались, бояться даже нос показать из своих нор...

Перья на шее птицы вздыбились. Крылья резко взмыли в стороны, и комнату наполнил душераздирающий крик, отдаленно походивший на человеческий смех. Пекарь, зажимая уши руками, упал на колени, ворожка, маг и минотавр попытались укрыться в своих панцирях. Но затем, видимо, припомнили, что не относятся к подвиду земноводных пресмыкающихся.

— Я здесь не на увеселительной прогулке, — теряя терпение, проговорил Хранитель. — Не нужно злоупотреблять моим временем, тратя его на бессмысленные слезные излияния. Моя миссия не заключается в том, чтобы проявлять жалость.

— В чем же ваша миссия, Хранитель? — поинтересовалась ворожка, стараясь не встречаться взглядом с Соколом. — Быть может, мы смогли бы как-то помочь.

— Вселенная не так проста, и о цели своей миссии мне еще предстоит узнать. Но ответы на мои вопросы, вполне возможно, могут этому весьма поспособствовать.

— Дак я по этой причине и начал издавека, — вновь подал голос пекарь. — Вы спросили нас: кто бы мог создать живого гомункула. Я со всей уверенностью могу утверждать, что ни один из оставшихся на Нурлинь алхимиков не обладает такими знаниями, а для мага это дело неблагородное. Так что не там вы ищите, Хранитель.

— Значит, помочь мне вы не в силах?

Послышалось раздраженное ворчание. Впервые за вечер минотавр подал голос. Все присутствующие нетерпеливо уставились в его бычью морду.

— Есть легенда, — размеренным утробным голосом заговорил он, — легенда об отступнике. Еще его называют предателем, черной смертью, хозяином. Легенда гласит, что он был некромантом.

— Это правда? — поинтересовался Хранитель у пекаря.

— Всего лишь старая сказка, — отмахнулся пекарь. — Если когда-то и был такой некромант на Нурлинь, то наверняка он уже несколько веков в могиле. Даже некроманты столько не живут.

— Но если все же это правда, — перебил пекаря минотавр, — то он единственный, кто мог бы обладать такими знаниями. Создать гомункула, тем более семерых, дело кропотливое и точительное. Лишь из того, что я знаю, для рецепта требуется столько редкостных ингредиентов, что проще было бы купить армию наемников.

— Очевидно, тот, кого я разыскиваю, отличается специфической изощренностью, — проговорил Хранитель. — Сдается мне, это только начало.

— Не буду вас разубеждать, — кивнул, соглашаясь, минотавр, — грядут темные дни. Готовиться стоит к худшему. В воздухе всякое витает. Ветра доносят мрачные вести. И многие из них веют от Пиков Безрассудства. Уж, как по мне, так больно много внимания для могилы Однокрылого Дракона.

Хадлеар с остервенением изголодавшегося волка поглощал любезно предложенный Борумбдаром ужин. Ни капли не смущаясь, он сгреб рукой прилипший к краям тарелки рис и отправил в рот. Наемник, маленькими глотками попивая эль, с интересом наблюдал за этой картиной. По тому, как человек ест, можно было сказать многое о его характере. На первый взгляд, о Хадлеаре могло сложиться впечатление, что он человек грубый

и неотесанный. Но Наемник хорошо разбирался в людях, особенно в воинах. Хадлеар не был лишенным хороших манер варваром. Но судьба наверняка нечасто баловала его. Как и всякий воин, все бытовые дела он совершал в спешке и имел привычку сводить затраченное на поглощение пищи время к минимуму. Но, скорее всего, не позволял себе подобной небрежности, когда дело касалось возложенной на него ответственности и военного планирования. Капитан стражи обладал еще одним, по мнению Наемника весьма полезным, качеством: поглощение пищи ни капли не мешало ему вести оживленную беседу.

— ...а ведь он не далек от истины, — продолжал свой монолог Хадлеар, принимаясь за наполненную до краев кружку с элем. — Не буду отрицать, крови на моих руках столько, что ею можно было бы наполнить Великую реку до самых краев. А что мне еще оставалось делать? Желających очистить нашу Нурлинь от этой колдовской нечисти было не так уж и много. Кто-то должен был возглавить, так сказать, зачистку. Это было нелегким решением, но я о нем не жалею. Если бы мы начали раньше... возможно, нам удалось бы отвернуть неминуемую гибель нашей истстрадавшейся планеты. Но время было упущено. Эти бюрократы из гильдий долго не могли принять решение, все юлили, ходили вокруг да около, морщась от одной лишь мысли, что о них будут думать потомки. А в итоге, нет теперь будущего у наших потомков. Мы приютили этих змей на нашей планете. Даже лицензии выдавали всяким алхимикам и колдунам. А посмотри, что они сделали с нашим солнцем?

Наемник внимательно слушал рассказ капитана, не забывая кивать в некоторых местах. Ему хватило благоразумия воздержаться от расспросов. Капитан был хорошим собеседником и наверняка смог бы заполнить многие пробелы в осведомленности Наемника в нурлинской истории. Но он прекрасно понимал, что, несмотря на личную симпатию к стареющему военачальнику, они находились по разные стороны схлестнувшихся клинков. Стоит

Наемнику проявить малейшую неосторожность в разговоре, и дружелюбное угощение кружкой эля вмиг обратится в беседу менее светскую. В беседу, из которой, зачастую, живым выходит лишь один.

Хадлеар, истолковав молчание Наемника как ожидание продолжения, вновь заговорил:

— Но то дела давние. Благо, остались этого отребья единицы. Но Нурлинь уже не спасти, как бы ни пытались утешить нас эти смазливые главы гильдий, норовящие убедить всех в обратном. Помяни мое слово: приближается время Ярмарки миров, и эти крысы побегут с Нурлинь, как с тонущего корабля. Стоит только открыться порталам, и они первыми выстроятся в очередь, чтобы просить убежища в иных мирах. А нас бросят здесь подыхать, словно мы какие-то отбросы. В глубине души все это понимают, но боятся себе в этом признаться. Тебя не удивляет тот факт, что в этом юбилейном году не был организован предъярмарочный фестиваль? Народу не до смеха и плясок, когда понимаешь, что мир рушится на глазах. Нурлинь уже никогда не будет прежней. Даже если каким-то чудом наш мир протянет достаточно долго, чтобы пережить еще несколько ярмарок, ты можешь себе представить, каким унылым будет выглядеть это событие? Как ты думаешь, потянутся ли караваны с иных миров сюда, если увидят, в какую мрачную дыру превратилась наша планета?

— И что, нет никакой надежды? — не сумел удержаться от вопроса Наемник.

Брови капитана удивленно поплыли вверх, так что совсем скрылись за вырезом шлема.

— Только не говори мне, что и ты фанат этой Эмихоловой секты. Ты создаешь впечатление человека разумного, лишенного старческих предубеждений. Если бы всемогущему Эмихолу было хоть какое-то дело до нашего гибнущего мира... Но куда там, если он бросил здесь чахнуть своих любимых детей, как ты думаешь, есть ли ему дело до нас с тобой? Знаешь, чем я в данный момент

занимаюсь? Пытаюсь поймать одного из старейшин этой секты. Он похитил очень опасную вещь, которой не место на наших улицах. Как будто забот других не было.

— Старейшина? Который из них? — поинтересовался Наемник, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучала личная заинтересованность.

— Этот пес, Мардагайл. Стащил святыню прямо из-под носа у других глав ордена.

Наемник не знал, какая реакция на такое заявление была бы верной, поэтому попытался придать своему лицу выражение крайнего негодования и неопишуемого ужаса. Капитан кивнул, словно и не ожидал иной реакции.

— И я о том же. Этот Огненный пес здесь чужак. Не знаю, как удалось ему расположить к себе иных старейшин ордена, но разгребать последствия, как всегда, приходится мне.

— Но зачем ему это?

— Святыня? А я почему знаю? Может, продать захочет на Ярмарке, если туда доберется. А может, он просто ненавидит наш мир и желает приблизить его гибель. Одно знаю точно: Стражей небесных врат так просто не отпускают со службы. Этот Пес явно чем-то насолил своим прошлым хозяевам. Я бы такому типу и врага прирезать не доверил, не то что великую святыню хранить. Он крайне опасен, да еще и одаренный лгун, коих поискать. Можешь себе представить, каким талантом нужно обладать, чтобы столько лет водить за нос всех вокруг?

— Маг что-то упоминал о птице, — осторожно продолжил Наемник задавать вопросы.

— Это тоже пренеприятнейший момент. Я бы на эту тему сильно не распространялся. Но, очевидно, известие уже поползло по всей Нурлинь. Мне тут еще паники не хватало на почве религиозного экстаза. Видел, как эти маги осмелели? То, что старейшины высвободили Хранителя, нам еще всем сильно аукнется, помяни мои слова. Многие думают, что Хранитель одним своим

появлением принесет нам мир и покой. Как бы не так. Ничего, кроме хаоса и разрушения, нас не ждет. Может, Хранитель и выполнит здесь некую, ему лишь известную миссию, но после себя оставит одни руины.

Хадлеар почесал лоб, просунув пальцы глубоко под шлем.

— Есть информация, что эти двое объединились. Поэтому там, где Огненный пес, следует ожидать и Хранителя. Возможно, им даже удастся организовать небольшой отряд из сочувствующих и ярых приверженцев Эмихоловой секты. Мой тебе совет: коль увидишь кого из этих двоих — беги что есть мочи. Если они тебя не убьют, то наверняка заболтают своими бреднями. И пикнуть не успеешь, как окажешься одним из их последователей и апостолов. А ты парень не глупый, голова у тебя нормально соображает. Так что сам делай выводы.

— А если я их увижу, — Наемник немного замялся, но затем продолжил, — будет ли какое вознаграждение за такую информацию?

Глаза Хадлеара вновь посветлели:

— А это ты дело говоришь. Разумеется, за такую информацию должно быть достойное вознаграждение. Нужно поручить моим бездарям, чтоб развесили в окрестностях объявления, — Хадлеар подлил себе эля. — Но не об этом я хотел с тобой поговорить. Ты парень толковый, видел я твои удары. Такую технику годами оттачивают. Да и смекалки тебе не занимать, то, как ты ловко придумал с кастрюлей. Ты не простой кельнер.

Наемник пожал плечами, отдавая должное наблюдательности капитана.

— Твоя правда, я не кельнер. Я слежу в харчевне за порядком и обеспечиваю клиентам Борумбдара безопасность. День был беспокойным, и я решил прикинуться кельнером, чтобы не вызывать подозрений. А этих двух магов я сразу заподозрил, хотел подобраться поближе, но тут ты появился...

— Так ты тоже его татуировку заприметил? — всплеснул руками Хадлеар. — Как он ни старался спрятать ее под капюшоном, у

меня глаз наметан на такие вещи. Ну раз ты не просто кельнер — это многое объясняет. Одно мне не понятно, почему ты еще не в моей дружине? Неужто скупердйй Борумбдар так хорошо платит? Чем он тебя подкупил?

— Он обещал сделать меня своим компаньоном.

Хадлеар залиvisto рассмеялся, восприняв заявление Наемника как весьма остроумную шутку.

— Этот скряга скорее удувится, чем кого-то возьмет в долю. Нечего тебе здесь делать. Таким как ты место в моих рядах. Я тебя вмиг десятником поставлю, а через год того гляди и сотником будешь. Или тебе милее у плиты отсиживаться?

Наемник отобразил на лице внутреннее борение.

— Не думай, что я не оценил столь заманчивое предложение, но у меня контракт. Я дал обещание.

— Контракт? — пренебрежительно фыркнул капитан. — Сейчас позовем твоего бородатого работодателя и все нюансы уладим...

— Не нужно. Я многим обязан старику. Обещаю, что при истечении контракта...

Хадлеар махнул рукой, сдаваясь.

— Ладно. Ты, как я погляжу, еще и человек чести. Не буду принуждать. Хотя, как ты знаешь, есть у меня такая власть. Думаешь, все наши солдаты — добровольцы?

Хадлеар окликнул одного из кельнеров, и тот поспешно принес ему бумагу и чернила. Капитан что-то написал на клочке бумаги, медленно прорисовывая каждый символ. Затем мокнул в чернильницу свой перстень и поставил печать.

— Возьми, — протянул он сложенный клочок бумаги Наемнику. Когда истечет твой контракт, или, на что я крайне надеюсь, ты передумаешь, отправляйся в Ефиль и покажи это письмо генералу Кусиото.

— Что это? — поинтересовался Наемник, принимая бумагу.

— Рекомендательное письмо, разумеется. А чем еще это может быть? Твое место в «Ефильской Академии Городской Стражи»,

а не в этой провинциальной дыре. Ты, правда, уже не так молод для курсанта, но пусть тебя это не смущает. Нам нужны командиры, способные принимать взвешенные и холоднокровные решения в критических ситуациях. У тебя есть все шансы стать одним из них.

— Даже не знаю, чем удостоен такой чести, — искренне признался Наемник.

— Чести ты удостоишься, когда сможешь проявить себя в бою, стоя со мной по одну сторону баррикад. Пока что это не более чем моя попытка направить тебя по верному пути. Но решение за тобой.

Капитан вновь почесал лоб, морщась от боли.

— Может, проще снять шлем? — предложил Наемник.

Капитан обдал его таким испепеляющим взглядом, что Наемник невольно вжался в спинку стула. Затем лицо вояки вновь смягчилось. Очевидно, подобная смена настроения происходила с Хадлеаром довольно часто. Какое-то время он молча разглядывал Наемника. Затем, словно решившись на что-то, приблизил свое лицо к альмогавару и заговорщицки прошептал:

— Раз уж мы теперь друзья, возможно, тебе стоит узнать о моем небольшом секрете. А почему бы и нет? Это не такая уж и большая тайна. Страшилка для детворы. Будет о чем внукам рассказывать.

Капитан театральнo медленно снял шлем. Над его правой бровью шел глубокий шрам. Очевидно, рана была получена много лет назад, но края ее полностью так и не срослись. Из раны выделялась какая-то прозрачная жидкость, и нечто похожее на серебро блеснуло на свету.

— Не буду посвящать тебя в нюансы самого сражения (будем считать, что это своего рода военная тайна), но, как видишь, последствия того злополучного дня до сих пор преследуют меня. Шальная стрела, выпущенная врагом, пробила мой шлем. Лекари недоумевали, почему я не скончался на месте. Они и по сей

день недоумевают. Наконечник стрелы так и не смогли извлечь из моей головы, чтобы еще больше не повредить мозг. Мне каждый день приходится обрабатывать рану целебной настойкой. Дать ей полностью затянуться я тоже не могу позволить, есть опасность, что наконечник уйдет глубже, чего лекари очень опасаются. Шлем я не снимаю, чтобы окружающие не пялились, и еще потому, что один искусный кузнец вмонтировал мне туда магнитную пластину. Говорит, что она притягивает к себе наконечник. Весьма оригинальное изобретение, но вот только голова сильно чешется.

Наемник застыл в молчании, даже не зная, как отреагировать на такое откровение. На лице Хадлеара отобразилась неловкость. Он отвел глаза и поспешно надел шлем.

— Как видишь, несмотря на прогнозы лекарей, я еще жив и готов дать отпор любому, кто станет у меня на пути.

Он поднялся из-за стола, пристегивая ножны и пыльный плащ. Очевидно, их беседа подошла к концу.

— Засиделся я, — проговорил капитан, глядя куда-то в сторону, — и разоткровенничался. Пора в путь. Не буду больше отнимать твое время. А то, гляди, Борумбдар с тебя еще и вычтет, с него будет.

Хадлеар извлек из кармана небольшой нож с резной рукоятью и положил перед Наемником.

— Друг мой Камо, не буду врать, что эта безделушка для меня что-то значит. Обычный нож. Но я всегда благодарю тех, кто приходит мне на помощь, особенно когда это делают бескорыстно.

Хадлеар, не прощаясь, покинул харчевню. Наемник еще какое-то время молча сидел за столом, поигрывая подаренным ножом. Это был выживший из ума мир. Место, не совместимое с жизнью, а те, кому таки удавалось к нему приспособиться, становились полными безумцами. Но Наемнику, кажется, повезло встретить единственного нормального человека на этой свихнувшейся планете. Капитан Хадлеар объединял в

себе все то небольшое, что ценил в людях Наемник. Капитан был обычным воином, родственной душой.

Наемник поднялся из-за стола, пряча нож и письмо в карман фартука, на котором красовались несколько пропаленных дыр. С отрешенным лицом воин приступил к своим обязанностям, стараясь не думать о том, было ли ошибкой его решение остаться здесь, и не стоило ли бросить все и присоединиться к капитану, дабы вновь очутиться в привычной ему среде, в кругу боевых товарищей?

Пламя в камине почти угасло, но раскаленные угли еще продолжали мерцать, тщетно пытаясь продлить свою агонию. Судьба их была предрешена. Поленья выгорели, отдали себя лишь для того, чтобы на короткое время согреть эту мрачную комнату. Такая же судьба ждала Нурлинь. Солнце погибло. Несмотря на то, что его тусклый свет по-прежнему дарил скудное тепло, это больше походило на остывающий безжизненный труп.

В комнату медленно начал проникать холод. Фарлок посмотрел на лежащую у камина стопку дров. Есть ли еще какой-то смысл продлевать агонию? Вместо дров в камин полетел хрустальный шар. Хрупкое стекло треснуло. Потревоженные угли протестующе затрещали. В воздух взмыло искристое облако. На мгновение пламя вновь ожило. Голодные языки, с отчаянием умирающего от жажды путника, принялись лобзать осколки стекла. Но вскоре огню стало ясно, что полакомиться ему нечем, и, смирившись, он вновь начал увядать. Глядя на умирающие угли, Фарлок словно встретился со взглядом затравленного существа, полным отчаяния и бессилия.

Водрузив на плечо легкую походную сумку, он потянулся к старому посоху. Давно не прикасался к нему. Гладко отполированное дерево было приятным на ощупь и вызвало в памяти

Фарлока противоречивые, будоражащие сердце воспоминания. Застыв на пороге комнаты, где прожил последние несколько сотен лет, он не без сожаления окинул взглядом увешанные коврами стены, уютную мебель, стеллажи с пыльными книгами. Сердце в груди предательски дрогнуло, и некромант поспешно повернулся к двери. Теперь только вперед, не оглядываясь в прошлое.

Позади раздалось требовательное шипение.

— В замке полно крыс и насекомых. Ты не пропадешь. Место, куда я направляюсь, полно опасностей. Тебе лучше остаться здесь.

В ответ на это холодное тело змеи обвилося вокруг лодыжки некроманта и сжалось с особой цепкостью.

— Ну что ж, ты сделала свой выбор. Как и я.

...Неспешно ступая по пыльной тропе, Фарлок отдалялся от капища. Все самые ответственные решения принимаются ночью. День, со своей оптимистической близорукостью ухмылкой, в таких случаях скверный советчик. Под покровом ночи, зачастую, вершатся людские судьбы. А иногда даже судьбы целых миров...

Безбородый гном и горбатый гoblin, глядя в окно, проводжали удаляющийся силуэт. На их лицах читались скорбь и недоумение.

— Почему т-т-ты не дал мне з-з-задержать его? — едва слышно поинтересовался Тоуф.

— Брат Фарлок сделал свой выбор. Не знаю, что у него на уме, но вряд ли нам удалось бы его остановить.

— Еще один предатель?

— Не могу знать, — задумчиво ответил Нервин. — Наверняка, как и братом Мардагайлом, им движет какая-то цель.

— Остались только м-м-мы с тобой. Нет святыни. Что теперь делать? Ждать?

— Нечего нам ждать. Мардагайла мы упустили. И еще один брат покинул нас, не сказав ни слова.

— Что т-т-ты предлагаешь?

— Собирай походную сумму. Не забудь взять побольше золота и бриллиантов и, разумеется, теплую одежду. Встретимся у ворот через полчаса.

— Не б-б-боишься, что он далеко уйдет?

— Это вряд ли. Двигается он неспешно. Поклажа его невелика. Ему придется посетить ближайшее поселение, чтобы пополнить запасы съестного. Он бы мог раздобыть достаточно пищи в кладовой замка, но, очевидно, решил не привлекать к себе внимания.

— Хадлеар сказал, что мы под д-д-домашним арестом.

— Это я помню. Еще я помню угрозы Хранителя. Но если мы упустим Фарлока, то потеряем наш последний шанс на то, чтобы разобраться в этой чертовщине.

— Д-д-думаешь он направляется в Серый Поселок?

— Я в этом не сомневаюсь. Пути до поселка всего лишь несколько часов, там хороший рынок, и Серый Поселок никогда не славился излишней оживленностью. Будем надеяться, что нам удастся перехватить Фарлока там.

Тоуф поплелся собираться в дорогу. Перед лестницей он остановился и произнес дрожащим голосом:

— Как только мы покинем стены к-к-капища... мы станем смертными.

— Это я помню, — все так же отрешенно ответил гном. — Черт тебя подери, брат Тоуф, я об этом ни на секунду не забываю!

Посетителей практически не осталось. Время было позднее, да и кровавая стычка с магами у многих завсегдатаев отбила аппетит. Прислуга суетливо мыла полы и убирала грязную посуду со столов. Убедившись, что в харчевне не осталось ни одного горожанина, Борумбдар запер дверь на засов. Оставшиеся клиенты поняли намек и нехотя отправились почивать в свои комнаты.

Обычно хозяин харчевни не позволял себе такой бестактности в отношении с клиентами. Но уж больно нетипичным выдался день. И даже такому скупердюю, как Борумбдар, хотелось, чтобы он побыстрее подошел к концу.

Гном кивнул Наемнику, давая понять, что рабочая смена закончилась. Камо уже собрался было отклоняться, но тут раздался звонкий хлопок и стены харчевни наполнил душераздирающий рев ребенка. Наемник обернулся, маленькая Марфа сидела на полу, прижимая ладонь к раскрасневшейся щеке. По лицу девочки текли ручейки слез. Над ней грозно возвышалась Зегильда.

— Я тебя научу манерам, дармоедка! — надрывисто визжала она. — Еду воровать вздумала? Да я тебя вмиг на двор выставлю!

— Эту курицу все равно никто не стал бы доедать! — пискляво, но при этом грозно, возразила девочка. — Хозяин разрешил мне есть из объедков все, что я захочу. Так что не трогай меня, ты, корова старая!

Кухарка потеряла дар речи от такого нахальства. Глаза ее налились кровью. Пухлая рука вновь замахнулась, чтобы обрушиться на наглую девчонку.

Вовремя подоспевший Наемник перехватил запястье Зегильды. Пальцы его глубоко завязли в складках дряблой плоти. Ощущение от прикосновения к коже кухарки было не из приятных: словно наполненный вином бурдюк, принимающий любую форму в твоих руках.

— Раз она сказала, что ей хозяин разрешил, думаю, тебе стоит остыть.

— Сопляк! — завизжала кухарка, безуспешно пытаясь вырвать свою руку из сковавших ее пальцев Наемника. — Это все из-за тебя! Ты явился неведомо откуда и поучаешь тут всех. Да ты знаешь, сколько я ведер еды готовлю за день? Знаешь, сколько рецептов в голове держу? Спину не разгибая, вкалываю, и ни тебе слова доброго, ни благодарности. А ты явился со своей баландой рисовой, и уже, прям, герой.

— Если какие претензии ко мне имеешь, то смело высказывай. Но на детей невинных нечего свою желчь изливать.

— Невинных? — возмущенно поджала губы Зегильда. — Да ты посмотри на нее! Ты слышишь, как она с людьми разговаривает? Коровой меня обозвала. А сама кто? Нормальное дитя родители не оставили бы. Порченная она, вот что я скажу.

Девочка вскочила на ноги и яростно набросилась на Зегильду. Своими острыми ногтями она бы наверняка исцарапала кухарку, но Наемник вовремя перехватил Марфу свободной рукой. Девочка и кухарка извивались и бранились, каждая старалась дотянуться и цапнуть противницу.

— Хватит! — прикрикнул на обеих Наемник. — Утихли, а то воском рты заклею. Обеим.

Перебранка и обмен тычками прекратились.

— Иди себе, Зегильда, посуда ждет. Вот на ней и вымещай свою злобу, — обратился к кухарке Наемник.

— Да как ты смеешь? Да кто ты такой?

— Или тебе больше понравится, если я запихну тебя в таз с пенной водой? Если только твои объемные бедра туда влезут.

Девочка, не сдержавшись, приснула от смеха. Кухарка краем глаза глянула на стоящий на полу деревянный таз, в котором плескалась грязная вода. Наемник отпустил ее запястье и она, сумев обуздать свой гнев, молча расправила передник и убралась прочь на кухню.

Марфа и Наемник остались одни. Инцидент был исчерпан, но девочка не спешила выворачиваться из руки Наемника. Напротив, она вновь залилась слезами и ткнулась мокрым лицом в грудь Наемнику.

— Все меня обижают. Никому нет до меня дела. Что я им сделала? Разве я виновата, что меня бросили? Разве я об этом просила?

Дав девочке немного выплакаться, он осторожно отстранился и собрался было уйти. Но маленькая ручка требовательно схватила его.

— Ты куда? Ты разве ничего мне не скажешь? Утешения там всякие. Слова добрые, мол, «все будет хорошо» и тому подобную чушь, которую вы, взрослые, обещаете не краснея.

Наемник остановился. Взгляд его стал задумчивым.

— Зачем мне тебя обманывать? Положение твое незавидное. В этом мире взрослому непросто выжить, куда там такой оборванке, как ты. Одна у тебя надежда, чтобы кто-то подобрал из жалости, но язычок твой уж больно острый. Так что я бы не поставил и ту недоеденную курицу, что ты долго протянешь.

— Все вы, взрослые, одинаковые. Все — сволочи, — прошипела сквозь зубы девочка, — бессердечные сволочи.

— А ты рассчитывала, что тебя все будут по головке гладить? Такой уж он, суровый мир. Так что не жди спасения со стороны. Или научись лицемерить и выражать людям почтение, или научись зарабатывать себе на пищу силой, — Наемник скептически окинул хрупкую фигуру девочки. — Хотя нет, второй вариант явно не для тебя, посему стисни зубы и не зазнавайся. В конце концов, тебя здесь кормят. Могло бы быть и хуже.

— Родители меня бросили, не сказав ни слова. Что может быть хуже? Мы были нормальной семьей, обычной... Они даже ничего не сказали... Что я сделала не так? Они просто ушли, — глаза девочки вновь наполнились слезами, губы задрожали. — Ненавижу взрослых.

Наемник устало вздохнул. Ему в новинку были подобные сердечные беседы. И дураку было ясно, что девочка просто хочет излить накопившуюся боль, желает услышать утешение. Но Наемник не был мастаком в этом тонком деле. Даже более, детские слезы вызывали у него больше раздражение, чем жалость.

— Ненавижу взрослых, — повторила девочка. Пальцы ее разжались, и она, втянув голову в плечи, поплелась к обогревателю.

— Постой, — окликнул ее Наемник. Сам не осознавая, что делает, он полез в карман: — Вот, возьми.

Девочка обернулась и с подозрением уставилась на Наемника. Он протягивал ей серебряный медальон с изображением святого Факундия. Долго не колебалась, как и все дети, она не утратила способность радоваться любой блестящей безделушке.

— А что это? Похоже на серебро.

— Ты знаешь, что такое молитва?

— Чего? — в глазах девочки читалось полное непонимание.

— Забудь... Эта штука... Это очень сильный амулет. Это изображение оракула из очень древнего ордена друидов. Тот, кто обладает этим амулетом, может осуществлять астральную связь с друидом. Говорят, что в особо трудные времена он слышит и может даже прийти на помощь.

— Точно? — недоверчиво поинтересовалась девочка, разглядывая подарок. — Не врешь?

— Точно-точно. По крайней мере, мне так рассказывали. Сам-то я не проверял. Но ты можешь попробовать. Хотя, если считаешь, что это полная чушь, можешь вернуть амулет мне обратно. В конце концов, ты же достаточно взрослая, чтобы верить в подобные сказки...

Наемник сделал вид, что передумал отдавать медальон Марфе, но девочка крепко зажала его в кулаке.

— Спасибо, — выцедила она. Слова благодарности давались ей не без труда: — Я верю в легенды. Раз тебе эта вещь не нужна, то я принимаю подарок.

— Только не вздумай его продать, и никому не показывай, — предупредил Наемник. — Пусть это будет наш секрет.

— Что я — дура? — фыркнула девочка. — За кого ты меня принимаешь?

Наемник пожал плечами, не зная, как на это ответить, чтобы не обидеть девочку.

— Постарайся поменьше хамить, — дал он ей последнее напутствие.

— Мечтай, — огрызнулась девочка, но в голосе ее не было и доли неприязни.

Наемник направился в свою комнату. Перед тем как покинуть зал харчевни, он еще раз глянул на девочку. Та жалась к обогревателю и, кутаясь в тряпье, запихивала в рот найденные объедки курицы. Картина была такой же отталкивающей. Но что-то все же изменилось в образе девочки. Теперь она меньше походила на перепуганного, затравленного зверька. На губах ее играла улыбка, а в глазах мерцала надежда. Наемник, сам себе удивляясь, ощутил непередаваемую гордость за свой поступок. Хотя у него было не много опыта в подобных делах, почему-то он был полностью уверен, что все сделал правильно.

Интерлюдия 4

О милосердии

Сострадание — вещь весьма уникальная. Даже самый отпетый тиран способен проявить милосердие к поверженному врагу. Даже самый последний скупердяй может сжалиться над бездомной псиной и бросить ей необглоданную кость. Милосердие — черта, присущая лишь людям. Животные не лишены многих благородных качеств (как и людям, им присущи преданность, забота и даже своего рода любовь). Но милосердие — вещь для них абсолютно чужеродная.

Вспомните историю о добром самаритянине. А теперь представьте себе другую картину: в поле лежит израненная гиенами лань. Тело ее испуганно трепещет. Из густой травы выплывает грозная фигура. Крупный лев изучает беззащитную лань стеклянными глазами. Есть ли в этих угрюмых глазах хоть малейший намек на милосердие или жалость? Скажет ли грозный хищник слова утешения? Залижет ли кровоточащие раны беззащитного животного?

Сострадание — вещь весьма и весьма не простая. Только лишь в отчаянный миг опасности, заглянув смерти в глаза, вы поймете, кто перед вами — существо, в груди которого бьется сердце, еще не разучившееся любить, или же обычный, бездушный хищник.

ГЛАВА 15

в которой Наемник проявляет человечность

Пролилась струйка алой крови. Теплые внутренности шлепнулись на траву. Подвешенное к дереву тельце циветы перестало дергаться и наконец затихло. Антонио поймал этого пятнистого зверька с помощью незамысловатых силков. Теперь, орудуя все тем же каменным ножом, он виртуозно разделявал тушку, скептически цокая языком.

— Очень маленький. Мария нужно кушать больше мяса. Мой малыш любит кушать мясо. Ониекачку тоже любит мясо, но я могу есть ягоды. Тебе и Марии нужно мясо. Ты еще слабый, нужно хорошо кушать, чтобы далеко ходить.

Наемник возился с костром, периодически кивая на болтовню Антонио. Он уже привык к косноязычным монологам дружелюбного раба и даже находил некое успокоение в монотонном звуке его голоса.

— Я чувствую себя превосходно. О своем пропитании уж как-нибудь сам позабочусь.

— Зачем Камо такой злой? Ты мне помогал, я тебе тоже помогать. Мы все дети одного Бога. Не нужно быть злым и гордым. Ты мне помогал, я тебе помогать, надо быть добрее. Ты еще слаб. Нам много идти...

Наемник устало закатил глаза и сделал вид, что все его мысли заняты разведением костра. Алмаз на рукояти каменного ножа обагрился кровью зверька и теперь отражал алые блики, из-за чего имел вид еще более притягательный и зловещий.

Антонио закончил возиться с тушкой и отправил жариться на костре. Ароматный запах горелой плоти скорпионом впился в ноздри Наемника, и тот, как ни старался принять безучастный, равнодушный вид, все же в глубине души обрадовался щедрости Антонио. Ягоды ягодами, но мяса уже несколько дней не было в его рационе. Наемник приподнялся, чтобы подбросить веток в огонь. Мир перед его глазами поплыл, и он, обессиленный, опустился на одно колено.

— А я что говорю? Слаб ты еще. Нужно отдыхать и есть мясо. Дикари использовать сильный зелье. Нужно подождать.

Мария подошла к лежащим в траве внутренностям зверька и, порывшись в этой скользкой массе, извлекла несколько не переваренных кофейных зерен.

— Циветы любят есть кофейные ягоды. Нужно поджарить зерна, — впервые за долгое время Мария заговорила. Ее испанский, в отличие от мужа, был безупречным, а голос — сладким и звонким, подобно журчанию ручья. — Кофе — очень бодрящий напиток и вмиг подымет на ноги господина.

— Я вам не господин, — отмахнулся Наемник. Но про себя не прекращал поражаться искренней заботе этих беглых рабов.

Цивета была съедена, тонкие косточки тщательно обглоданы, а в жестяной фляге закипала вода. Мария перетерла прожаренные кофейные зерна и добавила порошок в воду. Наемник морщился, но под пристальными взглядами Марии и Антонио выпил горький напиток до последней капли.

— Сеньор Хоэрос знает толк в людях, — философствовал Антонио, обнимая свою хрупкую жену за плечи. — Он обязательно хорошо тебя отблагодарит. И я очень тебе благодарен. Ты спас мою жену.

Антонио вытер о траву каменный нож. Затем посмотрел на солнце сквозь алмаз на рукояти и принялся полировать и без того безупречный сияющий камень. Глядя на эту картину, Наемник едва поборол желание выхватить нож у Антонио.

— Я отобрал этот нож у их вождя, — не без гордости сообщил Антонио. — Очень хороший нож, очень острый. И камень красивый. Камо спас нас, я должен был подарить нож Камо. Но у Камо уже есть хороший нож, длинный и острый. Ониекачукву подарит нож своему сеньору. Сеньор Хоэрос добрый, но он, наверно, злится, что мы пропали. Я не хочу, чтобы сеньор злился. Сеньор любит красивое оружие. Ониекачукву отдаст нож сеньору, скажет: это тебе подарок, мой сеньор. Хороший нож, там большой камень, похожий на солнце. Сеньору понравится нож, он не будет злиться, что Ониекачукву потерялся. Он скажет: спасибо, это хороший подарок. Сеньор — наш духовный отец, он добрый человек. Ониекачукву рад, что у него есть хороший подарок для сеньора...

«Заткнись, заткнись, заткнись!» — Наемник едва сдерживал накатившую на него злость. Чем больше Антонио говорил, тем больше у Наемника зарождалось желание перерезать горло болтливому рабу. Это все проклятый камень. Он словно манил, звал, требовал, жаждал большей крови и сводил с ума. Антонио по какой-то необъяснимой причине не замечал этого зова. Для него этот нож был просто полезной вещицей. За такое вопиющее простодушие Наемник еще больше злился на Антонио.

«Неужели ты его не слышишь? Ты, приятель, видимо совсем оглох. Этот зов невозможно заглушить. На это сияние невозможно не смотреть с благоговением, вожделением, похотью. Как ты этого не видишь?!»

Антонио продолжал разглагольствовать о том, как обрадуется подарку сеньор Хоэрос. Наемник уже не слушал. Разум его заволокла багряная пелена. Он не был готов на убийство, пока еще, но ему во что бы то ни стало требовалось прикоснуться к этому чертову камню, иначе он просто сойдет с ума. Подумать только, за все время он еще ни разу не держал в руках этот предмет. В мыслях придумывая предлог, чтобы попросить у Антонио нож, Наемник старался не выдавать своего нездорового интереса к зловещему предмету. Теперь он полностью мог отождествить себя с тем безумным вождем, который пытался прирезать Антонио у алтаря. Такая вещь не может оставить в здравом рассудке своего хозяина. Сколько же крови на лезвии этого кинжала? Сколько душ поглотил в себя этот бездонный камень?

Монолог Антонио прервался. Наемник, заподозрив неладное, не без труда вырвался из мысленного водоворота. Мария тяжело дышала, обхватив живот. Лоб ее покрыла испарина. Антонио суетливо забегал вокруг жены, беспомощно размахивая руками. Переполошиться было из-за чего.

— У нее отошли воды, — сообщил Антонио дрожащим голосом. Он глядел на Наемника, и в этом взгляде читалась мольба. — Слишком рано! Она рожает. Мы не успеем дойти в лагерь.

Оба мужчины беспомощно уставились на женщину. Никто не имел ни малейшего понятия, какие действия от них требуются в сложившейся ситуации. Крик, подобный мучающемуся в агонии зверю, разнесся по джунглям. Крик неопишуемой боли. Крик непритворного страдания...

...Крик прорвался сквозь пелену сновидений и, словно дернув за поводья, вырвал Наемника из мира грез в объятия реальности. Тьма давила на виски, но царившая в комнате прохлада вмиг отрезвила его. Сновидение растаяло, оставив после себя лишь

размытые, призрачные образы. Но крик не прекратился. Вопль попавшего в капкан зверя раздавался совсем рядом. Наемник поспешно зажег свечу и окинул взглядом комнату. Гайл лежал в постели. Тело его билось в конвульсиях. Он всеми силами пытался сдержать крики, уткнувшись лицом в подушку. Наемник поспешил к товарищу. Пламя свечи выхватило из темноты покрытое бусинами пота лицо. Но, как тут говорят, хвала Эмихолу, это было человеческое лицо. Гайл вновь приобрел привычный для Наемника облик. Но процесс исцеления, очевидно, давался Огненному псу весьма болезненно. Воин нашел в полутьме мешочек с лекарством алхимика. Придерживая голову, он дал Гайлу запить пилюлю холодной водой.

— Ты как? — поинтересовался Наемник, сочувственно глядя в мутные глаза Гайла.

Гайл по-звериному зарычал. Когти его впились в простыню, кромсая в лоскутья тонкую ткань.

— Это будет... длинная... ночь, — слова давались Гайлу с трудом, — но я в порядке. Пилюли... действуют. Думаю... к утру... я буду в форме. А теперь... отойди. Твое... заботливое... лицо... навевает на меня... тоску.

— Ну раз ты в порядке, постарайся издавать меньше шума. Небось, всю гостиницу на уши поставил своей серенадой.

Наемник загасил свечу и плюхнулся на кровать. Обижаться на Гайла было грешно. Парень явно держался из последних сил. Памятуя малоприятное сновидение, Наемник не горел желанием вновь погрузиться в сон, где его неустанно преследовали призраки Антонио и Марии. Но усталость взяла верх, и спустя мгновение он уже самозабвенно похрапывал. Хвала Эмихолу, сновидений больше не было.

На рассвете они покинули харчевню. Старый гном немного поворчал, но все же выплатил Наемнику обещанное. По дороге к лавке алхимика Наемник пересказал Гайлу о стычке с магами и о Хадлеаре. По какой-то причине он не стал посвящать товарища в детали его задушевной беседы с капитаном городской стражи.

— Поверить не могу, что ты повел себя так не рассудительно, — негодуяще причитал Гайл. — Хадлеар не так прост, как может показаться на первый взгляд. Это весьма изобретательная и хитрая личность. Тебе следовало держаться от него подальше. С трудом верится, что он так просто покинул Залардан, когда мы были почти у него в руках.

— Ему донесли, что Сокола заметили в окрестностях какого-то Каменного Леса, вот он и поспешил. Не вижу причин для паники.

— Глупости, — возразил Гайл, поправляя лямку рюкзака и опасливо косясь по сторонам, — если Хадлеар берет чей-то след, то его не так просто запутать. И тебя не удивляет тот факт, что стражи в городе поубавилось?

— Наверняка Хадлеар забрал с собой всех, кого смог. Он очень торопился. Может, действительно надеется изловить проклятую птицу?

— Может, ты и прав, — согласился Гайл. — Вестей от Хранителя уж давно не было. Может, он старается сбить стражу с нашего следа? Если так, то это весьма кстати в нашем...

Гайл замолчал на полуслове. Они стояли у лавки алхимика. Дверь была приоткрытой. Наемник отодвинул Гайла в сторону и, выхватив меч, ворвался в помещение. В лавке царил полный погром. Пол был усеян стеклянными осколками. Казалось, ни одна полка со снадобьями не уцелела. Мазереп сидел на полу, прислонившись к стене. Рука его зажимала глубокую кровоточащую рану на груди. Лицо алхимика было все в ссадинах и порезах. Он усердно поглощал свое дурнопахнущее пойло. При виде

Наемника лекарь нервно усмехнулся и зашелся в кашле. Пригладив усы, он произнес беззаботным голосом:

— А вы еще живы, как я погляжу. Ну и втянули вы меня в приключения.

— Что здесь стряслось? — поинтересовался Наемник, проверяя рану алхимика.

Мазереп грубо оттолкнул Наемника.

— Не суетись, в конце концов, это я тут лекарь, жить буду.

— Это была стража?

Мазереп заливисто рассмеялся.

— Не говори ерунды. С этими оболтусами я бы и голыми руками справился. Это были гномы, около десятка.

— Разбойники? — поинтересовался Гайл.

— Ну я бы так не сказал. Одеты они были в сияющие доспехи. Прямо как герои древних легенд. Но морды пакостные, так что определение «разбойники» не лишено смысла. Они знали, кто я. Хотели разузнать об Огненном псе и Длани. Разумеется, диалог поначалу у нас не клеился. Я их маленько порубил своими топорами.

Наемник подозрительно оглядел лавку в поисках трупов.

— В том-то и соль, — ответил Мазереп на не прозвучавший вопрос Наемника, — трупов нет. Хотя я лично проломил головы некоторым смельчакам. Но представьте мое удивление, когда эти нахалы поднялись на ноги, как ни в чем не бывало. С таким противником, сами понимаете, сражаться бессмысленно. Не знаю, кто это были, ожившие мертвецы или гомункулы, но врагов вы себе заполучили очень опасных. Я не из трусливых, но за так умирать не подписывался.

— Что ты им сказал? — с отрешенным видом поинтересовался Гайл.

— Не много. Но достаточно, чтобы они отстали. Сказал, что было тут двое, один похож на старейшину Мардагайла. Сказал, что вы уже наверняка покинули город.

— Ты им говорил о харчевне?

Алхимик потупил взгляд.

— Отвечай мне, ты сказал им, что мы останавливались в харчевне? — теряющий терпение Наемник схватил алхимика за воротник и угрожающе приподнял.

Алхимик неохотно кивнул.

— А что мне оставалось делать? Мы с вами не родственники, сами понимаете, своя рубаха ближе к телу. Но вы не кипятитесь так. Очевидно, вы с ними разминулись. А это ли не удача? Так что забирайте вашу мушкарду и скатертью вам дорожка.

— Где мушкарда? — требовательно прикрикнул Наемник.

— Под прилавком. Как и обещал, я ее починил.

— Она не была сломана! — вспыхнул Наемник, извлекая свое оружие из-под прилавка.

— Ну, модернизировал, если тебе так удобнее.

Наемник скептически изучал мушкарду.

— Я же предупреждал, что вещь не моя!

— Да брось ты, стало же лучше. Теперь подача снарядов идет напрямую из контейнера, тебе больше не нужно будет так часто перезаряжать ее. Восемь выстрелов без необходимости перезарядки.

— А что с порохом?

— Тут немного сложнее, — замялся алхимик. — Порох твой вещь весьма занятная, но малоэффективная. С подачей снарядов я разобрался, но вот как решить вопрос необходимости заправлять стволы порохом... Даже представить не могу, насколько это кропотливое, изнурительное занятие. Так что я отказался от идеи использовать твой горючий порошок...

— Ты сделал, что?..

— ...и решил пойти другим путем. У меня заваялся один минерал. Он очень прочный, и при соприкосновении с селитрой идет высвобождение энергии, равнозначной той, что ты получал от пороха. Я заменил ту штуковину... ну, которая бьет в снаряд...

— Ударник?

— Очевидно, он самый. Так вот, теперь все, что от тебя требуется, это пропитать свинцовые снаряды в селитре. И, разумеется, я постарался, чтобы эта штукавина громыхала, точь-в-точь, как ты любишь.

— А это что за новшество? — любопытствовал Наемник, указывая на дополнительное стеклышко в оптическом приборе.

— Ах, это. Ну, я подумал, что эта доработка окажется для тебя весьма кстати... И чего это я перед тобой оправдываюсь? Ты вроде боец опытный, сам уж как-нибудь докумекаешь. Ночью проверишь, еще спасибо мне скажешь.

Наемник скептически покрутил в руках мушкарду, словно опасался, что та укусит его, как разозлившаяся змея.

— Как нам покинуть город? — поинтересовался у алхимика Гайл.

— С западной стороны в стене есть брешь, поросшая кустарником, это сразу напротив лавки плотника. Городскими воротами пользоваться не советовал бы, для вашего же блага.

Товарищи спешно распрощались с алхимиком. Гайл получил дополнительную порцию пилюль и оставил Мазерепу несколько золотых, которые вряд ли покроют ущерб, нанесенный его лавке.

— Думаешь, это те же гномы, которые напали на нас у запруды?

— А я почему знаю, — разозлился Наемник. — Это ты мне скажи: такое вообще возможно? Возможно, чтобы мертвецы оживали?

Вскоре показалась лавка плотника. Брешь в стене отыскать было не так уж сложно.

— Как думаешь, много времени понадобится этим разбойникам, чтобы понять, что нас нет в харчевне? Ну и делов они там наворотят.

Наемник ничего не ответил. Как сказал алхимик, своя рубаха ближе к телу. Самым важным в сложившейся ситуации было сохранить свою шкуру целой. Он механически начал шептать заученную молитву и потянулся к карману, где хранился медальон с изображением святого Факундия.

— Что стряслось? — поинтересовался Гайл, с опаской глядя на товарища.

— Черт... — сорвалось с губ Наемника, — проклятие...

Он схватился за голову и поглядел в сторону, где по его предположению находилась харчевня. Глаза его наполнились злобой, тело затряслось от напряжения. Преодолев внутренне борение, он повернулся к Гайлу и произнес:

— Жди меня за городом.

— Что ты задумал?

— Если я не объявлюсь в течение часа, двигай дальше по своим делам. Я должен вернуться в харчевню.

Гайл окинул Наемника оценивающим взглядом, но спорить не стал.

— Буду ждать тебя у реки. Не делай ничего, о чем потом будешь жалеть.

— Я уже жалею.

Наемник развернулся и помчался в направлении к харчевни. И угораздило же его вляпаться в это дело. Кто просил его делать подарок этой девчонке, давать ей ложную надежду на безопасность и рассказывать эту бредовую сказку об оракуле? Он злился на Марфу. Злился на хоть и скупого, но добродушного Бормбдара. Но больше злился на себя. Пенял себя за то, что размяк, дал взять верх чувствам.

Он бежал, что есть прыти. И с каждым ударом сердца пульсирующей болью в его голове отдавалось: «Только бы успеть. Только бы успеть. Только бы...»

Подобно веренице алых змей, жаркое пламя неистово извивалось, устремляя свои тонкие изголодавшиеся языки вверх. Почему-то оно всегда устремлялось вверх, словно лишенный крыльев дракон, отчаянно пытающийся взлететь.

Марфа заворуженно глядела на огонь. Горел пол и стены харчевни. В панике кто-то перевернул несколько обогревателей на треножнике. Масло лапедоса жарким ручейком подбиралось к девочке. Зло преследовало ее по пятам. Правду говорила Зегильда: испорченная она. Это единственное объяснение. С хорошими людьми не случается столько несчастий. Вчера рассвирепевший маг чуть не сжег всю харчевню. Тогда она не на шутку испугалась, но пришло спасение в лице Камо. Камо был сильным, он спас Марфу. А еще он заступился за нее перед этой короной Зегильдой. Но сказка развеялась. Камо ушел не попрощавшись. И огонь неумолимо подбирался к ней, жаждая совершить то, что не удалось вчера.

Крики ужаса, стоны боли. Мольба о пощаде. Марфа слышала голоса. Тут и там мелькали грозные силуэты. Девочка пряталась за перевернутым столом, боясь пошевелиться. Поначалу она осмелилась предположить, что сказочные рыцари пришли забрать ее к родителям. Вид их был величествен, отполированные доспехи сияли до рези в глазах, длинные бороды искусно заплетены в косы. И роста они были не намного выше девочки, такими же, как Борумбар. Марфа любила ворчливого старика. Он был добр к ней, хоть и всячески старался скрыть свои чувства за маской грубости и безразличия. Но девочка знала, что старый гном был добряком. Жизнь научила ее судить о взрослых не по их словам, а по поступкам. Но эти гномы были злыми. Хоть они и выглядели как рыцари, сердца их были полны коварства, глаза жаждали крови, кулаки требовали насилия. Все эти красивые доспехи были маскарадом. Но Марфу им было не провести. Они были фальшивыми рыцарями. Не такими, как Камо. Камо был настоящим, хоть у него и не было таких блистающих доспехов.

Один из кельнеров (кажется, его звали Том... или Тим) промчался мимо девочки. Она с мольбой посмотрела на него, но Том... Тим лишь ускорил свой бег, пытаясь добраться до заветной двери,

ведущей на улицу. Путь ему преградил однорукий «фальшивый рыцарь». Острое лезвие прошило кельнера насквозь.

Два стражника ворвались в харчевню, угрожающе тыча копиями и что-то крича. Наверное, призывали к порядку. Они слишком поздно поняли, что оказались в западне. Гномы взяли их в кольцо, и Марфа не успела досчитать до десяти, как еще два бездыханных тела упали на пол харчевни. Вот они добрались до Бормбдара. За ноги выволокли старика на середину харчевни и начали о чем-то расспрашивать, обогащая диалог пинками и ударами. Ни одна из дверей номеров не открылась. Клиенты не спешили на помощь хозяину харчевни. Да и что они могли сделать? Здесь бы не справился и отряд городской стражи. Разве что Камо. Но Камо бросил ее.

Пальцы девочки судорожно сжали медальон. Холодное серебро вмиг отрезвило Марфу. Она совсем забыла о подарке. Какая же она глупая. Марфа лихорадочно пыталась вспомнить наставление Наемника. Но содержание того разговора предательски убегало от нее. От волнения мысли девочки путались. Камо что-то говорил о друидах и астральной связи. Тогда она мало что поняла, но побоялась признаться Наемнику, чтобы тот не разозлился на нее и не отобрал подарок. Теперь же она корила себя за простодушие и вопиющую глупость. Как можно быть такой недотепой?

Она что есть силы сжала медальон и зашептала:

— О, оракул, я прошу тебя о помощи.

Ничего не произошло. Земля не сотряслась, окна небесные не отверзлись. Зло по-прежнему торжествовало в харчевне.

— Камо, ты мне нужен. Помоги, пожалуйста.

Внимание одного из «фальшивых рыцарей» привлек едва слышный шепот. Он медленно повел головой по сторонам. Их глаза встретились. Девочка запоздало зажала рот руками. Бородач медленно двинулся к ней. Вжавшись спиной в стену, она отрешенно слушала, как все громче скрипят доспехи

приближавшейся к ней грозной фигуры. Неужели это конец? Она зажмурила глаза и попыталась еще сильнее вжаться в стену, мечтая исчезнуть, став невесомой, как перышко.

И тут мир взорвался. Грохот был такой, словно молния ворвалась в харчевню. Как будто сам Эмихол излил всю свою ярость на заведение Борумбдара.

«Я умерла?» — девочка осторожно приоткрыла один глаз. Мир не исчез. Да и в харчевне по сути ничего не изменилось. Лишь один из «фальшивых рыцарей» недоверчиво изучал сквозную дыру в своей груди, а на пороге стоял... Камо. На поясе его поблескивал короткий меч, а в руках он сжимал какую-то причудливую палку. Воин навел ее на очередного «фальшивого рыцаря» — и мир взорвался еще раз.

ГЛАВА 16

*в которой Наемник считает до восьми,
а Гайл промышляет на городской свалке*

Городская стена осталась позади. Гайл боролся с желанием кинуться за Наемником. Но он был еще очень слаб и вряд ли смог бы оказать ощутимую помощь, только путался бы под ногами. Оставшись один, он покрылся холодным потом от осознания своей уязвимости. Лекарство алхимика делало свое дело, но очень медленно. Кто угодно одолел бы Гайла в его нынешнем состоянии. Гайл пытался сообразить, как будет действовать, если Наемник не появится у реки в срок. Продолжить путь или вернуться в Залардан? И Хранитель куда-то запропастился. Все союзники покинули его. Гайл как никогда осознал всю тяжесть своей миссии. Что ж, собираясь в этот путь, он и не рассчитывал на союзников.

— Стой! — окликнул его кто-то. — Город можно покидать только через пропускной пункт у главных ворот.

Гайл обернулся на голос. Этого еще не хватало. Четверо стражников приближались к нему. Вид их был грозен, и Гайл

откинул попытки договориться. Покрепче ухватившись за ремни рюкзака, он что есть мочи помчался в противоположную от стражников сторону. В воздухе просвистел арбалетный болт. Стража бросилась в погоню. Прятаться было некуда. Сплошная равнина, ни тебе оврага, ни дерева. Гайл вовремя заметил городскую свалку. Какое ни есть, но все же укрытие. Зловонные горы мусора, в коих кишели крысы и бездомные собаки. Гайл попытался укрыться за одной из таких куч мусора. Такое поведение было недостойно старейшины, но чего не сделаешь для спасения своей шкуры.

Стражники рассредоточились, и Гайл догадался, что его медленно берут в кольцо. Пути к бегству не было. Силы для противостояния врагу еще не восстановились, оставалось лишь ждать, полагаясь на Эмихолову милость. Несколько облезлых псин подошли к Гайлу и принялись об него тереться, проявляя свою солидарность собрату. Гайл прижался к этим дурно пахнущим животным. Собаки как никто чувствовали страх и не собирались бросать в беде родственную душу. Но что могла сделать пара дряхлых псин вооруженным до зубов стражникам? Гайл закрыл глаза, прислушиваясь к шагам воинов. Он различал их сердцебиение, чувствовал запах их пота. Врожденные инстинкты начали брать верх над разумом. Гайл полностью отдался их плену.

«Опоздал», — заключил предательский голос в голове у Наемника, как только он ворвался в харчевню. Огонь и кровь служили веским доказательством, что это утверждение не далеко от истины. Альмогавар сразу узнал напавших. Без всяких сомнений это были те самые разбойники. Неопрятный вид и просаленные шубы уступили место утонченным доспехам. Наточенные мечи и секиры пришли на смену ржавым ятаганам. Наемник узнал и

тех гномов, которых имел честь лично умертвить при битве у запруды. Получалось, что бредовый рассказ алхимика не был уж таким бредовым. Голова шла кругом. Этот чертов мир не уставал приносить новые сюрпризы. Наемник привык иметь дело с рациональными вещами. Убийцы, воины, психопаты — все они подчинялись безгласным законам бытия. Но здесь, на Нурлинь, не было ничего рационального. Как можно сражаться с противником, который отказывался умирать?

Наемник заметил извивающегося на полу Борумбдара. Несколько разбойников безжалостно избивали старика. Видя, как издеваются над его бывшим работодателем, Наемник вскипел от гнева. Пришло время проверить, так ли хорошо алхимик потрундился над мушкардой, как хвалился.

Прицелившись в одного из обидчиков и приготовившись к отдаче, Наемник нажал спусковой крючок. Прозвучал выстрел, и воин сразу же обнаружил несколько странностей: отдача хоть и была, но не такая сильная, как раньше; грохот выстрела изменился, и больше походил не на взрыв пороха, а на стук молота о медный кимвал; свинцовое ядрышко вырвалось из ствола, оставляя за собой перламутровый след в воздухе, словно солнечный луч. Снаряд прошил насквозь железные доспехи и плоть разбойника, словно воск. Несмотря на слабую отдачу, было очевидно, что после модернизации мушкарды скорость полета ядра увеличилась, так как тело разбойника не отбросило, как это случалось ранее. Преимущество это или, напротив, недостаток, можно было проанализировать позже. Мушкарда работала, и в данный момент это было главным. Алхимик говорил о восьми выстрелах. Оставалось семь. Если бы Наемник имел дело с обычным противником, этого было бы более чем достаточно. Но мертвец отказывался падать. Наемник сместил ствол ниже и выстрелил в колено разбойнику. На этот раз ему удалось сбить противника с ног.

Шесть.

Глаза разбойников уставились на нарушителя спокойствия. Они даже прекратили избивать Борумбдара, что не могло не радовать. Не было никаких сомнений в том, что гномы его тоже узнали.

Предводитель разбойников выступил вперед. Вид его был до театрального грозным. Глаза изумрудами сверкали из-под густых бровей.

— К чему эта маскировка? — поинтересовался Наемник, стараясь не терять из виду ни одного противника.

— Напрасно ты не исчез, чужеземец. Хотя ты и доблестный воин, не одолеть тебе нас ныне. Силы преисподние хранят мой отряд неустанно, и смерть бежит от меня, подобно всполошившемуся зайцу. Да и твоя грохочущая палка извергает пламя лишь два раза, это помню я. Пощады проси, и, может быть, я смилостивлюсь. Мне лишь нужен Огненный пес и Длань. Это не твоя битва, отступи. Никто тебя не осудит.

— Мне больше нравилось, когда я не понимал ваш язык. А ты оказался еще тот болтун. Но видать у вас, гномов, это врожденное.

Предводитель разбойников насупился и угрожающе покачал секирой. Наемник пристально взгляделся в его глаза. Что-то переменялось в облике грозного бородача. Разбойник держался хладнокровней, в голосе его звучали властные нотки не терпящего пререканий полководца. Бывавший во многих битвах Наемник мог без труда отличить мелкую сошку от настоящего боевого командира. Выходит, что маскировкой был как раз образ разбойника, и вот он, истинный облик бородача. Во всей этой истории было много нестыковок и противоречий. Но прийти к какому-либо логическому умозаключению Наемник не сподобился. Боковым зрением он заметил сжавшуюся фигурку Марфы. Пелена гнева заволокла рассудок Наемника, и он принялся расстреливать гномов, ведя про себя обратный отсчет.

Стражники медленно обходили кучу мусора, держа оружие наготове. Беглец не мог больше нигде скрыться. Они уже все осмотрели. Так и есть, за кучей послышался какой-то шум. Нарастающее рычание. Не без удовольствия командир отряда дал знак своим людям готовиться к захвату. Возможно, этот тип был обычным бродягой, но мог оказаться и персоной поважнее. Кто знает, может, это добавит весомый пункт к его послужному списку, что вполне возможно сулит повышением. А кто в наши дни из кожи вон не лезет, лишь бы выслужиться перед начальством?

Командир кивнул головой, и все четверо в один прыжок оказались в том месте, где, по их мнению, должен был находиться беглец. Их встретил свирепый лай. Тощие псины красноречиво демонстрировали свое негодование нарушителям спокойствия, осмелившимся посягнуть на их территорию.

— Куда он подевался? — озадаченно поинтересовался один из стражников.

— Я готов был поклясться, что он за этой кучей, — недоумевал командир, едва поборов желание расстрелять из арбалета этих псин. — Как сквозь землю провалился.

Стражники опустили оружие и растерянно переглянулись.

— Отбой, — махнул рукой командир, — все равно не велика рыбка, чтоб за ним бегать. Наверняка бродяга какой-то.

Стражники ушли. Собаки продолжали лаять им в след. Одна из них, рыжая, сильно выделялась габаритами на фоне собратьев, да и выглядела более опрятной и совсем не тощей. Но стражники не удосужились обратить внимание на такие мелочи. Рыжий пес выждал несколько минут, затем извлек из кучи мусора походный рюкзак, и просунул морду под кожаную лямку. Не без удовольствия он подставил ветру язык и вдохнул полной грудью. Как странно, в человеческом облике запахи свалки вызывали у него отвращение. Теперь же он обонял насыщенный букет:

недоеденное свиное ребрышко, еще почти не сгнивший вареный картофель, огрызок тыквенного пирога.

Слегка перекусив, пес распрощался со своими новыми приятелями и направился к реке. Серый диск солнца не так раздражал глаз. Человеческое тело было излишне привередливым. Но куда более ужасным было осознание того, что ты заперт в этой хрупкой, прямоходящей оболочке. Огненный пес мчался по равнине, его ноги едва касались земли. Он был еще слаб, но с волнением ощущал, как силы медленно возвращаются к нему. Рюкзак привычно шлепал по спине, нужно будет подтянуть лямки. Можно будет вновь принять человеческое обличие. Но не сейчас. Сейчас он как никогда наслаждался легкостью и свободой. Не стоило портить такой момент.

Наемник на деле убедился, что убить этот отряд было невозможно, поэтому старался целить в ноги, дробя кости противника. Гномы падали как подкошенные, но продолжали неутомимо наступать. Кости их не спешили срастаться, но это не мешало разбойникам ползти к своей жертве. Наемник с опозданием понял, что его оттеснили к стене, отрезая всякий путь к отступлению.

Камо в очередной раз нажал спусковой крючок. Раздался глухой щелчок. Левый ствол был пуст. Оставался последний выстрел. Наемник поднес палец к правому спуску, но затем передумал. Последний выстрел нужно потратить с умом. Воин откинул мушкарду за спину и схватился за свой короткий меч. Один гном бросился на него, и их клинки схлестнулись. Правила игры переменились, противника нельзя было убить. Поэтому Наемник оставил всякие попытки нанести рубящий или колющий удар по корпусу гнома. Его целью было обезоружить оппонента. Вложив всю силу, он наносил неистовые удары по мечу врага, и вскоре

ему так удалось очередным ударом выбить тяжелый меч из рук гнома. Затем последовала молниеносная подсечка и очумевший от такого нахальства враг оказался на полу, без каких-либо видимых телесных повреждений. Разумеется, такая тактика борьбы была изначально проигранной, так как отошедший от замешательства враг вновь поднимался, чтобы присоединиться к своим собратьям, которые и не думали прекращать наступление. Но что еще Наемнику оставалось делать?

В воздухе просвистела тяжелая секира. Это предводитель разбойников кинулся в атаку. Наемник едва увернулся и полностью сосредоточился на новой опасности. Секира была куда более опасным оружием, чем меч. Все равно что фехтовать с противником, вооруженным указательным столбом. Наемник откатился в сторону и схватил свободной рукой валявшийся на полу треножник обогревателя. Теперь он мог перехватывать мощные атаки секиры, нанося в ответ удары своим коротким мечом. Но вскоре его импровизированный щит не выдержал. От очередного удара треножник развалился. Наемник, понимая, что через мгновение та же участь ждет и его руку, повалился на спину. Секира, не найдя сопротивления, продолжила свой полет по дуге. Лежа на полу, Камо был уверен, что следующий удар запросто разрубит его пополам.

Гном приготовился нанести решающий удар в этой битве. Секира взмыла вверх. Наемник, осознавая, что это, вероятно, его последние мгновения, все же пытался просчитать возможные траектории секиры, чтобы за мгновение до удара успеть откатиться. Секира начала опускаться. Наемник заворуженно наблюдал, как тяжелая гильотина неумолимо приближается.

Вдруг одно из окон харчевни взорвалось. Что-то пернатое ворвалось в помещение, промелькнуло над Наемником и со всей силы врезалось в грудь предводителя разбойников. Тело гнома отлетело к дальней стене. Секира, в последний миг изменив свою траекторию, воткнулась в пол у левого уха Наемника.

Сокол, широко распростерши крылья, на мгновение застыл в воздухе. Затем начался сущий ад. Даже привыкший ко всякому Наемник с ужасом наблюдал, как с виду хрупкое тельце птицы подбрасывает в воздух гномов, облаченных в тяжелые доспехи, словно те были набитыми соломой куклами. Казалось, то, что враг не собирался умирать, еще сильнее заводило кровожадного Сокола. Эта птица была не менее безумной, чем весь этот проклятый мир.

Наемник не спеша поднялся на ноги. Он бы соврал, если бы сказал, что не получает извращенного удовольствия от созерцания открывшейся картины. Противник был изрядно помят и деморализован. Это виртуозное жонглирование телами, казалось, продолжалось целую вечность. Но, в конце концов, упорство гномов было сломлено, и в определенный момент они отказались подниматься, признавая превосходство Сокола.

Птица подлетела к Наемнику и бесцеремонно устроилась у него на плече.

— А еще позже ты не мог объявиться? Не то чтобы я жаловался, но в другой раз имеешь шанс пропустить все веселье.

Сокол зашелся в затыжном смехе.

«Да ты вроде и не звал. Или наш непобедимый Наемник испугался кучки каких-то жалких гомункулов?»

— Я только начал разминаться, — попытался оправдаться Наемник.

Раздалось неловкое покашливание, словно кто-то пытался привлечь их внимание. Однорукий гном держал нож у горла Марфы.

— Брось оружие свое на пол, незамедлительно, — извиняющимся тоном произнес гном.

Сам удивляясь своему поступку, Наемник беспрекословно бросил меч на пол и подтолкнул его ногой к гному.

«Что ты делаешь?» — прозвучал полный недоумения голос Хранителя.

— Не хочу, чтобы он ранил девочку, — ответил Наемник едва слышно.

«Ты не заболел? Девочка, небось, должна тебе денег, иначе я ничего не понимаю».

— Заткнись и не делай резких движений.

«Заноза. Одни неприятности от тебя».

— И свою палку тоже брось, будь любезен, — продолжал выдвигать требования осмелевший гном. Его собратья, поняв, что ход битвы вновь переломился, медленно выпрямлялись, занимая боевые позиции.

— Отпусти девочку, — медленно произнес Наемник, снимая мушкарду и бережно кладя ее на пол, — осторожней со своим ножом.

— Ты! Ты мне руку отрубил, окаянный, — закипал гном, — а эта птица ее куда-то унесла. Я ее до сих пор чувствую. Где моя рука, ты, пернатое отродье?! — последнюю фразу он прокричал, брызжа слюной. Не стерпевший такого нахальства Сокол растопырил крылья и грозно закричал на гнома. От неожиданности у того рука с ножом дрогнула, и бусинки алой крови выступили на шее девочки.

Марфа была парализована страхом. Ей вновь захотелось раствориться, исчезнуть, стать крошечной и невесомой, как перышко. И теперь ее страху был дан новый стимул. Реальная угроза ее жизни. Кровь. Страх. Одиночество. В памяти всплыли лица родителей. Мать учила ее. Это была их тайна. Отец, когда узнал, пришел в бешенство. Он запретил матери продолжать обучение. Он применил все известные ему дисциплинарные методы, чтобы девочка навсегда забыла то, чему научилась.

«Ты обезумела? Хочешь, чтобы нас постигла участь остальных? Хочешь ее смерти?» — неистовствовал отец.

«Но это же для ее безопасности!» — попыталась возразить мать.

«Хочешь, чтобы она была в безопасности — забудь навсегда свое ремесло. Если не желаешь, чтобы твою дочь сожгли на костре, а меня казнили за пособничество в магии — прекрати то, что ты делаешь. Для нашего же блага...»

Страх возродил воспоминания. То, что было похоронено глубоко в детском подсознании, неотвратимо возрождалось.

«Ты — перышко. Дыхание ручья. Невесомая травинка. Свет проходит сквозь тебя. Ветер не встречает преграды на своем пути. Ты переходишь из физического мира в лимб. Ты исчезаешь и становишься не более реальной, чем твоя тень. Стены не преграда для тебя. Нет закрытых дверей. Нет неприступных крепостей. Ты не просто незрима для человеческого глаза, тебя нет в этом мире. Ты — призрак».

Голос мамы, мелодичный и теплый, как пламя свечи. Уют и покой переполняли сердце Марфы. Она вспомнила. Она смогла. Мир изменил свои краски. Время потекло мимо нее. Она исчезла. Она стала призраком.

Наемник лихорадочно соображал, как поступить. Впервые в жизни он не знал, что делать. Неоднократно ему угрожали. Враг в любом мире не брезгует прикрываться живым щитом и диктовать свои условия. Но впервые этот трюк сработал на Наемнике. Неужели он настолько размяк?

Но тут что-то изменилось. Хрупкая фигура девочки начала мерцать и таять. Наемник несколько раз моргнул, пытаясь прогнать наваждение. Но девочка действительно исчезала, словно призрак. Перемену заметил и гном. Он запоздало рубанул ножом, но лезвие лишь вспорол воздух.

— Куда пропала чертовка энта? — запаниковал гном, очумело вращая глазами и неистово размахивая ножом.

Брошенный Наемником меч оторвался от пола и повис в воздухе. Марфа встала по правую руку гнома и что есть мочи рубанула его по запястью здоровой руки. Гном повернулся, ища глазами невидимого противника. Его рука с ножом взмыла вверх. Девочка вновь оцепенела от страха не в силах пошевелиться. Чары развеивались, она вновь возвращалась в физический мир, становясь удобной мишенью. Наемник упал на пол, хватаясь за мушкарду.

Восемь.

Грохот очередного выстрела прозвучал в харчевне. Лезвие ножа разлетелось на осколки. Гном, недоумевая, глядел на оставшуюся в его руке рукоять. Сокол не дал ему опомниться. Разорвав когтями куртку Наемника, он взмыл в воздух и стрелой врезался в грудь гнома. Бунт был подавлен.

— Уходим, — приказал предводитель разбойников. — Длани здесь нет. Но мы отомстим, братья мои, пренебреженно.

Гномы, понутив головы, поспешили покинуть харчевню.

— Ты позволишь им уйти? — поинтересовался Наемник у Хранителя.

«А как ты прикажешь мне их задержать? Я, конечно, могу их так хоть до вечера потрошить, а толку? Покуда мне не станет известен способ умерщвления этих гомункулов, я не в силах что-либо сделать».

— Дурной из тебя Хранитель, — заключил Наемник. Он помог Борумбдару подняться на ноги. Марфа с мгновение поколебалась, но затем присоединилась к Наемнику. Хозяин харчевни охал, хватаясь то за поврежденную спину, то за разбитую голову, но, хвала Эмихолу, серьезных повреждений на теле старика не обнаружилось.

— Стар я для таких приключений, — запричитал он. — Накликал ты беду на мое заведение.

— Охрану бы тебе толковую завести не помешало, — проговорил Наемник, пододвигая старику стул, — на безопасности не экономят.

— А не пойти ли тебе... прочь, окаянный? — отмахнулся гном. — Поучать вздумал меня, сопляк. Чужало сердце мое — жди от тебя беды. Шел бы ты отсюда, покуда еще чего не приключилось на голову мою, седую.

— Прости, — сокрушенно произнес Наемник, — я не знал, что все так обернется.

— Не знал он... — продолжал ворчать Борумбдар. — И что мне теперь делать прикажешь? На кой мне извинения твои? Проваливай, говорю, чтобы духа здесь твоего не было. А то сейчас стража набежит и будешь ты им объяснять, как тебе жаль... Эти все о тебе расспрашивали, о Хранителе и о псе Огненном. Обманул ты меня, старейшину под мой кров привел... В стойле возьми коня пегого...

— Чего? — опешил Наемник.

— Коня, говорю, возьми. Или ты в пешую собрался на перерезки со стражей состязаться? Но не зазнавайся. Не думай, что я тебе расположение оказываю. Просто не хочу, чтобы тебя стража поймала, мне потом на вопросы щекотливые отвечать. Надо кому энто? И девчонку забери. Магичка она, нет ей здесь защиты. Для стражи что дитя, что старуха — все едино, коли магией промышляет.

— Спасибо... — проговорил Наемник, — за коня, и за все.

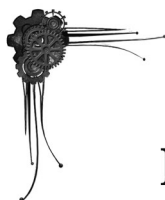
Уже на пороге Борумбдар не удержался и в последний раз окликнул Наемника:

— Ты же не из этих мест? Ты чужак, это я понял. Но скажи мне на милость, тебе на вид нет и сорока, очевидно, что при предыдущей Ярмарке миров тебя еще и в помине не было. Просвети меня, старика никчемного, как тебя угораздило оказаться на Нурлинь?

Наемник застыл на пороге, на мгновение задумавшись. Затем постарался ответить как можно честнее.

— Мне кажется... я умер.

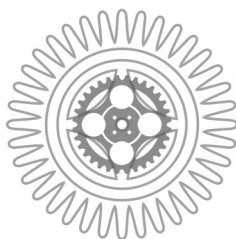

ЧАСТЬ 3

ВЫБОР

ГЛАВА 17

*в которой Наемник находит новых союзников
и новых врагов*

Конь оказался славным, и Наемник в очередной раз отметил, что Борумбдар не был таким уж скрягой, каким хотел показаться окружающим. Конь уверенно неся галопом, грациозно перепрыгивая валуны и торчащие из земли коряги. Наемник не был большим любителем верховой езды. В седле он чувствовал себя некомфортно, но старался не подавать виду, дабы не упасть в глазах девочки. Марфа сидела впереди и, крепко ухватившись за гриву коня, завороченно наблюдала, как мимо них проносятся холмы и одинокие деревья. Проклятая птица парила неподалеку, изредка проносясь прямо над головой Наемника, что не могло не раздражать.

Из-за очередного холма показалась река. Тусклое солнце окрасило воду в зловещий багровый цвет. Наемник остановил коня и огляделся по сторонам. Гайла нигде не было видно. Наемник помог Марфе спуститься и направился к берегу, ведя коня за поводья.

— Наверняка мы не заметили его и разминулись в пути, — предположил Наемник.

«Я бы не спешил с этим утверждением», — злорадно нахохлился Сокол. Он бесцеремонно опустил на плечо Наемника и без предупреждения пронзительно закричал. Едва не оглохший Наемник собрался уже повыдергать перья у проклятой птицы, но тут от покосившегося над водой дуба отделилось несколько фигур. Костлявая старуха, какой-то обрюзгший чудака и существо с головой быка пристально уставились на Наемника. Тот потянулся к мечу.

«Расслабься, свои, — поспешил успокоить его Сокол. — Это я их позвал. Не густо для такого города, как Меилеф, ну и на том спасибо. Видать, добровольцы нынче в дефиците. Дело у нас сложное, и их помощь не будет лишней».

Наемник недоверчиво поглядел на Сокола:

— Ты собираешь отряд? Неужто великий и непобедимый Хранитель нуждается в помощниках?

«Это не для меня, — невозмутимо ответил Сокол. — Я собираю отряд для тебя с Гайлом... Заноза».

— Старуха, толстяк и хм... бык? Ну с таким отрядом успех нам обеспечен, — съязвил Наемник, оценивающе глядя на незнакомцев. — Ты серьезно?

— Не бык. Минотавр я, — отозвалось утробным голосом существо с бычьей головой, — сам ты таков, как меня назвал...

— Посмотрим, что скажет на это Гайл, — фыркнул Наемник, игнорируя реплику минотавра.

— А вообще-то у меня имя есть, — продолжал ворчать минотавр, ни капли не тревожась, что на него не обращают внимания. — Зовут меня Астерид. Ударение на «и». Это так, для информации. Не то чтобы я в знакомства набивался. Больно надо...

«Думаю, Гайл не против», — отозвался голос Сокола в голове Наемника.

— А ты почему знаешь?

Сокол не ответил. Из-за дуба выскочила еще одна фигура. Взырошенный рыжий пес внушительных размеров засеменил к Наемнику, дружелюбно отвесив язык.

— Ух ты, собачка, — по-детски обрадовалась Марфа и принялась усердно чесать пса за ухом. Морда зверя перекосилась от удовольствия. Он часто дышал и умильно вилял хвостом, при этом искоса поглядывая на Наемника.

— Полегче, псина может быть заразной, — попытался урезонить тот девочку.

Альмогавар скептически уставился на пса. Одна деталь привлекла его внимание. К спине собаки ремнями крепился рюкзак. Где-то он уже видел похожий...

Глаза Наемника расширились. Догадка потрясла его настолько, что какое-то время он не мог связать и пары слов.

— Ты... Огненный пес... Так ты же... пес. Будь ты не ладен, это не метафора. Ты самый настоящий пес! Блохастая псина! Подумать только. Во что я ввязался... Это место... Да вы все тут ненормальные!

Гайл, все так же дружелюбно глядя на Наемника, прерывисто твякнул, словно соглашаясь с каждым словом.

На костре бурлил котелок с какой-то снедью. Пекарь Девал суетился над своим блюдом, то и дело подкидывая в жидкость различные травы, из-за чего по берегу разнесся пряный аромат. Все сидели молча, кто глядя на воду, кто на костер. Никто не решился заговорить. Минотавр со скучающим видом брэнчал на небольшом струнном инструменте, изредка заводя вполголоса утопические напевы. Старуха демонстрировала Марфе свои причудливые побрякушки. Проклятой птицы нигде не было видно, что полностью соответствовало ее стилю: заварить сомнительное дельце и благополучно исчезнуть без предупреждения.

Наемник покосился на Марфу, внимание девочки было полностью приковано к старухе, которая добродушно попросила называть ее Бабулей. Вот и вся благодарность. Наемник выполнил свою работу, и теперь, когда опасность больше не угрожала девочке, о нем благополучно забыли. Не то чтобы он рассчитывал на благодарность, но Марфа была единственным человеком в этой группе, которого Наемник привел лично. А теперь он вновь был один. Впрочем, ему не привыкать.

Гайл подбежал к пекарю и что-то весело залаял. Пекарь без долгих размышлений полез в котелок и извлек оттуда проваренную кость.

— Держи, Огненный пес. Бульон уже почти готов. С мясом у меня, к сожалению, напряг, только суповой набор для похлебки.

Пес что-то благодарно пролаял и скрылся за дубом с костью в зубах.

Любопытство взяло верх над злобой и раздражением.

— Что это только что было? — поинтересовался Наемник у пекаря.

Тот сперва опешил. Убедившись, что Наемник обращается именно к нему, Девал поспешил ответить:

— Огненный пес Тихар-Ку поинтересовался: есть ли у меня что-нибудь перекусить. А еще поблагодарил за то, что я взял на себя инициативу приготовить еду для его отряда.

— Для его отряда?.. — Наемник очумело поглядел на невозмутимого пекаря. — Стоп. Или я чего-то не расслышал, но, по-моему, этот ваш Огненный пес только то и делает, что лает и виляет хвостом. Я не расслышал ни одного отчетливого слова. Вот когда он был человеком, то болтал без устали...

— Огненный пес не нуждается в человеческой речи. Его нужно слушать сердцем. Тот, кто не готов слышать, обречен оставаться глухим.

— Что ему стоит вновь стать человеком? Зачем создавать лишние неудобства окружающим?

— Не могу взять в толк, о каких неудобствах идет речь. Ни у кого больше из отряда не возникло трудностей в общении с Огненным псом. Все дело в желании. А находиться в человеческом облиции для него не менее комфортно, чем человеку отрастить рыбий хвост.

Минотавру наконец-то удалось настроить свой инструмент, и он затянул песню. Пекарь театрально закатил глаза:

— Ну, все, понеслась...

Я птица Сокол, я лечу.

Лечу туда, куда хочу.

Моя разбита скорлупа,

Я на свободе, вольный я.

Меня пытались изловить

И сети ставили повсюду.

Но, понадеявшись на чудо,

Сами сидят в сетях своих.

И что ответить мне для тех,

Кто Эмихолом пренебрег?

Враг однокрылый, трепещи,

Когда услышишь смех в ночи!

И на твоих костях тогда

Он порезвится. Ха-Ха-Ха!

Минотавр по имени Астерид, позабыв о приличиях, вошел в раж и финальную строчку просто проревел. Звук его голоса более походил не на пение, а на стадный рев табуна обезумевших буйволов, которые извещают о своем приближении, несясь по равнине.

Пекарь расплескал похлебку на потрескивающие дрова. Гайл выглянул из-за дуба и смерил Наемника неодобрительным взглядом. Тот поначалу возмутился, но затем правильно истолковал настроение четвероногого приятеля. Подаренный Хадлеаром нож

взмыл в воздух, и острое лезвие воткнулось в землю у самого копыта минотавра.

— У нас тут не пикник, — крикнул Наемник, привлекая к себе всеобщее внимание, — не встреча закадычных друзей у костра и тем более не осенний съезд бардов! Задача — не привлекать внимания и оставаться незамеченными. Ваш глубокоуважаемый Огненный пес попросил меня заняться вопросом его безопасности. И я к своей работе отношусь серьезно. Если кто-то для себя не уяснил, что нам нежелательно шуметь, то я его переубедить не собираюсь. Можете сразу проваливать.

— Чего он раскричался, — возмущенно заворчал минотавр, глядя на торчащий из земли нож, — того и гляди патруль привлечет. А мне потом бодаться с ними.

— И вообще, кто это такой? — подала голос старуха. — Че командует? Сразу видно — чужак. Я ему не доверяю, уж больно глаза недобрые. Такие лишь язык серебра признают.

Наемник только открыл рот, чтобы возмутиться, но слово уже вставил пекарь:

— Я, конечно, согласен, излишнее внимание к нашим персонам привлекать не стоит, но все же хочу подчеркнуть, что не привык, когда со мной общаются в подобной форме. Я, между прочим, успешный предприниматель, и мне пришлось оставить свою пекарню без присмотра ради этой авантюры. Посему прошу проявить толику уважения. Тем более, почтеннейший Камо, раз вы так рветесь продемонстрировать ваши командирские качества, то не будете ли так любезны посвятить нас в нюансы предстоящего предприятия? Вам известна цель вашего работодателя? Так бы сказать, какова финальная точка нашего назначения? Я только слышал о том, что от нашей миссии зависит будущее Нурлинь. На этом моя информированность упирается в высокую стену вопросов и неопределенности.

Наемник опешил от такого напора критики и претензий. Пекарь, не дождавшись ответа, демонстративно повернулся к Наемнику спиной и занялся своим варевом.

Маленькая ручка взяла ладонь Наемника. Он оглянулся и увидел замаранное но, в отличие от других членов их отряда, дружелюбное лицо Марфы.

— Не сердись на них, — попыталась выступить в роли примирителя девочка, — для них ты действительно чужак. Но они не знают тебя так, как я. Вот поглядишь, стоит лишь тебе пару раз спасти их шкуры от неприятностей, так сразу по-иному запоют. А этот жирдяй, сразу видно, изнеженная особа...

— Кому говорил — не выражайся! Имей уважение. Он хоть и впрямь жирдяй, но все-таки старше тебя, — отечески осадил девочку Наемник, но в глубине был искренне ей благодарен за поддержку.

— Какие вы, взрослые, зануды, — насупилась Марфа, возмущенно сложив руки на груди. — Вам, значит, можно бранить друг друга, ножами бросаться, а мне, значит, рот закрыть?

Наемник ничего не ответил. Он был раздражен и не хотел переносить свою злость на ни в чем не повинную девочку. Собрал вещи и решил прогуляться. Нужно было оглядеться вокруг. Убедиться, что вопль минотавра не привлек к их отряду внимание посторонних. Но еще ему требовалось побыть наедине, привести мысли в порядок, разобраться с накатившей волной противоречивых эмоций. Все происходившее ему очень не нравилось. Еще больше ему не нравился тот факт, что он полностью терял контроль над ситуацией. Только он начал привыкать к разговорчивому Гайлу и нахальному Соколу, как судьба подсунула ему новых кандидатов, дабы он практиковался в терпении и человеколюбии. Неужели ему до конца дней предстоит нести бремя няньки?

Перед глазами в очередной раз всплыли образы Антонио и Марии. И вновь Наемник прогнал эти призраки. С него хватит. Он обычный воин: сходи туда, добудь это, держи оборону, соверши набег — это то, чему он был обучен. Выполнение четко поставленных задач, никаких вопросов, никаких сантиментов.

Он вспомнил разговор с Хадлеаром. Вот где его место — в отряде с этим воином. И не беда, что он чужак. Навыки у него есть, капитан сам это подметил. Лежащее в кармане куртки рекомендательное письмо жгло его. Что он вообще здесь делает? Выполняет данное птице обещание? Защищает непутевого Гайла? Не тот ли это Гайл, который позабыл упомянуть, что является блохастой псиной? Наемник брался охранять человека. Этому виляющему хвостом нелепому животному он никаких обещаний ни давал. Перспектива посещения Академии городской стражи выглядела, как никогда, заманчивой. Возможно, если он покинет этот безумный отряд сейчас, его даже не упрекнут. Он постарался вразумить их, от него отмахнулись. Ему выказали недоверие. Какие могут быть претензии, если он уйдет? Возможно, кто-то даже вздохнет с облегчением. Возможно, с облегчением вздохнут все. Разве что окаянная птица может стать проблемой. У нее свои извращенные планы относительно судьбы Наемника, чего доброго кинется его преследовать.

Но не это остановило его — ни страх перед птицей, ни обещание, данное Гайлу. Он не мог подвести девочку. Он спас ее, и теперь нес за нее ответственность. Он привел ее в круг незнакомых людей и просто не мог бросить одну.

«Раньше тебя такие пустяки не волновали, — заговорил внутренний голос. — Что изменилось теперь? Неужели ты наивно полагаешь, что таким образом сможешь искупить свою вину? Наивный глупец».

Он не стал спорить с этим голосом. Он и сам не знал, что им движет. Мир, с его утвержденными устоями, для Наемника колебался бесповоротно. Все переменилось. В этом чокнутом мире магов и гномов, на фоне свихнувшейся нечисти даже он выглядел не таким уж и плохим парнем.

«И то правда, — вновь съязвил внутренний голос, — самый раз причислить тебя в один ряд к святому Факундию. Самый, что ни на есть, праведный мученик. Только не нужно обманывать самого

себя. Ты можешь притворяться сколько угодно и корчить из себя добродетеля-мессию. Но мы-то знаем, кто ты на самом деле. Мы знаем, что ты сделал».

Наемник стоял у воды. Бурное течение несло опавшую листву и прочий мусор. Человеческое существование сродни течению. Как только ты думаешь, что ноги твои встали на твердую почву — будь готов, что круговорот жизни увлечет тебя в новую, не имеющую жалости, полную суеты канитель. Наемник ощущал себя одним из этих листьев, мечущихся в бурном потоке воды. Он не жалел, что прыгнул тогда в озеро за проклятой птицей. Нет. Он жалел, что не утонул. Смерть навсегда бы избавила его от душевных терзаний и сложных решений. Но теперь мысли о легкой смерти выглядели глупо и малодушно. Что это изменит? Он уже почти свыкся жить с чувством вины. Возможно, в этом месте у него действительно есть возможность что-то изменить. Чтобы заглушить голоса терзающих его призраков, он должен, как минимум, ни больше ни меньше, спасти этот безумный мир.

— Именно этим я и занимаюсь, — прошептал альмогавар бесстрастной воде, — Если где-то и есть так называемые весы правосудия, то я уж постараюсь переполнить нужную чашу до краев. По крайней мере, приложу к этому все усилия.

Наемник оторвал взгляд от воды и остолбенел. На том берегу реки стояла грозная фигура и так же пристально рассматривала Наемника. Возможно, кто-то принял бы ее за нависший над водой каменный валун. Но Наемник хорошо запомнил тролля Уфи. Из-под грубо оттесанных надбровных дуг посверкивали мелкие рубины глаз. Этот взгляд не сулил ничего доброго. Уфи служил в городской страже и, по словам Гайла, подчинялся непосредственно Хадлеару. В кармане Наемника по-прежнему находилось письмо с печатью Хадлеара. Возможно, удастся обойтись без потасовки? Может, тролль постоит так и уйдет? Тем более их разделяла река, переправы по близости

не наблюдалось, и вряд ли этот родственник камням исполнин умеет плавать.

Уфи озадаченно огляделся по сторонам и оторвал от рядом стоявшего дерева толстую ветку. Повертев ее в руке, он удовлетворенно хмыкнул. Затем, не целясь, запустил ею в Наемника. Со скоростью выпущенной из лука стрелы ветка преодолела разделявшее их расстояние и с глухим звуком воткнулась в землю точно в том месте, где мгновение до этого находился Наемник. Тело само подсказало, когда нужно отпрыгнуть. Своим незамысловатым поступком Уфи дал понять, что просто так уходить не собирается. Наемник вновь порадовался тому обстоятельству, что их разделяла вода. Попытаться схлестнуться в рукопашную с таким противником было равнозначно самоубийству.

— Значит, война, — прошептал Наемник, становясь на одно колено.

Рука его потянулась за спину, где покоилась мушкарда, заряженная восемью свинцовыми ядрами.

Старуха с незамысловатым прозвищем «Бабуля» угощала Марфу сухофруктами и разглагольствовала на философские темы:

— Ну кто ж посмел сие дитя малое бросить-то? Изверги расплодились нынче на Нурлинь. А этот грубиян...

— Его жафут Камо, он рыфарь, — поправила старуху девочка с набитым сухофруктами ртом.

— ...этот грубиян Камо раскричался тут на всех. А Девал, между прочим, здравые вопросы задавал. Я уже не в том возрасте, чтоб шею подставлять ради одной лишь романтики приключений. Меня тоже многие вопросы гложут. Уж больно много от нас утаивают. И этот Камо, он же чужак. И где только вы его

нашли. Вы в его глаза смотрели? Там тьма одна непроглядная. Как такому можно доверить наши спины прикрывать?

— Он меня спаф! — возразила девочка, отправляя в рот кусочек чернослива.

— Я тоже не проникся к этому Наемнику доверием, — подержал старуху пекарь, — от такого только и жди предательства. Если кто спросит моего мнения, то я бы предложил отказаться от его услуг. Вот где он в данный момент пропадает, кто-то поинтересовался? А может, он нас в этот самый момент сдает городской страже? Дайте ему пару монет и отпустите с миром. Зачем он нам?

— Он воин, — подал голос молчавший доселе минотавр, и все с удивлением посмотрели в его сторону. — Алхимия и ворожба — это хорошо, но из всех нас только я имею опыт рукопашного боя и фехтования. На то он и Наемник, чтоб грубить и ставить всех на место. Не для увеселения же он здесь. Хранитель его избрал, и кто мы, чтобы спорить со слугой Эмихола? А то, что в глазах его тьма непроглядная, дак это лишь объединяет его с нами. Или кто-то из присутствующих хочет со мной поспорить относительно чистоты его совести? Не изгой ли мы сами? Не нас ли нечистью нарекают? И, по правде сказать, таки есть за что. Думаю, самое время доказать, что и от нас бывает польза, а не одни лишь беды.

Все умолкли, погрузившись в раздумья. Старуха открыла было рот, чтобы высказать очередное умозаключение, но ее прервал громкий шум, словно раскат грома.

— Что это было? — минотавр вскочил на ноги и начал оглядываться.

— Это Камо, — невозмутимо ответила девочка, продолжая жевать, — он в кафота фтреляет.

Похвалив себя за то, что не поленился зарядить мушкарду, Наемник всматривался в окуляр оптики, наводя фокус и выбирая цель. Задача была не из легких. Все тело тролля словно поросло твердыми наростами, очень походившими на булыжники. Такую броню вряд ли и мушкарда возьмет. Но попытаться все-таки стоило. Тем более, Наемник находился от противника на безопасном расстоянии и за свою жизнь не боялся. Оглядевшись по сторонам, Наемник убедился, что тролль был один. Оставалась опасность, что звук выстрела привлечет кого-то еще, но соблазн взял верх. И раз уж его отряд принялся шуметь, пренебрегая всеми нормами подполья, то что он, не имеет права тоже расслабиться? Мысль, разумеется, не достойная альмогавара, но что-то подсказывало ему — Уфи здесь один.

Выбрав в качестве мишени то место на груди, где у обычного человека располагается сердце, Наемник нажал сразу оба спусковых крючка. Звук выстрела пронесся над водой. Вспышка и два ярких луча прочертили в воздухе идеальные параллельные прямые. Оба ядра вошли в грудь троллю. Он пошатнулся, но не упал. Было невозможно определить, нанес ли Наемник ему ощутимый ущерб. Одно было ясно: Уфи разозлился. Лицо его исказилось в гримасе ярости и так и застыло, словно во время дешевого спектакля главному лицедею сменили маску. Тролль одарил Наемника испепеляющим взглядом, затем резко развернулся и с завидной скоростью бросился прочь.

Наемник был обескуражен таким поворотом событий. Неужели ему удалось напугать этого великана? Не зная, радоваться или паниковать, Наемник глядел на пыльный след, оставленный убегающим троллем. Возможно, тот отправился звать подмогу, но если так, то Наемнику незамедлительно требовалось сообщить своему отряду, чтобы они сворачивали лагерь.

Внезапно с того берега послышался шум. Что-то приближалось. Что-то быстрое и тяжелое. Наемник еще вглядывался в горизонт, недоумевая, когда в поле его зрения вновь появился тролль. Уфи приближался, несясь на всех парах. У самого берега его подобные столпам ноги согнулись в коленях, и тролль взмыл высоко в небо, словно был не тяжелой тушей, а грациозным кузнечиком.

— Уфiiiiii! — пронеслось громовым раскатом.

Там, где мгновение назад находились ступни тролля, в земле остались глубокие отпечатки. Наемник очень медленно соображал. Происходящее не вмещалось в его голове, и он поздно понял, что отвлекся. Что-то просвистело у него над головой. В последний миг он так сообразил упасть навзничь. Пронесшаяся над ним каменная глыба на мгновение заслонила собой солнце и затем с потрясшим землю грохотом приземлилась рядом.

Подобные скалам плечи расправились. Великан выпрямился во весь рост и словно увеличился в размерах. Впервые Наемник находился на таком близком расстоянии с троллем. Габариты его внушали трепет и ужас. Подобным молоту кулаком он стукнул об открытую ладонь, красноречиво демонстрируя Наемнику, что его ожидает. Это был не тот ослепленный вином, обрюзгший Огр, с которым Наемнику довелось столкнуться у харчевни. Тот, по крайней мере, выглядел как живое существо из плоти и крови, которое можно ранить. Уфи же одним лишь своим видом убивал всякие надежды на благополучный исход предстоящей схватки.

Когда на тебя нападает враг — защищайся. Когда же тебе навстречу по откосу катится каменный валун, самым благоразумным решением будет незамедлительно убратъся с его пути. Но что делать, когда валун ожил и отрастил кулаки?

Наемник все же сделал несколько выстрелов. Но эффект был тем же — тролль не получил никакого заслуживавшего внимания повреждения и еще больше разозлился. Наемник бросил мушкарду, от меча тоже не было никакой пользы. На

берегу началась некая игра: Наемник превратился в приткную букашку, которую норовила прищлепнуть громадная мухобойка. Проблема заключалась в том, что Уфи тоже не страдал неповоротливостью, нанося молниеносные удары и выпады. Наемник прекрасно понимал: достаточно пропустить хотя бы один из этих ударов — и ему конец.

Наемник катился по земле, тролль пытался раздавить его ногами. Почувствовав прохладную влагу, Наемник понял, что сумел докатиться до самой воды. Плеснув в лицо троллю жидкой грязи, он выиграл немного времени. Природа не наделила тролля ресницами и слезными железами. Он был ослеплен и безуспешно пытался прочистить глаза неуклюжими ладонями.

Наемник сделал несколько глубоких вдохов, собираясь с силами. Тролль топтался у самого его лица, и вдруг Камо заметил кое-что весьма странное. Внимание его сосредоточилось на ногах тролля. Поначалу Наемник подумал, что тот носит сапоги причудливого покроя. Но нет. То были не сапоги. Некий сложный механизм крепился обручами к ногам Уфи. Похожие механизмы так же крепились и к его суставам на руках. Железные шестерни и шарниры. При каждом движении тролля механизмы приходили в действие и струи пара (поначалу Наемник подумал, что это потревоженная дорожная пыль) со свистом вырывались из небольших желобов. Теперь кое-что прояснялось. Уфи называли скороходом, и Наемник только что узнал его секрет. Некий искусный инженер изготовил сей механизм, чтобы неповоротливое существо могло передвигаться со скоростью лани. В сердце Наемника затеплилась надежда. Он пополз за мушкардой.

Тролль бросил бесполезные попытки прочистить глаза руками. Став на колени, он погрузил голову в реку. Наемник добрался до мушкарды, подобрал ее и спрятался за толстым стволом дерева. Уфи выпрямился, сплевывая воду. Мокрая голова его теперь поблескивала на солнце, еще более походя на булыжник. Он огляделся по сторонам, выискивая свою жертву.

— Я знаю, кто ты! — впервые заговорил он с Наемником, — Хозяин говорил о войне с грохочущей палкой. Но в отношении меня твоя магия бесполезна. Тебе не уйти, и ты это знаешь. Уфи — быстрый. Я переломлю тебя, как камыш.

Наемник, затаив дыхание, выжидал. При помощи своей болтовни Уфи хотел выведать место укрытия противника. Наемник не шевелился, вслушиваясь в приближающиеся шаги. Все затихло. Громоздкая туша тролля перестала издавать какие-либо звуки, словно растворилась. Наемник напрягся. Что-то было не так.

Неожиданно массивный ствол дерева, к которому прислонился Наемник, затрещал. Уфи каким-то образом удалось бесшумно подкрасться, и теперь он хотел повалить дерево, разmozжив им Наемника. Камо откатился в сторону, и в следующее мгновение массивный ствол коснулся земли. Уфи возвышался над ним, торжествуя, как некая уродливая статуя языческого бога. Наемник выстрелил трижды. Времени на прицельную стрельбу не было, но один выстрел все же угодил в цель. Послышалось шипение и лязганье металла. Один из механизмов на левой ноге тролля вышел из строя. Наемник не успел обрадоваться своему везению. Троль был уже слишком близко и теперь мог просто дотянуться до Наемника.

— Ты за это заплатишь, — прогремел голос тролля.

Наемник прицелился в правую ногу Уфи. Троль понял замысел Наемника, и ему это, очевидно, не понравилось. Он оторвал толстую ветку от поваленного дерева. На несколько секунд повисла пауза. Наемник понимал, что ему нужно принять решение: уворачиваться или же стрелять. Как троль бросается ветками, ему уже довелось наблюдать.

Время на раздумья вышло. Прозвучал еще один выстрел. Теперь механизм и на правой ноге тролля был выведен из строя. Наемник услышал, как что-то, вращаясь, летит в его сторону. Он инстинктивно выставил левую руку вперед, защищая лицо.

Послышался хруст ломаемой кости. Тяжелая ветка сбила его с ног. Адская боль пронзила его руку от запястья до плеча. Сквозь пелену боли он видел, как массивная фигура склонилась над ним. Растопыренные пальцы потянулись к его горлу. Наемник нашарил в кармане куртки подаренный Хадлеаром нож и выставил его перед собой. Разумеется, это была неосознанная попытка проявить сопротивление, вызванная отчаянием, а не здравым смыслом. Увидев маленький нож в руках Наемника, Уфи опешил. Пальцы его остановились у самого горла Наемника.

— Откуда у тебя это? Признавайся, ты его украл? — требовательно поинтересовался тролль.

— Это подарок, — преодолевая боль, сквозь зубы процедил Наемник.

Тролль замер в нерешительности. Наемник в очередной раз приготовился встретить смерть. Он сбился со счета, сколько раз за последние часы был в похожем положении. Это уже начинало слегка утомлять.

Раздался утробный вой. Уфи насторожился, привлеченный этим звуком. И тут что-то врезалось в каменную грудь тролля. И, о, чудо, тролль повалился на землю сбитый с ног новым противником. Минотавр Астерид уступал троллю габаритами, но, казалось, не испытывал больших затруднений, развязав рукопашную схватку с Уфи. Он достойно выдерживал каменные кулаки тролля и даже умудрялся наносить ответные удары. Существо с головой быка оказалось обладателем невероятной физической силы. Наемник поморщился, вспоминая, как угрожал минотавру. Тому ничего не стоило сломать хребет наглому обидчику.

Рядом с Наемником появились и другие члены отряда. Пекарь бросил в тролля какие-то мешочки, и в тех местах, куда они угодили, тело тролля раскалилось добела, как горящие угли. Из груди Уфи раздался жалобный вопль боли. Он в последний раз взглянул со злостью и обидой на прибывшую кавалерию и кинулся в

бегство. Теперь его вряд ли кто-нибудь назовет скороходом. Но никто его не стал преследовать.

Марфа склонилась над Наемником и участливо погладила по заросшей щеке. Гайл лизнул его в запястье. Старуха тем временем, невзирая на протесты, срывала с него куртку и втирала какую-то мазь в сломанную руку. По телу моментально разлилось приятное тепло, и боль утихла.

Рядом на землю опустился Сокол.

«Ну что? Как я погляжу, наш отряд тебе таки пригодился».

Наемник ничего не ответил. Был ли смысл оправдываться или спорить? Жизнь устроила ему новый экзамен, и он был бы глупцом, не принимая во внимание ее уроки. Наемник устало закрыл глаза и предоставил врачевателям делать свою работу.

— Поглядите, что я нашел, — минотавр что-то нес в руке, — наверное, этот недружелюбный тролль уронил.

Минотавр продемонстрировал всем свою находку.

Гайл и Наемник заговорщицки переглянулись.

— Вы знаете что это? — поинтересовался пекарь.

Гайл кивнул Наемнику.

— Мы уже видели такие штуки, — ответил Наемник. — У лепаря Мирри и у бородатых разбойников были такие же. Это устройство, при помощи которого они общаются со своим Хозяином. Очевидно, этот резвый тролль не в курсе, что служить двум господам, как минимум, не этично.

ГЛАВА 18

*в которой Марфа меняет историю,
а Наемник учится ценить жизнь*

Весь день они шли на запад вдоль реки, стараясь не попадаться на глаза патрулям стражи. За это время миновали две переправы и несколько подвесных мостов.

— Ближе к Каменному Лесу будет мелководье. Там можно будет перебраться на другой берег, минуя патрули, — пояснил Наемнику минотавр.

Воин едва заметно кивнул. За время пути они мало общались. Никто больше не задавал вопросы. У всех был удрученный вид, но роптать и жаловаться никто не осмеливался. Было видно, что пекарю долгая пешая прогулка давалась нелегко. Хоть он изо всех сил старался не подавать виду, но изредка все же бросал завистливые взгляды на ехавших верхом старуху и девочку.

Наемник потер затекшее плечо. Левая рука, затянутая тугим жгутом, ныла, но боли не было. Старуха действительно знала толк в своем деле. Также минотавр пошептал какое-то

заклинание над больной конечностью. По его заверениям, Наемник сможет пользоваться рукой уже через пару дней, во что с трудом верилось. Это был не первый перелом Наемника, и он хорошо управлялся мечом как правой, так и левой рукой. Но вот удастся ли ему пользоваться мушкардой, вызывало большой вопрос.

Стемнело рано. Коварный холод проникал сквозь одежду, и путники приняли решение устроить привал и развести костер. По большей мере сделано это было ради старухи, уж больно жалкий она имела вид. Пекарь вновь принялся застряпню. На ужин их ожидали запеченные в углях овощи. После трапезы Девал подлил в костер масла лапедоса и пламя загорелось ярче. Тепло его распространилось, заботливо укутывая путников покрывалом уюта и покоя.

— Масло это делается из пятилистника, — решила просветить Наемника старуха. — Очень полезное растение, много снадобий из него готовится. Но и опасное оно, тот, кто пыльцу его вдыхает, не жилец. Сейчас как раз сезон цветения, так что коль увидишь где куст с цветками розовыми — держись подальше.

— Я уже имел радость испытать на себе его свойства, — ответил Наемник. Ему было неприятно говорить на эту тему, но по удивленному взгляду старухи было ясно, что так просто она теперь не отстанет, поэтому воин продолжил: — Два дня назад меня угораздило набрести на одну из плантаций близ Залардана. Гайл нес меня на руках всю ночь, пока нам на пути не встретился один лепарь. Он оказался знахарем, поэтому я и не умер. Так что я имею некоторое представление о действии пыльцы лапедос-ореахос.

— Так ты, оказывается, должник Огненного пса, — чему-то обрадовалась старуха. — Это многое объясняет. Мало кому, поддавшемуся действию пятилистника, удастся спастись. Тебе очень повезло, цени этот подарок судьбы. Надеюсь, ты хорошо отблагодарил этого добродушного знахаря, который спас тебе жизнь?

Наемник замялся.

— Вообще-то... мне пришлось его убить. Но на это была веская причина.

Старуха уставилась на него округлившимися от ужаса глазами. Наемник, ощутив на себе полный презрения взгляд, откинул все попытки оправдаться. Пусть думает что хочет, ее дело.

— Камо мне не должник, — раздался голос за их спинами. — Если бы он не убил лепаря, меня бы здесь не было. Так что мы квиты. В этом отряде нет никого, кто был бы мне чем-либо обязан. Все вы — добровольцы. И я никого не держу, никого не собираюсь принуждать следовать за мной.

Огненный пес вышел вперед. Его шерсть словно окрасилась в цвет пламени костра. Глаза всех присутствующих были устремлены на него. Что-то устрашающее и величественное было в его облике. И как Наемник раньше этого не замечал? Как мог принять его за обычную дворовую псину? Нет, Тихар-Ку не был псом. Он был альфой, прародителем, стражем небесных врат, он был старейшиной, он был Огненным псом. Восхищенный открывшейся ему истине Наемник даже не обратил внимания, что так же, как и все, понимает речь Гайла.

— У вас накопилось много вопросов, и, думаю, пришло время на них ответить. После этого каждый решит для себя: желает ли он и дальше оставаться членом нашего отряда. Лепарь Мирри, который пытался меня убить, был не единственным. Много убийц посланы по моим следам. И все они охотятся за одной и той же вещью.

Гайл порывлся в своем рюкзаке и зубами извлек какой-то предмет. Все склонились, завороченно глядя на поблескивающий при свете костра кусок горной породы. Наступила тишина, которую долгое время никто не решался нарушить.

— Когда мне говорили, что от нашей миссии зависит будущее Нурлинь, я и помыслить не мог, что речь идет об этом, — в голосе минотавра слышался трепет, смешанный с недоверием. — Если

это то, чем кажется, а сдается мне, что эта Святыня подлинная, то неужели мы действительно попытаемся воплотить в жизнь древнюю легенду? Подумать только, предания оживают. Значит, все-таки Пики Безрассудства? Неужто вы и впрямь полагаете, что нам удастся призвать Его?

Гайл опустил предмет на землю и руки каждого робко потянулись, чтобы коснуться Длани. Благоговейный трепет наполнил сердца. Они стали сопричастными к великой тайне. Они творили историю.

— Ты совершенно прав, друг мой Астерид, — развеял все их сомнения Огненный пес, — мы действительно собираемся призвать Эмихола.

Путники устроились на ночлег, улегшись вокруг догорающего костра. Земля была холодной, и Наемник раздраженно ворочался на жесткой траве. Свой плед он отдал Бабуле, та в нем нуждалась куда больше. Хотя пожертвуй весь отряд свои пледы, вряд ли и это смогло бы согреть старушечьи кости. Пекарь шумно храпел, запрокинув голову. Наемник не без сожаления вспомнил мягкую постель в харчевне Борумбдара. Он хотел было вызваться нести ночную вахту, но минотавр сообщил, что может обходиться без сна чуть ли не неделю, и Наемнику ничего не оставалось, как попытаться уснуть.

И вновь сон набросился на него неожиданно, словно хищное животное. В тот самый момент, когда он уже откинул всякие попытки устроиться поудобней и согреться. На этот раз сон не был таким отчетливым и более походил на отрывки смутных воспоминаний, чем на ясную картину минувших событий. Вновь ему снились Антонио и Мария. Вновь он ощущал страх и смятение. Но на этот раз был иной страх, несший в себе надежду, предвкушение чего-то великого.

Невольно воин стал свидетелем самого загадочного и самого чудного события во Вселенной. Невзирая на крики Марии, на паническую суету Антонио, он прикоснулся к извечному. Он увидел, как рождается жизнь. Услышал детский крик, и мир словно очистился, стал светлее. Младенец на руках у матери. Божественная икона. Ожившее Евангелие. Он ни разу в жизни не был свидетелем подобного.

Наемник часто размышлял о том, возможно ли доказать существование Бога. И вот теперь смотрел на самое яркое тому подтверждение. Вся его выштудированная религиозность, все заученные молитвы ничего не стоили рядом с этим чудом. Живое воплощение Божьей любви и благодати. Всегда он считал себя человеком не далеким от веры. Но глядя на Антонио, склонившегося над своей женой и сыном, глядя в полные любви и заботы глаза Марии, Наемник осознал, что совсем не знает того Творца, которому так часто молился. Не знает ни Его сердца, ни Его путей.

Глядя на открывшуюся ему картину, альмогавар боялся сделать вдох, чтобы не разрушить эту фреску идилии. В этот момент он позабыл обо всем, даже полностью перестал думать о каменном ноже с алмазом. В этот момент он был счастлив. Спустя бесконечные минуты воин обнаружил, что его лицо мокрое от слез. Но, странно, он совершенно не мог вспомнить плакал ли он. Да что там, даже не взялся бы утверждать сделал ли за все время хотя бы один вдох.

Это был дивный подарок судьбы, который он не заслужил. Но пройдет немного времени, и он таки совершит самую страшную ошибку в своей жизни. Он будет корить себя, будет терзаться и проклинать тот день. Но это будет потом. Сейчас же он просто радовался со всей Вселенной и впервые в жизни, по-настоящему, верил.

Перед тем как лечь спать, Марфа вызвалась постирать грязную одежду. Ей было приятно ощутить себя полезной. Она была в восторге от новых друзей, особенно ее пленила Бабуля своей навязчивой заботой. Девочке было приятно оказаться в центре чьего-то внимания. Давно никто не заботился о ней, она уж и забыла, что бывают на свете люди, которые не горят желанием дать тебе пинка или затрещину. В харчевне все относились к ней словно она была заразной. Единственное, на что она могла рассчитывать, была жалость. Из жалости Борумбдар не вышвырнул ее на улицу. Из жалости ей позволяли греться у огня и есть отбросы. Но спустя время и жалость становится неотличима от презрения. А здесь она ощущала себя равной. Она была таким же членом их группы, как и минотавр. Да, она не умела сражаться и врачевать, но, по крайней мере, одежду постирать она способна.

Неся в охапке грязное тряпье, Марфа направилась к реке. Проходя мимо сваленной у дерева поклажи, она услышала како-е-то гудение. Равнодушно пожав плечами, пошла дальше. Ночь была звездной, но, как обычно это бывало на Нурлинь, пользы от этого света было мало. Разложив белье на большом камне, девочка принялась за стирку. Вода в реке была холодная, поэтому нужно было все делать быстро. Напевая старую песню, которой научила ее мать, девочка стирала одежду своих новых товарищей. Руки потеряли чувствительность от холода, тело покрылось гусиной кожей, но Марфа упорно продолжала свое дело.

Когда со стиркой было покончено, она собрала мокрое белье и направилась к костру, чтобы развесить сушиться над огнем. Кoftа ее намочила и прилипла к телу. Но девочка улыбалась. Она полезна. Она не пустое место. Она счастлива.

Как только Марфа поравнялась с деревом, у которого была сложена поклажа путников, гудение вновь повторилось. На этот раз она не прошла мимо. Гудение переросло в вибрирующий

высокий звук, едва слышный, но девочка покрылась каплями пота. Без сомнений, это не был жук или зверек. Марфа отчетливо слышала мотив песни. Той самой, которую только что пела у реки. Кто-то издевался над ней? Она огляделась по сторонам. Странная птица давно куда-то упорхнула. Все остальные спали, и лишь грузный силуэт минотавра виднелся вдали между деревьями. Девочка отложила постиранное белье и принялась рыться в сложенных у дерева вещах. Звук исходил из рюкзака Огненного пса. Девочка опешила. Ей было не впервой шарить в чужих вещах, жизнь принуждала и не к такому. Но все же Огненный пес...

Мелодия зазвучала настойчивей, и Марфа, снедаемая любопытством, все же осмелилась потянуть за шнурок рюкзака. Издававший шум предмет она отыскала без особого труда. Он вибрировал в ее маленьких ладонях, словно был живым существом. Тот самый предмет, который обронил злой тролль. Камо назвал эту вещь «устройством». Мелодия прекратилась. Девочка замерла в нерешительности. Что это было? Не слышалось ли ей? Быть может, это какая-то дивная магия, которая проникла в ее воспоминания и извлекла оттуда любимую сердцу мелодию?

Марфа опасливо погладила предмет. Что-то хрустнуло внутри. Какой-то механический шум. Предмет тускло замерцал.

— Здравствуй, Марфа, — заискивающий, но скребущий, как когти, голос обратился к ней.

Девочка взвизгнула от неожиданности и опасливо огляделась по сторонам в поиске источника голоса, но поблизости никого не оказалось.

— Как ты выросла. Стала настоящей красавицей. Маленькая принцесса. Твои родители умерли бы от счастья, глядя на тебя.

Марфа поняла, откуда исходит злобещий голос. Тело ее задрожало, и пальцы разжались, роняя на землю устройство.

— Что ты знаешь о моих родителях? — сбивчиво, но требовательно обратилась она к невидимому собеседнику.

— Я много чего знаю. У меня повсюду глаза и уши. Я, как и ты, весьма любопытная особа. А что касается твоих родителей, не буду врать, о судьбе твоей дорогой матери мне ничего не известно. Но это не надолго... А вот отец твой уже долгое время является моим, так бы сказать, гостем. И он очень по тебе скучает. Ты бы хотела вновь увидеть своего драгоценного папочку, Марфа?

— Да-да, — дрожащими губами ответила девочка, — я очень сильно хочу его увидеть.

— И ты обязательно его увидишь, — успокаивающе заверил голос. — Не в моих правилах отпускать пленников, но ради такой красавицы, как ты, я, так уж и быть, сделаю исключение. Но взамен ты должна выполнить одно мое поручение.

— Чего ты хочешь? — поинтересовалась девочка, затаив дыхание в ожидании ответа.

— Не бойся, ничего такого, с чем бы ты не справилась. Принеси мне одну вещьцу, и я отпущу твоего папочку, даю слово. Принеси мне ее. Принеси мне Длань.

Марфа посмотрела на мирно посапывавшего у костра Гайла. Глаза ее заволокли слезы. Как? Как она могла предать их? После всего, что они для нее сделали...

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, — перебил ее мысли голос. — Решать тебе. Чего ты желаешь больше: остаться со своими новыми друзьями или спасти папочку?

Марфа беззвучно разрыдалась. Ничего больше не желала она, как вновь оказаться рядом с родителями. Но не такой ценой.

— Кто ты? — единственное, что смогла выдавить из себя девочка. Мир, который обрел осмысленную форму, вновь рушился, как карточный домик. Судьба в очередной раз ставила ей подножку.

— Кто я? — голос звучал удивленно. Затем раздался омерзительный смех, заставивший девочку съежиться от страха: — Разве тебе недостаточно того, что твой папочка будет с тобой? Ты действительно весьма любопытное создание. Но мне это нравится. Знаешь, мне это сильно нравится.

Повисла долгая пауза, и девочка уже подумала, что собеседник «ушел», оставив ее вопрос без ответа, и она не могла взять в толк, хорошо это или плохо.

— Много имен у меня, — вновь заговорил голос, — даже не знаю, как тебе ответить, чтобы ты случайно не умерла от страха. Я все же рассчитываю, что ты выполнишь мое поручение.

— Ты служишь Однокрылому Дракону? — предположила Марфа.

— Не совсем, — впервые за весь разговор невидимый собеседник замялся, и в голосе его прозвучало нечто, отдаленно похожее на смущение, — не слуга. Я и есть он. Я Однокрылый Дракон, и, как ты понимаешь, я не могу позволить, чтобы твои друзья исполнили задуманное.

Гайл спал беспокойно и очнулся задолго до зари. Что-то тревожило его, но он никак не мог взять в толк, что именно? Костер уже угас, свирепый ветер завывал, сотрясая верхушки деревьев. Быстрая тень пронеслась у него над головой. Сокол грациозно спланировал и уселся на бревно у самого носа Гайла.

— Где ты был? — поинтересовался Огненный пес.

«Наведывался на север. Полакомился улитками в Тихом море, пообщался с парой тройкой отставных магов».

— Какие-нибудь новости? Удалось разузнать, кто создал этих назойливых гомункулов?

«Я над этим работаю, — в голосе Хранителя слышалось раздражение. — Хватит уже прохлаждаться. Буди всех. Со стороны Каменного Леса движется отряд стражи, нужно успеть к переправе до того, как они отрежут вам путь».

Гайл потянулся всем телом и зевнул, свесив набок язык. Из-за деревьев показался минотавр, грузно шагая, он подошел к костру. На его мохнатой морде застыла гримаса усталости и недовольства. Видать, все-таки он испытывал некие неудобства

от всенощного бдения. Растолкав в бок пекаря и старуху, он подошел к спящему Наемнику и застыл в нерешительности.

— Только посмей! У меня еще осталась одна здоровая рука, помни об этом, — пригрозил ему Наемник, открывая глаза и аккуратно разминая больную руку. Затем он окинул поляну пристальным взглядом и поинтересовался: — Где Марфа?

Все принялись оглядываться по сторонам. Старуха стала звать девочку по имени.

— Ты был на посту, куда она подевалась? — накинулся Наемник на минотавра.

— Я следил за тем, чтобы никто не подобрался к лагерю незамеченным. Я не следил за самим лагерем, — с обидой в голосе оправдывался Астерид.

— Может, она пошла к реке? — предположил пекарь.

— Вот стирание белье, — старуха указала на сложенную у дерева кучу влажного тряпья, — она собиралась развесить его над костром. Странно...

— Где она?! — голос Гайла был полон ужаса. Пес принялся метаться вокруг костра, что-то безуспешно выискивая: — Где Длань? Она была здесь... Как она могла исчезнуть?

Все сразу засуетились. В лагере разгорелась настоящая паника. Никто не думал о том, что вид они имели комичный и жалкий. Все понимали, в каком ужасном положении очутились. Их миссия оказалась под угрозой. Совсем недавно обретенная зыбкая надежда рушились на глазах.

«Можете не искать ни Длань, ни девочку, их здесь нет», — вынес заключение Хранитель.

— Но почему? — недоумевал Гайл. Он порылся в своем рюкзаке: — Устройство тролля тоже исчезло. Что здесь происходит, кто-то может мне объяснить?

— Нас разыграли, — подытожил минотавр, — все это было хорошо спланированным спектаклем. Тролль подбросил нам это устройство. Девочка тоже хорошо сыграла свою роль.

— Не смей! — накинулся Наемник на минотавра. — Она здесь не причем, ты слышишь? Я за нее ручаюсь. Она не одна из них.

— Я ничего не утверждаю, — пошел на попятную минотавр, — но очевидно, что наши враги смогли каким-то образом вынудить ее сделать то, что она сделала. Как долго ты ее знаешь? Если я правильно понял, она была обычной побирушкой. Быть может, ей предложили заманчивую плату? Одно я не могу понять: как ей удалось похитить Длань из-под самого носа Огненного пса? И самое главное — как она смогла пройти незамеченной мимо меня?

«В этом нет ничего странного, — заговорил Сокол. — Когда мы сражались с Наемником в харчевне, то стали свидетелями весьма интересного происшествия: девочка продемонстрировала очень полезный навык. Она — шагающая между мирами. Вполне возможно, что один из ее родителей — мираж. Такому существу не составит труда прошмыгнуть незамеченным мимо минотавра, если только минотавр не обучен заглядывать в потусторонний мир».

— Мираж?! — голос Гайла задрожал от ярости и обиды. Пес грубо толкнул Наемника в грудь: — Ты это знал? Ты знал, что она мираж и ничего не сказал? Ты привел ее. Она вкралась в наше доверие и похитила Длань. Я нанял тебя, чтобы ты следил за такими вещами, чтобы ты предупреждал меня об опасности, о коварстве и двуличии. А ты сам привел ко мне воровку!

— Знаешь что, с меня хватит! — не выдержал Наемник. Он обвел всех присутствующих холодным взглядом: — Посмотрите на себя, спасители мира. Беззащитной девочке семь лет. Нет дома, нет семьи. Может, ее уже нет в живых. Но все, что вас тревожит, это ваш ненаглядный булыжник!

— От этого булыжника зависит судьба целого мира! — голос Гайла сорвался. На свету блеснули острые как ножи клыки.

— Ваш мир — это одна большая свалка пресмыкающихся, жалких отбросов. Пусть пропадет пропадом весь ваш мир, если жизнь маленькой девочки здесь ничего не стоит.

Наемник подхватил свои вещи и зашагал прочь.

— Ты это куда? — Гайл в два прыжка преградил ему путь. — Снова убегаешь от разговора? Мы это уже не раз проходили.

— В одном ты прав, — отозвался Наемник, даже не глядя на ошетилившегося пса, — это я ее привел. И я в ответе за нее. Я найду ее, чего бы мне это ни стоило.

Сокол взмыл в небо и направился за Наемником.

— Хочешь попытаться его остановить? — поинтересовался Гайл. «Вообще-то, нет. Собираюсь составить ему компанию».

— Ты не можешь меня бросить, — Гайл погнался за птицей, лая ей в след.

«Не забывайся, Тихар-Ку. Я — Хранитель, и ни перед кем не держу отчет. Никто не вправе приказывать мне, что делать. Заноза... Наемник впервые за долгое время принял решение, за которое впоследствии ему не будет стыдно. И я собираюсь его поддержать в этом».

Пес застыл на поляне и глядел вслед Хранителю, покуда его пернатая фигура не скрылась в гуще деревьев. Он был так близко. В какой-то момент ему казалось, что у него получится. Но все рушилось на глазах. Его план катился коту под хвост.

Лимб — место вечного холода. Но то был иной холод: холод одиночества, холод безучастности и тоски. Этот холод не приходил извне, он зарождался внутри, в глубинах души. Может, поэтому Марфа и ненавидела его. По этой причине она так легко позабыла его тропы. Но лимб нашел ее. Он всегда находил своих детей. Рано или поздно все миражи, которым удалось вырваться из его тесных объятий, вновь оказывались в этом загробном месте.

Ее отец был обычным, рожденным на Нурлинь человеком. Но мать... мать была чистокровным миражом. Избрав путь живых,

связав свою судьбу со смертным человеком, она смогла передать свой дар дочери. Теперь Марфа проклинала этот дар. Корила себя за то, что не такая, как все. Она плакала, но в лимбе не было слез. Она кричала, но наполнявшие это место существа были лишены слуха. Да и если бы они имели способность слушать, вряд ли пожалели бы эту маленькую потерянную девочку. Вновь она была одна. Вновь всеми презренная. Но глубоко в сердце теплилась надежда. Вполне возможно, что это был жестокий обман. Коварный враг воспользовался ее наивной доверчивостью. Но все же она надеялась. Верила, что, несмотря на все то горе и несправедливость, которые с ней приключились, она в конце концов вновь обретет семью. Вновь будет любимой.

Марфа увидела их издалека. Черные, лишённые душ мерцания. Она знала, кто это. Видела их прежде глазами бестелесного призрака. Они выглядели как рыцари, но были «фальшивыми». Однако было еще что-то. В мире живых эти существа могли сойти за обычных гномов. Но находясь в лимбе, Марфа видела их подлинное нутро. У каждого живого существа была душа. Эти же были пустыми сосудами, и вязкая, осязаемая тьма наполняла их.

Предводитель разбойников вышел вперед.

— Ты принесла то, что просили? — требовательно обратился он к девочке.

Марфа дрожала от страха. Ей хотелось броситься наутек или вновь укрыться в лимб. Но она должна быть сильной. Должна быть смелой. Ради папы. Она вышла вперед и протянула предмет гному. Длань обжигала ее маленькие ладони. «Фальшивый» рыцарь приблизился. Марфа зажмурила глаза и приготовилась к самому худшему. Но гном лишь резко выхватил святыню у нее из рук.

— Хозяин будет доволен, — послышался полный одобрения голос. — Ты больше ни о чем не забыла?

Девочка дрожащей рукой отдала гному устройство, через которое с ней общался Дракон. Она была рада избавиться от этой зловещей штуковины.

Гном удовлетворенно хмыкнул и развернулся, чтобы удалиться.

— Стой! — воскликнула Марфа, сама удивляясь неведомо откуда взявшемуся приливу дерзости. — Ты не можешь так уйти! Он мне обещал!

Гном остановился и из-под густых бровей сверлил девочку суровым взглядом.

— Он обещал, — повторила она. Страх не исчез, но терять ей уже было нечего.

— Ах да, чуть не забыл, — хлопнул себя по лбу предводитель гномьего отряда.

Его подчиненные бросили к ногам девочки истощенную фигуру мужчины. Человек был связан, но вид имел настолько жалкий, что вряд ли смог бы и шагу ступить без посторонней помощи, не то что сопротивляться. Девочка припала на колени и обняла истощенное лицо. Слезы ее катились по щекам, смывая все сомнения и страхи. Это был он. Это был действительно он.

— Мар... фа? — хриплый, лишенный воли и сил голос. Но это был его голос.

— Папочка.

Марфа что есть силы прижалась к нему. Больше она его никогда не отпустит. Больше никто не сможет их разлучить. Никогда.

Наемник был неплохим следопытом. Но искать человека, который не ступает по земле, предпочитая тропы потустороннего мира, было задачей весьма затруднительной. Но Наемник не сдавался. Если нужно, он потратит на поиски всю оставшуюся жизнь. Больше он никого не подведет. И пусть это будет его жертва. Дар покаяния, который он возложит на алтарь перед терзающими его призраками.

«Ты изменился, — зазвучал в его голове голос Хранителя. — Вновь идешь наперекор всем моим планам и ожиданиям, но на этот раз тобой руководит не эгоизм. Это что-то новое».

Наемник ничего не ответил. Продолжал поиски. Он знал, если девочка еще жива — она захочет, чтобы он ее нашел. Не важно, что она совершила, он верил, что на это у девочки были веские причины. Не просто верил, он это знал, и никто не смог бы убедить его в обратном...

Он нашел ее у поваленной ели. Девочка сидела на земле и гладила волосы мирно спящего мужчины, который лежал на сооруженном из хвойных веток настиле. Наемник вздохнул с облегчением. Она жива. Остальное не имеет значения. Он сделал несколько шагов ей навстречу. Сухая ветка треснула под его ногой, и девочка испуганно вскочила, оглядываясь по сторонам. Он приблизился, демонстрируя поднятые вверх пустые ладони. Левую руку пронзила острая боль, но он не обращал на это внимания. Девочка попятилась.

— Я не хотела, — пискляво прошептала она, — меня заставили. Ты думаешь, что я плохая, испорченная... Все так думают.

— Это твой отец?

— Что? — было видно, что вопрос Наемника озадачил девочку. Она в недоумении посмотрела на него. Затем повторила, думая, что он не расслышал: — Я испорченная.

— Ты не испорченная. Никогда так не говори, — Наемник присел рядом с Марфой. Он потянулся к ней. На этот раз она не отпрянула.

— Я предала вас, — сквозь слезы заговорила она, — мне так стыдно. Ты никогда меня не простишь.

— Мне не за что тебя прощать, ты все сделала правильно.

— Но Огненный пес... он так хотел спасти Нурлинь. А я украла...

— Как видишь, Нурлинь никуда не исчезла. Уверен, Огненный пес что-нибудь придумает.

— Но как же Длань?

— Длань — это всего лишь вещь. Не знаю, какой там могущественной силой она обладает, но это не делает ее ценнее человеческой жиз-

ни. Есть вещи, за которые многие готовы отдать все, даже душу. Но ты сделала верный выбор, ты выбрала отца. Ты выбрала спасти жизнь. Хотел бы я иметь такое сердце, как у тебя. Но я не умею так, как ты. Я не умею ценить жизнь.

Наемник достал свой меч и зажал его между колен. Затем здоровой рукой открутил рукоять. На траву упал блистающий предмет. Наемник поднял его и поднес к глазам девочки. Это был алмаз. Невероятных размеров и невиданной красоты. Где-то на дереве истерически захохотала птица.

— В моей жизни случился момент, когда мне тоже нужно было сделать выбор. Я должен был спасти людей. Хороших людей. Но появился этот проклятый камень. Теперь я знаю... точно уверен, что это было испытание. И я не справился. Сблазн был так велик. Я выбрал вещь. Выбрал этот камень. Тогда мне показалось, что это разумное решение. Но я был ослеплен. Ослеплен коварным блеском. Этот алмаз сделал бы меня настоящим богачом, так думалось мне. Я был глупцом. Но содеянного не воротить, как бы я ни терзал себя. Я бы отдал все, чтобы повернуть время вспять, но обречен жить с этим. Но теперь я понимаю, нет ничего ценнее человеческой жизни. Ни одна, даже самая драгоценная вещь в мире, не стоит жизни. Пройдет время, и ты тоже это поймешь и никогда не усомнишься, что поступила правильно. Я горжусь тобой и очень тебе завидую.

Девочка, не в силах сдержать слез, прижалась к груди Наемника. Ее отец пошевелился во сне, но так и не очнулся. Он был истощен физически и нуждался в покое. Наемник ощутил, как тяжелый камень, давивший ему грудь, стал намного легче. Нет, он понимал, что этого не достаточно, что ему предстоит еще совершить так много, чтобы рассчитывать на полное искупление. Но впервые за долгое время он ощутил себя на верном пути. И это был путь, который избрал он сам. Никто — ни Гайл, ни Сокол — не принудил его к этому. Это был его выбор. Он выбрал жизнь.

Серый Поселок полностью соответствовал своему названию. Не исчез он лишь благодаря тому, что находился между капищем Эмихола и Киолафесом. Киолафес принадлежал гильдии ткачей, земледелие там было не в почете. Жители Серого Поселка снабжали Киолафес провизией и за счет этого существовали.

Тоуф и Нервин уже битый час прохаживались по рынку, но Фарлока нигде не было видно.

— М-м-может, он уже не в поселке? А что если м-м-мы опоздали? — Тоуф озабоченно глядел по сторонам.

— Что-то мне подсказывает — брат Фарлок еще здесь, — голос гнома звучал уверенно. И он таки оказался прав.

Фарлок обнаружился у лотка с вяленой олениной. Он вел оживленный спор с торговцем, потрясая в воздухе посохом. Торговец знал свое дело и цену снижать не собирался.

— Да будь вы хоть генералом Кусиото, три медяка — это моя окончательная цена. Я, конечно, чту Эмихола и его слуг, но бизнес есть бизнес. Это вы у себя в капище можете задарма питаться. А здесь рынок, цена для всех одна.

Фарлок раздраженно махнул рукой и кинул торговцу три монеты. Тоуф и Нервин попытались подобраться к нему поближе. Хитрые старцы старались не привлекать к себе внимания. Тоуф, в целях маскировки, одел на голову купленный на рынке котелок (возможно, это их и выдавало). Фарлок заметил их и поспешил удалиться. Он уже собрался было затеряться в гуще узких проходов, но гном окликнул его:

— Брат Фарлок, мы хотим всего лишь поговорить. Мы не собираемся останавливать тебя.

— Пог-г-говорим и разойдемся, чего уж там, — добавил Тоуф и обезоруживающе улыбнулся.

— Я тороплюсь, — холодно бросил Фарлок.

— И мы не собираемся тебя задерживать.

— Тогда чего вы от меня хотите? Переубедить меня не удастся, я сделал свой выбор.

— Мы всего лишь хотим предложить свою помощь.

— Что? — на лице некроманта застыло удивление. Он был готов ко всему: упрекам, уговорам, проклятиям, но не к этому.

— Мы хотим предложить тебе свою помощь. Какой бы путь тебе ни предстоял, мы готовы пройти его с тобой.

— Лучше возвращайтесь. Вдали от капища вы начнете стариться и слабеть. Это билет в один конец. Я не могу принять эту жертву. Да вы и не знаете, что я задумал.

— Мы братья. Гайла мы уже потеряли. С тобой мы не совершим ту же ошибку. Длани больше нет и оставаться в капище бессмысленно. А что до твоих секретов, то не верю я, что ты способен какое зло замыслить. Я тебя знаю, ты больше не некромант, не сын Аэндора. Ты старейшина и наш брат. И мы идем с тобой.

— К-к-куда ты, туда и мы, — добавил Тоуф.

— Я направляюсь к Пикам Безрассудства, — сознался Фарлок, — и пойду через Мерзлые Земли. Не стоит вам подвергать свои жизни риску ради меня.

— Не у тебя одного есть секрет, — заявил Нервин. Он извлек из сумки стеклянную банку, в которой плавала отрубленная рука. — Я хочу разобраться, кто это совершил. Хочу узнать, кто осмелился надругаться над могилой моего брата и породить монстров.

— Тебе может не понравиться то, что ты узнаешь, — отрешенно ответил Фарлок, — Готов ли ты к этому?

— Я не позволю глумиться над памятью моего брата. Он мертв, а эти гомункулы всего лишь ходящие куклы. Я знаю, что нужно делать. Не бойся, моя рука не дрогнет.

— А ты, брат Тоуф, — Фарлок поглядел на горбуна, — ты почему здесь?

Тоуф помедлил с ответом, затем извлек из-за пояса ржавую рапиру и громогласно воскликнул:

— А я ж-ж-жажду п-п-приключений. Хочу б-б-быть героем, разить троллей и чудищ.

— Ну что ж, — сдался Фарлок, — чего-чего, а этого добра нас ждет вдоволь.

Они сидели вдали от костра, прислушиваясь к пению миновтавра. Старуха о чем-то оживленно беседовала с пекарем. Марфа жарила на огне наколотый на ветку гриб. Отец обнимал ее за плечи и задумчиво глядел на пламя.

— Сдается мне, они станут хорошей командой, — заговорил Гайл, глядя на свой разношерстный отряд.

— Они уже команда, — отозвался Наемник, — это нам с тобой нужно учиться коллективной работе.

— Твоя правда, — не стал спорить Гайл.

Он раскладывал вещи в рюкзаке и жевал вяленое мясо. Он вновь был человеком. У них с Наемником предстоял серьезный разговор, и Гайл решил предстать пред ним в том облиции, которое было привычнее Наемнику.

— И что теперь? — поинтересовался Наемник.

— План все тот же — спасти мир. Мы столкнулись со значительным затруднением, но еще есть шанс.

— Собираешься вернуть Длань?

— Само собой разумеется. И я даже знаю, где начать поиски. Когда мы были в Залардане, я попросил Мазерепа кое-что раскопать. Помнишь то сломанное устройство, которое разбил гном у запруды? Я знаю, где его изготовили. Найдем заказчика — найдем Длань. В мои планы не входило посещение Ефиля, но, видать, иного выбора у нас нет.

— А что особенного в этом городе? Чего ты опасаться?

— Я не города опасуюсь, а его обитателей. Там расположена Академия городской стражи. Будет непросто миновать

многоуровневый патруль. Не всех бродяг пускают в город. У нас должна быть веская причина.

Наемник, поразмыслив немного, полез в карман куртки и протянул товарищу рекомендательное письмо. Глаза Гайла полезли на лоб при виде печати Хадлеара.

— Это сойдет за вескую причину? — усмехнулся Наемник.

— Сколько же у тебя секретов?

— Найдется парочка, — продолжал веселиться Наемник.

— Раз уж мы принялись откровенничать, может, скажешь мне, в конце концов, свое подлинное имя?

— Размечтался.

На востоке вспыхнула яркая звезда. Она переливалась всеми цветами радуги и ритмично пульсировала. Наемник заворуженно уставился на небесное светило.

— Странно, раньше я этой звезды не видел, — поделился он своим наблюдением.

— Ты и не мог ее видеть, ведь это никакая не звезда. Скоро откроется первый портал. Ярмарка миров не за горами.

— Это ведь хорошо? — поинтересовался Наемник, глядя на товарища.

— Будет хорошо, если Длань Эмихола в скором времени окажется в наших руках.

— Тогда нам нужно поспешить. Хотел бы я взглянуть на вашу Ярмарку миров.

— Если все пойдет по плану, тебе представится такая возможность.

— Думаешь, мне понравится?

Гайл заговорщицки улыбнулся:

— Думаю, ты будешь в восторге.

Интерлюдия 5

О мятежном арретанце

Полет радости, полет бесконечности.

Дракон терпеливо ожидал своего Господина. Тень его отражалась в зеркальной воде планеты. Он умел ждать. Время ничего не значило. Ведь Эмихол был наездником, и не мог жить без полета. Их полета. Полета радости.

Но шли годы, и дракон уже не ощущал той радости. Изредка он наблюдал, как размытые силуэты резвятся в лазурном море. Эмихол забавлялся со своими новыми игрушками. Скоро ему надоест. Скоро он бросит их и вернется к своему верному Дракону.

Но время словно застыло, бездействие становилось невыносимым. Каждый новый день он все ближе и ближе спускался к зеркальной воде. Он боялся воды. В воде невозможно совершать полет радости. Вода — плохая. Вода значила смерть, неужели Эмихол не видел этого? Неужели он не догадывался, как страдает его верный Дракон? Впервые он ощутил одиночество. Впервые испугался. Спустившись к воде еще ниже, он сделал то, что никогда не позволял себе прежде — он позвал. Он прервал покой своего Господина, и Эмихол пришел.

— Полет радости, — напомнил Дракон.

— Как я рад видеть тебя, друг мой, — голос, который он так давно не слышал, изменился. В нем появилось нечто новое, но Дракон не мог определить что, ведь для него не были постижимы нежность и доброта.

— Полет бесконечности, — настаивал Дракон.

— Посмотри на этот мир. Разве он не прекрасен? Это самое дивное, что я когда-либо творил. О, как бы я хотел, чтобы ты смог разделить мою радость. Как бы я хотел, чтобы и ты смог уразуметь их красоту. Они — венец моего творения. Мои дети.

— Полет радости, — не сдавался Дракон. — Будут и иные миры. Будут иные дети, такие же прекрасные.

— Нет. Довольно! — возразил Эмихол. — Если я и дальше продолжу творить миры, то тем самым обесценю красоту и величие Аррет.

— Полет бесконечности...

— Есть в жизни вещи куда более ценные, чем полет, куда более захватывающие, чем бесконечность.

И он ушел, погрузился в воду, а Дракон остался один. Больше он не звал своего Господина. Дракон обнаружил в себе новое качество, которого раньше не наблюдал, — гордость. А затем пришла зависть и злость. Он оказался ненужным. Он стал бесполезным. В его услугах не нуждались.

Однажды он начал замечать, как стая арретанцев всплывала на поверхность и завороченно смотрела на звезды. Это продолжалось снова и снова. И тут Дракон придумал план. Если Эмихол так сильно ослеплен своими новыми зверюшками, что позабыл о полете, то Дракон сделает все возможное, дабы он их возненавидел. Когда Эмихол разочаруется в своих детях, то вновь полюбит полет. Их полет. Полет радости.

И Дракон улетел. Никогда он ничего не творил сам, но часто наблюдал за своим Господином. И вот теперь он учился творить. Он творил мир. Мир, у которого будет лишь одно предназначение, — стать капканом...

Когда стая арратанцев в очередной раз всплыла на поверхность понаблюдать за звездами, Дракон спустился к ним.

— Не прекрасны ли эти небесные светила? — заговорил он.

— Они... прекрасны, — ответил Лоамми¹⁵, предводитель стаи.

---

¹⁵Лоамми (ивр. «не Мой народ») — мужское имя (Библия, Книга пророка Осии).

Слова давались ему с трудом, ведь впервые он говорил не под твердью воды.

— А сколько еще их сокрыто от взора живых. Целые галактики, миллиарды миров и солнц. И все они не менее прекрасны.

— Зачем их столько... если их нельзя увидеть? — поинтересовался Лоамми.

— О, их можно увидеть. Но не с этой планеты. Ядро твоего мира светит настолько сильно, что заглушает собой сияние других звезд. Они есть, но ты их не можешь увидеть, — в голосе Дракона слышалось сожаление.

— Как жаль, что я не могу их увидеть, — обреченно молвил Лоамми.

— Есть место, блуждающая планета, которая странствует во Вселенной. Живущий на ней сможет каждый день наслаждаться видом звезд и созерцанием новых миров.

— Как счастливы те, кто обитает на ней, — мечтательно проговорил Лоамми.

— Скоро эта планета пролетит совсем рядом с твоим миром, и ты сможешь увидеть ее. Я бы даже смог помочь тебе до нее добратся. Но ты, разумеется, не захочешь. Ведь у тебя уже есть свой мир, не такой прекрасный и разнообразный, но дом не выбирают.

— Ты и вправду сможешь взять меня туда? — голос Лоамми был полон надежды.

— Разумеется, могу, мне это не сложно.

— А как называется это дивный мир?

— О, имя этому миру такое же чудное, как и он сам. Я называю его Новое Начало. Нур Линь.

— Нурлинь, — повторил Лоамми. В его мечтательных глазах блеснули отражения новых звезд, которые ему еще предстояло увидеть.

Нурлиньская летопись о светлых деяниях Эмихола.

Утерянная глава.

ЭПИЛОГ

Бухта Иза отдалялась. Он вновь выходил в море. Вернее, возвращался домой. Свирепый ветер завывал и раскачивал лодку. Холодная соленая вода переливалась за борта судна. Лоамми поправил парус и взял путь на середину Тихого моря. Он доставил свежую рыбу Изу и теперь направлялся домой. Вода была черной, и даже звезды не отражались в ней. Он уже и позабыл, что может быть по-другому. Хотя в памяти его по-прежнему теплились воспоминания о прекрасных подводных садах Аррет. Тело его еще помнило ласковое тепло и мирное свечение ядра его родной планеты. Но он старался не думать о давно утраченном. Ему обещали звезды. Ему сулили новые миры. Жалел ли он о своем выборе? Хотел ли повернуть время вспять? У него были столетия, чтобы подумать, но он так и не нашел ответа на этот вопрос. Он не в силах что-либо изменить. Что сделано — то сделано. Подумать только, он был самым древним существом из всех живущих на Нурлинь, а ему досталась роль жалкого рыбака.

По правому борту возвышались заснеженные горные пики. Пики Безрассудства. Где-то там покоился его освободитель и

враг, учитель и искуситель. Тот, кто подговорил его совершить этот безрассудный поступок. Оба они стали пленниками этого холодного мира. Но, в отличие от покойного Однокрылого Дракона, Лоамми был обречен на мучительно медленное старение. Возможно, он даже доживет до кончины этого мира. Станет свидетелем гибели многострадального солнца.

Гордыня — одно из тех качеств, которому он научился у Дракона. Даже после предательства, Эмихол не отверг его. Невзирая на всю причиненную боль, Лоамми был дарован второй шанс. Эмихол, по своей неизмеримой милости, пришел за ним. И даже тогда Лоамми ожесточил свое и без того очерствелое сердце. Эмихол не настаивал, хотя и мог. О, если бы он только приказал, если бы вынудил гордого безумца подчиниться своей непрекословной воле! Если бы переступил через амбиции своего непутевого дитя. Но то был чуждый Ему путь. Эмихол никогда не посягал на свободную волю своих творений.

Он ушел. Но даже уходя, оставил для Лоамми открытую дверь. Все, что требовалось, — вложить ладонь... Длань Эмихола — бесплатный билет домой. Но Лоамми не сделал этого, когда Длань еще находилась совсем рядом. Тем более он не стал предпринимать попыток вернуться домой, после того как Святыня была перенесена из Пиков Безрассудства в так называемое капище Эмихола. Хотя, какое ему дело, где находится Длань? Он не воспользовался бесплатным билетом тогда, не собиравшись этого делать и сейчас, считая, что корабль уже давно уплыл.

«Если бы Ты кричал на меня! Ох, лучше бы Ты приказал выпороть меня плетью! Но и это не твой путь».

Он глядел в темную воду, словно ожидал упреков. Вода хранила молчание.

«Что есть этот Твой полет радости? Что есть Твоя любовь? Я всего лишь хотел посмотреть на звезды! Откуда мне было знать, что они холодны, как лед? Откуда мне было знать, что они всего

лишь иллюзия? Что они недостижимы и безучастны, как любые мечты юного бунтаря?»

Лоамми устало почесал пересохшие жабры над надбровными дугами, наклонился к воде и увлажнил лицо.

«Все этот Дракон. Это он подговорил меня! Почему Ты не прогнал его? Почему позволил кружить над водами Аррет? Ничего бы этого не было! Нет в том моей вины!»

Со стороны Пиков Безрассудства завывал ветер. Дракон уже много столетий покоился погребенный под скалами. Некого было больше упрекать в своих проступках. Не на кого было больше взвалить вину за содеянное. За это Лоамми ненавидел его больше всего.

«Будь ты проклят, приятель. Да будет имя твое изглажено из летописи чтущих дела Света».

Маленькая лодка качалась на волнах. На Лоамми нахлынула тоска и усталость. Он хотел покоя, но не мог себе этого позволить. Ведь там, в глубинах Тихого моря, его ожидали дети. Подводный город, заселенный его потомками. Все они нуждались в нем. Он не мог их бросить. Не имел права. Ведь по его вине они были вынуждены родиться здесь, в этом гиблом месте.

Он посмотрел на небо. На востоке загоралось кольцо портала. Скоро оно начнет увеличиваться и дверь в иные миры вновь откроется. Все как обещал Дракон. Что-то подсказывало Лоамми — это его последняя Ярмарка миров. Он прожил долгую жизнь, но один неверный поступок перечеркнул все. Его юношеская выходка предопределила будущее для него, его детей и внуков.

Жалел ли он о чем-то? Разве что об одной вещи, что ему так и не удалось сказать эти слова: «Отец, прости. И прими».

*Харьков,
апрель 2014 г.*

УДК 821.161.1(73)-3-93
ББК 84(7Спо=Рос)6-4
Ш66

Декань, Олексій

Сокил, що сміється, та Еміхолова Долоня. — К.: ТОВ «Книгоноша», 2015. — 304 с.

ISBN 978-617-7248-03-2

На смену мастерам мечей и копий приходят пистолы и мушкарды, и некогда славные каталонские отряды альмогавар скоро станут историей. Наемник по кличке Камо сопровождает экспедицию в жгучие джунгли, но оказывается не готовым к возложенной на него миссии. Таинственная птица Смеющийся Сокол переносит его на обитаемую луну Нурлинь. Луна доживает свой последний век, ее солнце остывает. У Наемника есть возможность реабилитировать себя и спасти погибающий мир. На пути ему предстоит повстречать немало союзников, но еще больше врагов. Удастся ли ему достойно использовать подаренный судьбой второй шанс?

Роман «Смеющийся Сокол и Длань Эмихолова», написанный в жанре фэнтези, не оставит читателя равнодушным. Автор поднимает такие философские темы как: свободный выбор, второй шанс и искупление.

«Смеющийся Сокол и Длань Эмихолова» — первая книга Нурлиньских летописей.

УДК 821.161.1(73)-3-93
ББК 84(7Спо=Рос)6-4

Відповідальний редактор: Тарас Бойко
Головний редактор: Ірина Матвієнко
Коректор: Ірина Голубенко
Макет, ілюстрації: Олексій Декань

Підписано до друку 25.04.2015 Формат 60х84/16
Наклад 1000 прим. Зам. №

ТОВ «Книгоноша», м. Київ, а/с 73, 02002, тел. +38 067 4416345
Свідотство суб'єкта видавничої справи ДК№ 3997 від 10.03.2011 року

Віддруковано ПП «Фірма «Гранмна»
м. Київ, Воздухофлотський пр-кт, 94А

ДРУГИЕ КНИГИ АЛЕКСЕЯ ДЕКАНЬ

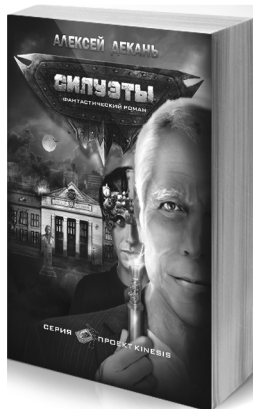

переплет: м/п
формат: 138x200 мм

СМЕЮЩИЙСЯ СОКОЛ И ПИКИ БЕЗРАССУДСТВА НУРЛИНЬСКАЯ ЛЕТОПИСЬ - КНИГА 2

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

На смену мастерам мечей и копий приходят пистолы и мушкарды, и некогда славные каталонские отряды альмогавар скоро станут историей. Наемник по кличке Камо сопровождает экспедицию в жгучие джунгли, но оказывается не готовым к возложенной на него миссии. Таинственная птица Смеющийся Сокол переносит его на обитаемую луну Нурлинь. Луна доживает свой последний век, ее солнце остывает. У Наемника есть возможность реабилитировать себя и спасти погибающий мир. На пути ему предстоит повстречать немало союзников, но еще больше врагов. Удастся ли ему достойно использовать подаренный судьбой второй шанс?

ISBN 978-966-2615-71-5
переплет: м/п
формат: 138x200 мм
кол-во стр.: 240 стр.

СИЛУЭТЫ СЕРИЯ: ПРОЕКТ KINESIS

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Студенты, сверхъестественные способности которых изучаются под тщательным надзором хладнокровных и расчетливых преподавателей. Секретная организация, пытающаяся во что бы то ни стало сохранить свое существование в тайне. Юноша-калека, отчаянно ищущий свое предназначение в жизни. Безумный ученый с комплексом бога и противостоящий ему беспристрастный следователь. Всем им предстоит стать участниками событий, о которых еще долгое время человечество будет вспоминать с содроганием. Ведь фантастическая, крушащая все на своем пути мощь стремится наружу, и стены из холодного камня больше не в силах сдерживать ее.

все книги издательства

Книгоноша®

в магазине

www.knigionline.com

Киев, ул. Нижний Вал, 7-9

+38 044 205-4048

+38 044 205-4047

+38 044 227-2729

